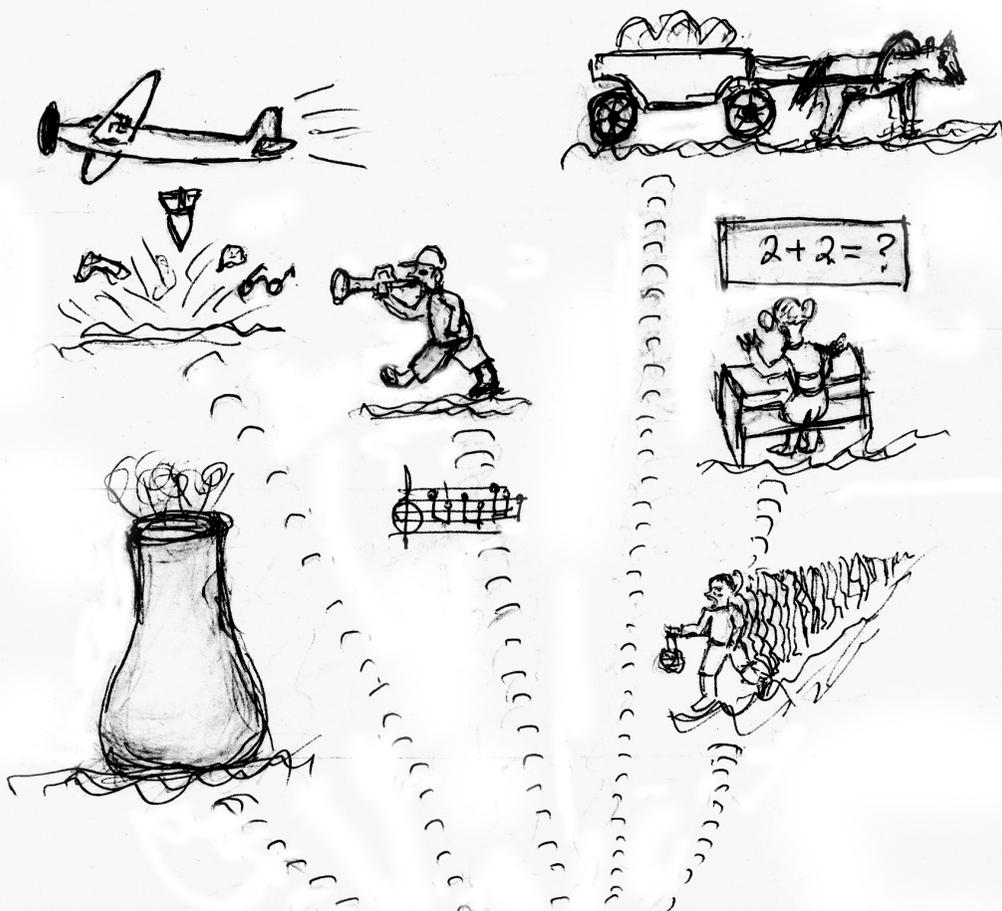

Филипп Теперов

(((ЭХО)))

ПЕСНИ. СТИХИ. ПРОЗА.

ФИЛАДЕЛЬФИЯ 2016

Представление сборника «Эхо»

В предлагаемом сборнике «Эхо» практически весь остаток моего творчества. Это собрание не связанных друг с другом произведений показывает, что я пробовал свои силы в разных жанрах: поэзии, научной фантастике, драме и музыке. Что получилось - то получилось.

Творчеством я занимаюсь с давних времен. Кое-что сохранилось, например, «Песня о мире». Она была готова к исполнению уже в 1956 году, а «Пионерскую походную» я написал в 1970 для начальных классов школы, в которой учился наш сын. Рассказ «Затоптанный росток» я начал писать в 1949 году. Короче говоря, творчество это дело почти всей моей жизни.

В конце этого сборника помещена заметка под названием «Заполнение пробелов в книге», касающаяся моей биографии. Эта заметка по моей оплошности не вошла в написанную лет десять тому назад книгу «По марафону жизни» и содержит ссылки на нее. Книга не стала особенно популярной, но получила хорошие отзывы литературного критика Анатолия Либермана и писателя Семена Резника.

И еще, если кто-либо, приобретя сборник, захочет иметь аккомпанемент к той или иной песне, он получит его без всяких оговорок.

С уважением Ф.Теперов

ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ.

*Выражаю глубокую благодарность жене Белле и сыну
Илье за оказанную помощь в подготовке книги к печати.
Ф.Теперов*

Philip Tepenov

Филипп Теперов

Сору right by Philip Tepenov © 2016

ПЕСНИ

Старый солдат.

♩ = 100

Сза-ри-до - за - ка-та сра-жа-лись мы сол-да-ты и нас ва-лил от
 7
 ня смер-тель-ный шквал — прос ти-те ре - бя-та мне ста-ло труд-но - ва-то ведь
 14
 я у-же сво - е от-во-е - вал — не на-до па -ра-да и ор-де-нов не
 21
 на-до и слад-кий не ку - ри-те фи-ми - ам — лю-бовь мне наг -ра-да и
 28
 друг пусть бу-дет ря-дом а меч свой я по-том-кам пе-ре-дам не
 34
 рвут-ся уж ря-дом ни бом-бы ни сна-ря-ды и бе-ше-но не дер-га-юштур вал —
 41
 — со - не-ты со - на-ты вру-ках мо-их ре - бя-та ведь я у-же сво
 47
 е от-во-е - вал — не на-до па -ра-да и ор-де-нов не на-до и
 54
 слад-кий мне не ну-жен мад-ри-гал — лю-бовь мне на -ра-да и
 60
 луч-ший друг мой ря-дом и меч свой я по-том-кам пе-ре-дал

СТАРЫЙ СОЛДАТ.

С зари до заката сражались мы, солдаты,
И нас валил огня смертельный шквал.
“Простите, ребята, мне стало трудновато -
Ведь я уже свое отвоевал”

Припев:

Не надо парада
И орденов не надо,
И сладкий не курите фимиам.
Любовь – мне награда,
И друг пусть будет рядом,
А меч свой я потомкам передам.

Отряды, бригады под грохот канонады.
Штурмуют укрепленный перевал.
“Возьмите, ребята, мой кортик и гранаты -
Ведь я уже свое отвоевал”

Припев:

Не надо парада
И орденов не надо
И сладкий не курите фимиам,
Любовь – мне награда,
И друг пусть будет рядом,
А меч свой я потомкам передам.

Не рвутся уж рядом ни бомбы ни снаряды,
И бешено не дергаю штурвал.
Сонеты, сонаты в руках моих, ребята -
Ведь я уже свое отвоевал.

Припев:

Не надо парада
И орденов не надо,
И сладкий мне не нужен мадригал.
Любовь мне награда,
И лучший друг мой рядом,
И меч свой я потомкам передал.

1994

Последнее свидание.

$\text{♩} = 100$

тус-клы-е и сон-ные

7
фо-на-ри го-рят буд-ки те-ле-фон-ны-е выс-тро и-лисывряд про-да-ют нас

14
тур-ци-и шум-но и пес-тро пло-щадь Ре-во-лю-ци-и стан-ци-я мет-ро

21
встре-чи и объ-я-ти-я воз-гла-сы и смех жду на-прав-но я те-бя

27
среди счаст-ли-вых тех нер-вы об-на-жен-ны-е вгор ле слов-но яд

33
ка-пель-ки со-ле-ны-е на-гла-зах бле-стят блед-на-я у-щерб-на-я

39
вы-плы-ла лу-на пе-ле-на вол шеб-на-я боль-ше не вид-на за-ка-ти-ла

46
ся звез-да Бог о дин лишь знал кто из нас дво-

50
их тог-да боль-ше по-те-рял

1. 2.

ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ.

Тусклые и сонные
Фонари горят,
Будки телефонные
Выстроились в ряд.

Продают настурции,
Шумно и пестро.
Площадь Революции,
Станция метро.

Встречи и объятия,
Возгласы и смех.
Жду напрасно я тебя
Средь счастливых тех.

Нервы обнаженные,
В горле словно яд,
Капельки соленые
На глазах блестят.

Бледная, ущербная
Выплыла луна.
Пелена волшебная
Больше не видна.

Закатилась звезда.
Бог один лишь знал,
Кто из нас двоих тогда
Больше потерял.

1958

Традиционный сбор

$\text{♩} = 100$

здрав-ствуй-теве-те - ра-ны

здрав-ствуй- род ной при ют э - то - не так уж стран - но что нас - не уз - на - ют

мы по - се - де - ли вде - ле да и - жи - вот ви - сит но мы - ве - те - ра - ны не - по - те - ря - ли

чес - ти - тво - ей ДИ СИ о Аль - ма - ма - тер наш ДИ - СИ не верь ты пус - то - ме - лям в по

ро - хов - ни - цах ко - е что мы сох - ра - нить су - ме - ли... и ес - ли на - до

смо - жем все лишьюль - ко по - про - си о Аль - ма Ма - тер наш ДИ - СИ

ТРАДИЦИОННЫЙ СБОР.

Здравствуйте, ветераны!
Здравствуй, родной приют!
Это не так уж странно,
Что нас не узнают.
Мы поседели в деле,
Да и живот висит.
Но!
Мы ветераны не потеряли
Бодрость твою, ДИСИ!

Припев:

О, Альма – Матер, наш ДИСИ, не верь ты пустомелям-
В пороховницах кое-что мы сохранить сумели,
И, если надо, сможем все. Лишь только попроси.
О, Альма – Матер, наш ДИСИ.

Если средь нас, ребята,
В данный такой момент
Нету лауреатов
Или Героев нет,
Значит ли это где-то,
Что ни ума, ни сил?
Чушь!
Мы ветераны не потеряли
Чести твоей, ДИСИ.

Припев:

О, Альма – Матер, наш ДИСИ, не верь ты пустомелям -
В пороховницах кое-что мы сохранить сумели,
И, если надо, сможем все. Лишь только попроси.
О, Альма – Матер, наш ДИСИ.

Пионерская походная.

The image shows a musical score for a song titled 'Пионерская походная.' The score is written on five staves of music in a single system. The key signature is one flat (B-flat), and the time signature is 2/4. The melody is written on a treble clef. The lyrics are written below the notes. The score is divided into measures by bar lines, with measure numbers 5, 9, 12, and 14 indicated on the left side of the staves. The lyrics are: 'По лес-ной до-ро-ге и по по-лю мы и-дем не как по па-ло
строй-ны-ми ко-лон-на - ми по пар-но мы ша-га-ем ве-се-ло в поход
мы ша-га-ем мы ша-га-ем солн-це нам си-я-ет ба-ра-бан и-гра-ет
и гор-нист гу-дит мы ша-га-ем мы ша-га-ем
ве-тер нас лас-ка-ет звез-доч-ки си-я-ют на гру-ди'.

5
9
12
14

По лес-ной до-ро-ге и по по-лю мы и-дем не как по па-ло
строй-ны-ми ко-лон-на - ми по пар-но мы ша-га-ем ве-се-ло в поход
мы ша-га-ем мы ша-га-ем солн-це нам си-я-ет ба-ра-бан и-гра-ет
и гор-нист гу-дит мы ша-га-ем мы ша-га-ем
ве-тер нас лас-ка-ет звез-доч-ки си-я-ют на гру-ди

ПИОНЕРСКАЯ ПОХОДНАЯ.

По лесной дороге и по полю
Мы идем не как попало,
Стройными колоннами попарно
Мы шагаем весело в поход.

Припев:

Мы шагаем, мы шагаем. Солнце нам сияет,
Барабан играет и горнист гудит.
Мы шагаем, мы шагаем. Ветер нас ласкает.
Звездочки сверкают на груди.

Любим жаркий юг и север строгий,
Гор отроги, рек пороги.
Мы пройти готовы все дороги,
Все дороги вдоль и поперек.

Припев:

Мы шагаем, мы шагаем. Солнце нам сияет,
Барабан играет и горнист гудит.
Мы шагаем, мы шагаем. Ветер нас ласкает.
Звездочки сверкают на груди.

Мы уже устали, между прочим,
Но не плачем, а хохочем.
Славные ребята наши очень,
Нету плакс и нытиков у нас.

Припев:

Мы шагаем, мы шагаем. Солнце нам сияет,
Барабан играет и горнист гудит.
Мы шагаем, мы шагаем. Ветер нас ласкает.
Звездочки сверкают на груди.

1971

Теория относительности.

$\text{♩} = 100$

8 7 6 5 4 3 2 1 пуск На кос-мо-дро-ме но-вень-ком и-
7
дут при-го-тов-ле-ни-я-всо-сед-ню-ю га-лак-ти-ку-пом-чит-ся а-стро-
12
навт ис-тор-жест-ва-ви-нов-ни-ком про-ща-ют-ся ввол-не-ни-и же-
17
навцвет-номха-ла-ти-ке-и сыни-вс-стра-на но-вот-счет-кон-ча-ет-ся ра-
23
ке-та-вверх-взмы-ва-ет-ся и-в-кос-мо-с-скры-ва-ет-ся се-реб-ря-ный сна-ряд зем-
29
ля се-бе-вра-ща-ет-ся-и-гос-ти-раз-ез-жа-ют-ся-же-
33
на-вновь-о-де-ва-ет-ся-о-быч-ный-свой-на-ряд

ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ.

(Восемь.Семь. Шесть. Пять. Четыре. Три. Два. Один. Пуск!)

На космодроме новеньком Идут приготовления, В соседнюю галактику Помчится астронавт.	Но вдруг все изменяется, Ракета появляется, И точно приземляется Серебряный снаряд.
---	--

И с торжества виновником Прощаются в волнении Жена в цветном халатике И сын и вся страна.	Профессор удивляется, Но миг он собирается, Старушка наряжается В любимый свой наряд.
--	--

Но вот отсчет кончается, Ракета вверх взмывает И в космосе скрывается Серебряный снаряд.	А космонавт как искорка - Не постарел в движении, В объятья не бросается, Подарки не дает,
---	---

Земля себе вращается, И гости разъезжаются. Жена вновь одевается В обычный свой наряд.	На сына смотрит искоса, А в этой старой женщине Свою жену – красавицу Никак не узнает.
---	---

Проходят годы гладкие. Жена совсем состарилась, Сынишка стал профессором И приобрел очки.	Но все Окей кончается, Старушка умиляется И тотчас соглашается Его усыновить.
--	--

А в той чужой галактике Ракета как растаяла. Не шлет вестей повеса наш Уж сорок лет почти.	Профессор не теряется, Бутылка открывается, И хором предлагается Эйнштейна всем почтить.
---	---

Эйнштейна всем почтить!

1974

Тени.

Хо-дят те-ни о-пять хо-дят те-ни хо-дят те-ни вся тень-и спле
 5
 тень-и слов-но стеб-ли за-сох-ших рас-те-ний от ды-ха-ни-я спя-щих сте
 9
 пей день про-хо-дит за ок-на-ми те-мень киз-го-ловь-ю сле-та-ют-ся
 13
 те-ни со-би-ра-ют-ся воз-ле пос-те-ли те-ни луч-ших мо-и-их гос
 17
 тей я бе-се-ду-ю сва-а-ми те-ни вот и про-жиле-ще о-дин день я ви-дит
 22
 Бог ни-ка-ки-и-е день-ги не вер-нут нам у-ше ед-ших дней мы при
 26
 вя-за-ны веч-нос-ти зень-я вы не бу-де-те те-ни взабвень-и по-ка
 30
 сам я не ста-а-ну тень-ю од-но-го из у-шед-ших лю-дей хо-дят
 34
 те-ни о-пять хо-дят те-ни хо-дят те-ни вся тень-и сплетень-и-слов-но
 38
 Rit.
 стеб-ли за-сох-ших рас-те-ний - от ды-ха-ни-я спя-щих сте-пей

ТЕНИ.
Памяти моих родителей.

Ходят тени,
Опять ходят тени,
Ходят тени в сплетеньи, смятеньи,
Словно стебли засохших растений
От дыхания спящих степей.

День проходит,
За окнами темень,
К изголовью слетаются тени,
Собираются возле постели
Тени лучших моих гостей.

Я беседую с вами, тени,
Вот и прожил еще один день я,
Видит Бог, никакие деньги
Не вернут нам ушедших дней.

Мы привязаны -вечности звенья,
Вы не будете, тени, в забвеньи,
Пока сам я не стану тенью
Одного из ушедших людей.

Ходят тени,
Опять ходят тени,
Ходят тени в сплетеньи, смятеньи,
Словно стебли засохших растений
От дыхания спящих степей.

1975

Горит звезда.

В. Ходасевич

Го-рит звез - да дро-жит э - фир та-ит-ся ночь впро-ле-те а-рок
 9
 как не лю- бить весь э- тот мир не- ве- ро- ят- ный Твой по - да - рок
 17
 Тыдалмне пять не- вер- ных чувств Тыдалмне вре - мя и про- стран - ство
 25
 иг - ра - ет в ма - ре ве ис кусств мо- ей ду - ши не - пос - то - ян - ство
 33
 и я тво - рю из ни - че - го
 40
 Тво- и ле - са пус - ты - ни го - ры всю - сла - ву солн - ца Тво - е - го
 48
 так ос - леп - ля - ю - ще - го взо - ры и раз - ру - ша - юв друг шу - тя
 56
 всю э - ту пыш - ну - ю не - ле - пость как ру - шит ма - ло - е ди -
 62
 тя из карт пос - тро - ен - ну - ю
 64
 кре - пость из карт пос - тро - ен - ну - ю крепость

В.Ходасевич

ГОРИТ ЗВЕЗДА.

Горит звезда. Дрожит эфир.
Таится ночь в пролете арок.
Как не любить весь этот мир -
Невероятный Твой подарок!

Ты дал мне пять неверных чувств,
Ты дал мне Время и Пространство.
Играет в мареве искусств
Моей души непостоянство.

И я творю из ничего
Твои леса, пустыни, горы.
Всю славу Солнца Твоего
Так ослепляющего взоры.

И разрушаю вдруг, шутя,
Всю эту пышную нелепость,
Как рушит малое дитя
Из карт построенную крепость.

Старинный романс.

9 Я сва-ми ма - ло был зна - ком был о - ча - ро - ван ва - ми

17 дер-жал я чувс - тва под зам - ком не - вы - ра - жал сло - ва - ми

25 и бы-ли хо - лод - но ми - лы вы снеж - ной ко - ро - ле - вой

33 так и - ног - да ка - за - лись вы мне Ор - ле - ан - ской Де - вой

41 И вы ис - чез - лисмо - их глаз — стехпор ни слу - ху и ни ду -

49 ху и вдруг мне по - ка - за - ли вас — боль - ну - ю зл об - ну - ю ста - ру -

53 ху что ку ка - ко - е счас - тье что тог - rit

да - - вы мне не про - тя - ну - ли ру - ку

СТАРИННЫЙ РОМАНС.

Я с Вами мало был знаком,
Был очарован Вами,
Держал я чувства под замком,
Не выражал словами.

И были холодно милы
Вы Снежной Королевой.
Так иногда казались Вы
Мне Орлеанской Девой.

Была неброской красота,
Был ум и благородство
И в обращеньи простота,
И сходство, и не сходство.

Я Вам открылся, и в ответ
(я помню те три слова)
Вы мне сказали, взяв букет,
Что любите другого.

И Вы исчезли с моих глаз,
С тех пор ни слуху и ни духу.
И вдруг мне показали Вас
Больную злобную старуху.

Что с нами сделали года!
Какую пережил я муку!
Какое счастье что тогда
Вы мне не протянули руку!

Ностальгия.

8
Бы-ли цве - ты па - ху - чи - ми чис той вре - ке во - да

16
— са-мы-ми бы - ли луч - ши - ми на-ши там го - ро - да

24
— де вуш ки все кра - си - вы - ми вы с тав-ки вы с - ший класс

32
— лиш ний би - лет про - си - ли мы у те - ат - раль - ных кас с

39
— что-то мне да - вит вте-ме-ни — мне бы глот-нуть зель

44
я ————— я вы - па - да - ю из вре - ме -

ни я вы - па - да - ю я

НОСТАЛЬГИЯ.

Были цветы пахучими,
Чистой в реке вода,
Самыми были лучшими
Наши там города,

Девушки все красивыми,
Выставки – высший класс.
Лишний билет просили мы
У театральных касс.

Что-то мне давит в темени
Мне бы глотнуть зелья.
Я выпадаю из времени.
Я выпадаю. Я.

Были застолья щедрыми,
Дружной была семья,
Чуть не до гроба верными
Были мои друзья,

В споры вступали страстные,
Рвались в кино, в музей,
Были всегда прекрасными
Лица моих друзей.

Кончились наши прения.
Где-то мои друзья?
Я выпадаю из времени.
Я выпадаю. Я.

Было искусство ратником,
Книги все – нарасхват,
Были концерты праздником,
Фильмы – сплошной парад.

Книги теперь безнравственны,
В фильмах лишь секс да шок,
И на эстраде царствует
Шумный, безумный рок.

Как дикари из племени,
Как под ножом свинья.
Я выпадаю из времени.
Я выпадаю. Я.

В ярких нарядах сказочных
Новый встречали год,
Было нам всем приказано
Смело глядеть вперед.

Бодро несли нас к пропасти
Резвые рысаки,
Лихо тряслись от скорости
Тощие рюкзаки.

Тонет дорога в темени,
Клонит ко сну коня.
Я выпадаю из стремени,
Я выпадаю из времени.
Я выпадаю. Я.

1996.

Письмо друга.

Втво-емпись-ме ле-жит про это е фото воспоми-на-ний вы нлес-нув вол
 5 ну ты из-ме-нил - ся друга э-ти го-ды какбудто сно-ва пе-реживой
 9 ну стерню во-лос об-сы-па-ли се-ди-ны вгла-зах скор
 12 бит се-дой двад-ца-тый век и бо-роз-дят ли-цо тво-е морщи-ны как зем-лю
 16 1.2. | 3.
 19 рус-ла пе-ре-сох-ших рек А пом-нишь неч-но не бы-ло под-
 22 лей Но на судь-бу мы вов-се не во-би-де ведь на-шей
 25 друж-бе не бы-ло кон-ца ви-та-ли мыс-ли на од-ной ор-
 би-те ив у-ни-сон сту-ча-ли-ся серд-ца

ПИСЬМО.

В твоём письме лежит простое фото,
Воспоминаний выплеснув волну.
Ты изменился, друг, за эти годы,
Как-будто снова пережил войну.

Стерню волос обсыпали седины,
В глазах скорбит седой двадцатый век
И бороздят лицо твоё морщины,
Как Землю русла пересохших рек.

А помнишь, друг, мы были неразлучны,
Когда строною правил Лиходей?
Конечно, были времена получше
И уж, конечно, не было подлей.

Но на судьбу мы вовсе не в обиде,
Ведь нашей дружбе не было конца,
Витали мысли на одной орбите
И в унисон стучались сердца.

Смотрю в окно. Туман тихонько тает,
Уж виден пруд и полусонный луг,
И если мне чего-то не хватает,
То лишь тебя, мой добрый старый друг

Но верю я: мы снова будем вместе,
И дети нам Шампанского нальют,
И заиграют сводные оркестры,
И прогремит торжественный салют.

1992

Жалобы старого эмигранта.

Музыкальный фрагмент в нотной записи с русскими текстами. Музыка написана в ключе D major (два диэза) и ритме 4/4. Текст песни:

6 За - чем я по - ки - нул о - дес - су вка - ку - ю ды - ру я по - пал — так
10 сис - том здесь быв - ший про - фес - сор ди - рек - тор у - бор - ши - цей стал — не
14 вы - мо - лишь Вел - фер сле - за - ми не вып - ро - сишь и Ме - ди - кейт — сдать
17 тре - бу - ют га - ды эк - за - мен на их - нем - чу - жом я - зы -
ке — здесь Со - юз

В конце фрагмента (с такта 17) показаны две альтернативные версии мелодии, обозначенные как 1. и 2.

ЖАЛОБЫ СТАРОГО ЭМИГРАНТА.

Зачем я покинул Одессу?
В какую дыру я попал!
Таксистом здесь бывший профессор,
Директор уборщицей стал.

Не вымолишь Вэлфер слезами,
Не выпросишь и Мэдикейт.
Сдать требуют гады экзамен
На ихнем чужом языке.

Здесь в лес не пойдешь за грибами -
Зарежут, убьют ни за грош.
Здесь все говорят на “эбанекс”
А негров вообще не поймешь.

Не в спальных мешках, а в коробках,
На улицах спит здесь народ.
Дороги забиты как пробка,
Застрянешь – ни взад, ни вперед.

Больным не дают здесь лечиться,
Лишь ходишь к врачам на поклон,
И вовсе не держат в больнице,
Разрежут - и выкинут вон.

Здесь в школах не учат предметам,
Не учат писать и считать,
А учат здесь маленьких деток
Как лучше “кондом” надевать.

Мы новым порядкам не рады,
И хуже с программой квартир.
Командовал общим парадом
Здесь бабник, болтун, дизертир.

Кругом лесбиянки и “геи”
Качают права уж давно,
И, кажется, даже евреи
Замешаны в это дерьмо.

Здесь грязно в метро как в сарае,
И могут легко обдурить,
Погода ужасно сырая,
И даже нельзя покурить.

Не знаю что станется с нами,
Я ехать в Европу боюсь.
Да здравствует Красное Знамя!
Великий Советский Союз!

Вечный Жид.

От всехго-ни-мый от во-рот наш Бо-гомиз-бран-нвина-родто
5 сто-нет он а то по-ет сво-и Ха-ва-на-ги-лы под ним зем-ля вез-де го-рит по
8 ми-рубро-дит Веч-ный Жидпо ми-рубро-дит Веч-ный Жидза ним рас-тут мо-ги-лы под
11 ним зем-ля вез-де го-рит по ми-ру бро-дит Веч-ный Жид по
13 ми-ру бро-дит Веч-ный Жид за ним рас-тут мо-ги-лы
15 ним рас-тут мо-ги-лы

ВЕЧНЫЙ ЖИД.

От всех гонимый от ворот
Наш Богом избранный народ,
То стонет он, а то поет
Свои Хаванагилы.
Под ним земля везде горит,
По миру бродит Вечный Жид,
По миру бродит Вечный Жид,
За ним растут могилы.

На инквизиторских кострах
Живьем сжигали, сея страх,
В Дахау жгли его в печах
Фашистские гориллы
Избит и пулями прошит
По миру бродит Вечный Жид,
По миру бродит Вечный Жид,
За ним растут могилы.

Мой пращур возле пирамид
В земле египетской лежит,
А в Средней Азии зарыт
Мой дед – спаситель милый,
На Колыме отец убит,
По миру бродит Вечный Жид,
По миру бродит Вечный Жид,
За ним растут могилы.

От всех гонимый от ворот
Наш Богом избранный народ,
То стонет он, а то поет
Свои Хаванагилы,
Под ним земля везде горит,
По миру бродит Вечный Жид,
По миру бродит Вечный Жид,
За ним растут могилы.

Детство.

Без - вет - рен - но и ти - хо и - юнь - ским яс - ным днем маль
4
чиш - ка ска - чет ли - хо на па - лоч - ке вер - хом го - ня - ет хво - рос - тин - кой он
7
об - руч без кон - ца и мать гля - дит су - лыб - кой на маль - чи - ка скрыль - ца и
10
ка - жет - ся что э - то бу - дет веч - но что бу - дут все при - вет - ли - вы во - круг что
14
мож - но бу - дет дол - го и бес - печ но по теп - лой пы - ли то - пать бо - си - ком что
18
мож - но бу - дет дол - го и бес - печ - но по теп - лой пы - ли то - пать бо - си - ком

Безветренно и тихо
Июньским ясным днем.
Мальчишка скачет лихо
На палочке верхом,

Гоняет хворостинкой
Он обруч без конца,
И мать глядит с улыбкой
На мальчика с крыльца.

И кажется, что это будет вечно,
Что будут все приветливы кругом,
Что можно будет долго и беспечно
По теплой пыли топтать босиком.

В тенистой роще ивы,
Высокая трава,
Там весело, шумливо
Играет детвора.

Гоняют друг за другом
И прячутся везде,
Бегут к реке за лугом
И плещутся в воде.

А мальчик с неразлучным другом верным
Ловил стрекоз и бабочек в кустах,
В разбойников играл самозабвенно
И прятался в прохладных лопухах.

Прошел с грозой ливень,
Дорогу заплескал.
И мальчик шаловливый
По лужам поскакал.

Он смастерил кораблик
Из книжного листка.
Смотрел на это зяблик
И взмыл под облака.

И сладко было спать в лачугах бедных,
По лужам после дождика скакать,
И в светлых ручейках бурливо-пенных
Бумажные кораблики пускать.

Огонь в камине тает,
И в полумраке дом.
Больной старик листает
Потрепанный альбом,

На пожелтевших фото
Забывтый странный мир.
Старик бормочет что-то,
Что, мол, окончен пир,

Что жизнь как будто сжалась в мгновенья
От детства не осталось и следа,
Что Лета унесла, Река Забвенья,
Бумажный тот кораблик навсегда.

Песенка эмигранта.

8 Нам бы-ло ве-се-ло в стра-не род ной там что ра-бо-чий день что вы-ход
16 ной и ме-ли пра-во мы на-вся-кий труд тот от ко-то-ро-го и ко-ни
23 мрут мы бы-ли за-ма-ми мы бы-ли за-ва-ми мы бы-ли са-мы-ми
29 — мы бы-ли бра-вы-ми да-ва-ли ка чест-во мы и ко-ли-чест-во
35 — че-рез трю-ка-чест-во е-го ве-ли чест-во за на-ши доб-лес-ти
42 — за на-ше рве-ни-е нас наг-раж-да-ли там под шум и гром де-сят кой
46 крас-но-ю квар-таль-ной пре-ми-и пу-тев-кой
лиш-не-ю вка-кой-то дом В стра-не

ПЕСЕНКА ЭМИГРАНТА.

Нам было весело в стране родной,
Там что рабочий день, что – выходной,
Имели право мы на всякий труд,
Тот от которого и кони мрут.

Мы были ЗАМами, мы были ЗАВами,
Мы были самыми, мы были бравыми.
Давали качество мы и количество,
Через трюкачество – Его Величество,
За наши доблести, за наше рвение
Нас награждали там под шум и гром
Десяткой красною квартальной премией,
Путевкой лишнею в какой-то Дом.

В стране порядок был и был уют,
Ходили в отпуск мы – когда пошлют,
На отдых право мы имели тот,
Который лучше был ...иных работ.

Мы к морю южному, здоровью нужному,
В вагонах душных мы все мчались дружно, мы.
В лачугах разных мы там были праздными,
На койках грязных мы там были страстными.
Поев сырых котлет, мы к морю мчались,
На пляже втиснемся не без труда,
И в море Черное мы окунались,
Когда особая была нужда.

Творилось множество различных дел.
Кто не работал, тот совсем не ел,
И ту Америку на всем скаку
Перегоняли мы по молоку.

Картофель порченный, цыплята синие,
Большая очередь за апельсинами,
Сметану жидкую в свою брал тару я,
Конфеты липкие – в газету старую.
Серпом и Молотом, дерьмом и золотом,
Мы им – продукцию, мы им – руду.
Порою мочи нет, а надо – в очередь.
Мы – по способностям. Нам – по труду.

Новые русские.

Гас-тро-но-мом я тог-да за - ве - до - вал _____ всем да - вал _____

7
сле - до - вал _____ Жи-гу-ли и - мели все же се - то - вал _____ что я у Па

14
ри - же не бы - вал _____ А те - перь у нас при - ва - ти - за - ци - я _____

21
Кац и я _____ кор - по ра - ци - я _____ На Ролс - рой - сах на - ша де - ле - га - ци - я _____

28
_____ у Па - ри - же де - ла - ет при - вал _____

32

НОВЫЕ РУССКИЕ.

Гастрономом я тогда заведовал
Всем давал. Следовал.
Жигули имел и все же сетовал,
Что я у Парыже не бывал.

А теперь у нас Приватизация,
Кац и я – Корпорация,
На Роллс-Ройсах наша дэлэгация
У Парыже делает привал.

Раньше отдыхал я в санатории
С Дорою в Евпатории
Нам болезней всякие истории
Детский врач по блату сочинял

А теперь я в Ниццу, а не в Винницу,
В здравницу. Мне к лицу.
Еду я в шикарную гостиницу.
Есть где разгуляться молодцу.

Ну, купил квартиру, дачку, лодочку,
Полочку, дочке кофточку.
Деньги прятал в тумбочку и торбочку,
И в чулане часть под кирпичом.

А теперь скупаем мы поместья,
Тесть и я. Бестия!
Даже появились известия,
Что торгуюсь я за Белый Дом!

1996

Новый русский в Париже.

Я то - ва - ри - щи не ры - жий — я гу - ля - ю по Па - ри - жу —

и ко - неч - но пер - вым де - лом мы мот - ну - лись по бор - де - лям мы мот - ну - лись по бор

де - лям — мы кос - тюм - чи - ки на - де - ли — лил - ся дождь как из вед

ра - - о - ка - за - лось что бор - де - ли о - ка - за - лось что бор - де - ли не ра

бо - та - ют сут ра — ни - че - го не ви - де - лось лю - ди прут да прут

чуть ви - не не выр - ва - лось что - из - десь да - ют тут о - дин при - ли - за - ный вы - полз на ми

не мям - лит Мо - ня с ли - зо - ю таму глу - би - не — я струдом про - брал - ся бли - же —

ви - жусь кро - мень - кий порт рет — Мо - ни нет а Ли - за клиз - ма

Мо - ни нет а Ли - за клиз - ма пря - мо не на что смот реть толь - ко вот без

ру - ка - я смо - жет ли об - нять вот что вам ска - жу - ка я ей ни дать ни взять

НОВЫЙ РУССКИЙ В ПАРИЖЕ.

Я, товарищи, не рыжий,
Я гуляю по Парижу,
И, конечно, первым делом
Мы мотнулись по борделям.

Мы костюмчики надели.
Лился дождь как из ведра.
Оказалось что бордели
Не работают с утра!

Мы сидим и чуть не плачем.
Мой насквозь промок велюр.
Тут явился хмырь собачий,
Нас увлек в какой-то Лувр.

Из стеклянной будки тесной
Мы спустились у подвал.
Там и так не было места,
А народ все прибывал.

Ничего не виделось,
Люди прут да прут.
Чуть в mine не вырвалось:
«Что и здесь дают?»

Тут один прилизанный
Выполз на mine,
Мямлит «Моня с Лизою
Там у глубине»

Я с трудом продрался ближе,
Вижу — скромненький портрет,
Мони нет, а Лиза клизьма!
Прямо не на что смотреть.

Вот у белотелой
Стиснулся народ.
Раз такое дело -
Я пролез вперед.

Говорят: «Венера»,
Им не нас учить,-
От такой наверно
Можно получить.

Только вот безрукая,
Сможет ли обнять?
Вот что вам скажу-ка я :
«Ей ни дать, ни взять»

В нас мозги свихнулись набок.
Для чего, скажите вы,
Из камней слепили бабу
С крыльями, без головы.

Мы теперь в своем отеле,
И сидим на этаже,
Будем ждать пока бордели
Здесь откроются уже.

Размышления.

8
 Сна - ча - ла мы рас - тем по - том взрос - ле - ем за тем ста - ре - ем

15
 стар - ше ста - но - вясь нас ча - ще ма - жут дег - тем чем е - ле - ем и та - ют

21
 стра - сти рвет - ся друж - бы связь про - хо - дят слов - но час де - ся - ти

25
 леть - я и как ми - ну - та про - бе - га - ет год и о - бу - ха судь - бы уп - ря - м - ства

32
 плеть - ю ник - то мы зна - ем не пе - ре - ши бет бо - лез - ни стах за -

40
 бо - ты не - у - да - чи ив - не - у - строй - ствах це - ла - я стра - на но пос - мот - ри на

47
 все мой друг и - на - че у жиз - ни есть дру - га - я сто - ро - на цве -

55
 ты и кни - ги му - зы - ка и не - бо у - лыб - ки жен - щин теп - лы - е мо - ря ян

61
 1.
 тарь ви - на и све - жий за - пах хле - ба сти - хи про - гул - ки веш - ня - я за -

2.
 ря Встрях - не си - ди ки - ки - мо - рой вуг - лу

РАЗМЫШЛЕНИЯ.
(Вадиму Смоленскому)

Сначала мы растем, потом взрослеем,
Затем стареем, старше становясь,
Нас чаще мажут дегтем, чем елеем.
И страсти тают, рвется дружбы связь.

Проходят словно час десятилетия,
И как минута пробегает год.
Конечно, обуха судьбы упрямства плетью
Никто, мы знаем, не перешибет.

Болезни, страх, заботы, неудачи,
И в неустройствах целая страна.
Но посмотри на все, мой друг, иначе -
У жизни есть другая сторона.

Цветы и книги, музыка и небо,
Улыбки женщин, теплые моря,
Янтарь вина и свежий запах хлеба,
Стихи, прогулки, вешняя заря.

Встряхнись, мой друг! Жену в объятьях стисни,
Играй, гуляй или иди к столу.
Ведь Бог привел тебя на Праздник Жизни.
Так не сиди кикиморой в углу.

1999

В церкви.

Стихи А.Блока

5
Де - вуш - ка пе - ла вцер ков - ном хо - ре о всех ус - та - лых вчу - жом кра - ю о

9
всех ко - раб - лях у - шед - ших вмо - ре о всех за - быв - ших ра - дость сво - ю так

15
пел е - е го - лос ле - тя - щий вку пол и луч си - ял на

21
бе - лом пле - че и каж - дый из мра - ка смот рел и слу - шал как

26
бе - ло - е пла - тье пе - ло влу - че и всем ка - за - лось что

30
ра - дость бу - дет что вти - хой за - во - ди ко - раб - ли что на чуж - би - не ус -

35
та - лы - е лю - ди свет - лую жизнь се - бе об - ре - ли и го - лос был

41
сла - док и луч был то - нок и толь - ковы - со - ко у цар - ских враг при
чае - ный тай - нам пла - кал ре - бе - нок о том что ник - то непри дет на - зад

А.Блок

В ЦЕРКВИ.

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.

Так пел ее голос, летящий в купол,
И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака смотрел и слушал,
Как белое платье пело в луче.

И всем казалось что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.

И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко у царских врат,
Причастный тайнам,- плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.

Одиночество.

Гейне/Лермонтов

Ein Fich - ten Ba - um steht ein - sam in Nor - den abf kah ler Hoh ihn
 schla - fert mit we - i - ser De - cke um - hul - len ihn E - is und Schne - e Er tra - umt von e - i - ner
 Pal - me die fern in Mor - ge - land ein - sam und schwe - i - gend tra - u - ert a - uf bren
 nen - der Fel - sen - wand На се - ве - ре ди - ком сто - ит о - ди - но - ко на го - лой вер - ши - не сос
 на и дрем - лет ка - ча - ясь и сне - гом сы пу - чим о - де - та как ри - зой о - на и
 снит - ся ей все что впус - ты - не да - ле - кой в том кра - е где солнца вос - ход од -
 на и груст - на на у - те - се го - рю - чем прек - рас - на - я паль - ма рас - тет

ОДИНОЧЕСТВО.

Ein Fichtenbaum steht einsam
In Norden auf kahler Hoh'
Ihn schlafert; mit weiser Decke
Umhüllen ihn Eis und Schnee.
Er träumt von einer Palme,
Die fern in Morgeland
Einsam und schweigend trauert
Auf brennender Felsenwand.

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна.
И дремлет качаясь, и снегом сыпучим
Одета как ризой она.
И снится ей все, что в пустыне далекой
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горячем
Прекрасная пальма растет.

Наше время.

8
 В Рос - си - и царст - во - ва - ло зло пусть ска - жут мне не

16
 по - вез - ло что я ро - дил - ся там ив э - ти го - ды

23
 но бы - ли де - ти мы тог - да и мир был

30
 сказ - кой гос - по - да бы - ла бе - да нам не бе - да в том

37
 цар - стве не сво - бо - ды встре ша ну чтож ни пу жа

44
 -ни пе - ра я за - си - дел - ся мне по - ра и ка - жет -

52
 ся я слы - шу труб - ный звук - - - я не про -

59
 ша - юсь гос - по - да я про - дол - жа - юсь гос - по - да сто -

ит и смот - рит на ме - ня мой слав - ный доб - рый внук

НАШЕ ВРЕМЯ.

В России Царствовало зло.
Пусть скажут, мне не повезло,
Что я родился там и в эти годы.
Но были дети мы тогда,
И мир был сказкой, господа.
Была беда нам не беда
В том царстве несвободы.

В стране хозяйничал Вампир,
И в мире был кровавый пир,
Был голод, жажда, жуткие дела.
Но мы росли и без воды,
И мы цвели из лебеды.
Была беда нам полбеда -
То молодость была.

Менялись облики вождей,
Но не поднялся иудей
И потерял надежду навсегда.
А мы с Давидовой звездой,
Один худой, другой седой.
Теперь беда была бедой,
Поверьте, господа.

И мы сдружились с бедой,
С краюхой хлеба и с водой.
И вдруг открыли клетку сторожа
И мы бежали, господа.,
Одни туда, одни сюда.
А здесь и горе – не беда,
И воля хороша.

Ну, что ж, ни пуха, ни пера!
Я засиделся – мне пора.
И, кажется, я слышу трубный звук.
Я не прощаюсь, господа,
Я продолжаюсь, господа -
Лежит в кровати, как звезда,
Мой славный младший внук.

Весна.

8
Сно-ва вес - на нас-ту - па - ет на пят - ки сно-ва тре - щат под ок - ном во - ро -

15
бьи но - ет вко лнях бо - лит под ло - пат - кой вре-мя сви - да - ний и

21
вре - мя люб - ви и мыс - ли ко - чу - ют и страс - ти бу - шу - ют и

28
ра - дост - но мне друзь - я - и день су - щест - вует и мир су - щест

35
ву - ет по - ка су - щест - ву - ю я - Всею - ду це - лу - ют - ся

42
вРи - ме вПа - ри - же впар - ках вмет - ро у фон - та - нов Тре - ви ко - лет вбо -

49
ку пос - та - рев - шая гры - жа вре - мя сви - да - ний и вре - мя люб - ви и

56
мыс - ли ко - чу - ют и страс - ти бу - шу - ют и ра - дост - но мне друзь - я -

60
- и день су - щест - ву - ет и мир су - ще -

ству - ет по - ка су - ще - сву - ю я -

ВЕСНА.

Снова весна наступает на пятки,
Снова трещат под окном воробьи.
Ноет в коленях, болит под лопаткой -
Время свиданий и время любви.

И мысли кочуют, и страсти бушуют,
И радостно мне, друзья,
И день существует, и мир существует,
Пока существую я.

Дамы спуют, и котам уж не спится,
Где-то, возможно, поют соловьи.
Давит в затылке, скребет в поясице -
Время свиданий и время любви.

И мысли кочуют, и страсти бушуют,
И радостно мне, друзья.
И день существует, и мир существует,
Пока существую я.

Всюду целуются: в Риме, в Париже,
В парках, в метро, у фонтанов Треви.
Колет в боку постаревшая грыжа -
Время свиданий и время любви.

И мысли кочуют, и страсти бушуют,
И радостно мне, друзья,
И день существует, и мир существует,
Пока существую я.

2000

Новый Фауст.

Сни-ло - ся мне что по - ве - сил а - фи - шу я на во - ро - тах ва - ду ив - ра - ю
5
что как тот Фа - уст бес смерт - ну - ю ду - шу я им сво - ю про - да - ю
9
вдруг — ко мне я - вил - ся Дья - вол сам — он ру - ку по - дал мне
13
трость — сво - ю вуг - лу по - ста - вил сра - зу спро - сил о це - не
17
я за - хо - тел без - мя - теж - ну - ю ю - ность свет - ло - е детс - тво всей жиз - ни бу - кет
21
и чтоб ду - шо - ю ко мне по - тя - ну - лась та что ска - за - ла мне нет
25
ох — ска - зал сух мыл - кой Дья - вол встал — и поп - ро - сил ви - на
29
сбавь — он в тот же миг до - ба - вил слиш - ком боль - ша - я це -
32
на крик - ну - ла сне - ба спа - сень

НОВЫЙ ФАУСТ.

Снилось мне, что повесил афишу
Я на воротах в Аду и в Раю,
Что, как тот Фауст, бессмертную Душу
Я им свою продаю. (И..)

Вдруг ко мне явился Дьявол,
Сам он руку подал мне,
Трость свою в углу поставил,
Сразу спросил о цене.

Я захотел безмятежную юность,
Светлое детство – всей жизни букет,
И чтоб душою ко мне потянулась
Та, что сказала мне: “Нет!”

“Ох!” - сказал с ухмылкой Дьявол,
Встал и попросил вина.
“Сбрось,- он в тот же миг добавил,-
Слишком большая цена”.

Мы торговались, усевшись за столик.
Тени кружились при свете луны.
Дьявол сказал, что душа та не стоит
И половины цены. (Ну..)

“Что ж,- прервал я речи эти,-
Все! Закончим сей бедлам.
Вам я ни за что на свете
Душу свою не продам.”

Черт закачался в окне приоткрытом,
Молча кивнул и расстаял как сон.
Тут мне почудилось, что Маргарита
Крикнула с неба: “Спасен!”

(Пробубнить один куплет)

Пам парабра пам пам пара
Пам парабра пам пам па
Пам парабра пам пам пара
Па па па па па па.

Песенка о труде.

Труд был де - лом чес - ти доб - лес - ти ге - рой - ства бы - ло все на мес - те
4
для тру - до - ус - трой - ства то ли пи - а - нис - том то ли ма - ши - нис - том
7
то ли о - ку - лис - том то ли тру - бо - чис - том са - по - ги са - по - ги
10
там та - чал пи - рож - ник пи - ро - ги пи - ро - ги вы - пе - кал са - пож - ник
13
1. стал кол - хоз - ни - ком тог - да ин - же - нер спо - э - том раз - де - ле - ни - ем тру - да
16
2. на - зы - ва - лось э - то те кто бы - ли чис - ты - ми на - рав - не сне - чис - ты - ми
19
и спе - ци - а - лис - та - ми ста - ли про - грам - мис - та - ми

ПЕСЕНКА О ТРУДЕ.

Труд был делом чести,
Доблести, геройства,
Было все на месте
Для трудоустройства.

То ли пианистом,
То ли машинистом,
То ли окулистом,
То ли трубочистом.

Сапоги, сапоги там тачал пирожник,
Пироги, пироги выпекал сапожник.
Стал колхозником тогда инженер с поэтом.
Разделением труда называлось это.

Тот был парикмахером,
Эта – балериной,
Тот - в колхозе пахарем,
Эта – Мессалиной.

Тот был музыкантом,
Этот – инженером,
Тот был спекулянтом,
Этот – пионером.

А теперь, а теперь все слилось в одно,
А теперь, а теперь все пошло на дно,
Те, кто были чистыми,
Наравне с нечистыми
И специалистами
Стали программистами.

2003

Дедушка.

8
Хо-лод-ный светлу - ны сквозь об-ла-копро - се-ян ка - ча-ет-ся пла-тан по

15
зимне мураз-дет я ви жу див-ный сон да - ле-ка-я Рос-си-я скло нен-ный на-до
1. 2.

22
мною лю-би-мый ста рый дед за боль-шего ло - ва ка - кой чу-дес ный сон я

29
вновь-видел де да е - му о-бязан я и жиз-нюю исудь бой как счаст-лив был бы

он у - виде ра-зо - детых пра правну ковсво - их вма-ши не го-лу - бой

ДЕДУШКА.

Холодный свет луны сквозь облако просеян,
Качается платан по зимнему раздет,
Я вижу дивный сон: далекая Россия,
Склоненный надо мной любимый старый дед.

За окнами пурга, скрипят стропила в доме,
И чудится – свистит за печкой соловей.
Как бережно скользят шершавые ладони
По стриженной моей горячей голове.

У дедушки глаза наполнены печалью,
Он что-то говорит, а я такой больной.
“Все будет хорошо, - я зейде отвечаю, -
Все будет хорошо, ведь он теперь со мной”

А слезы по щекам, по бороде колючей,
Он молится, бормочет странные слова.
Я, кажется, уснул. Я чувствую, мне лучше
И вроде бы не ноет больше голова.

Какой чудесный сон! Я вновь увидел деда.
Ему обязан я и жизнью, и судьбой.
Как счастлив был бы он, увидев разодетых
Праправнуков своих в машине голубой.

2003

В парке.

Б. Окуджава

Р. Теперов

♩ = 100

Круг - лы у ра - дос - ти гла - за и ве - ли - ки у стра - ха

6
и пять мор - щи - нок на че - ле от празд - неств и о - бид - но вы - шел ти - хий

11
ди - ри - жер и за - иг - ра - ли Ба - ха и все за - тих - ло у - лег - лось и об - ре - ло свой

17
вид - все стало насво - и места ед - ва сыг - ра - ли Ба - ха ког - да бы не бы

23
ло на - дежд на чер - та бе - лый свет кче - му ви - но ки - но пше - но кви - тан - ци и Гос

29
стра - ха и вам бо - тин - ки пер - вый сорт ко - то - рым сно - су нет Ах му - зы - кант мой

35
му - зы - кант иг - ра - ешь да не зна - ешь что нет пе - чаль - ных и боль - ных и ви - но - ва - тых

41
нет ког - да впро - ку - рен - ных ру - ках так прос - то ты сжи - ма - ешь ах

46
му - зы - кант мой му - зы - кант че - реш - не - вый клар - нет

Б.Окуджава

В ПАРКЕ.

Круглы у радости глаза и велики у страха,
И пять морщинок на челе от празднеств и обид.
Но вышел тихий дирижер, но заиграли Баха,
И все затихло, улеглось и обрело свой вид.

Все стало на свои места, едва сыграли Баха.
Когда бы не было надежд — на черта белый свет?
К чему вино, кино, пшено, квитанции Госстраха
И вам ботинки первый сорт, которым сносу нет?

Не все ль равно, какой земли касаются подошвы?
Не все ль равно, какой улов из волн несет рыбак?
Не все ль равно, вернешься цел или в бою падешь ты,
И руку кто подаст в беде — товарищ или враг?

А чтобы было все не так, чтоб все иначе было,
Наверно, именно затем, наверно, потому
Играет будничным оркестр привычно и вполсилы,
А мы так трудно и легко все тянемся к нему.

Ах музыкант мой, музыкант, играешь да не знаешь,
Что нет печальных и больных и виноватых нет,
Когда в прокуренных руках так просто ты сжимаешь,
Ах музыкант мой, музыкант. черешневый кларнет.

Песня о мире.

4
нам за-ве-щал наш за-бот-ли-вый пре-док — вжиз-ни три чу-да ве-ли

8
ких свер-шить — пес-ню при-ду-мать и вы-рас-тись де-ток де-ре-во по-са-

11
дять — ночь — ско-ре-е на-до про-сы-пать-ся

14
друг — ты слы-шишь тот зло-ве-щий гул глянь — вон кто-то

17
скрю-чен-ны-е паль-цы вдруг — ку-жас-ной кноп-ке про-тя-нул

20
взрыв — взмет-нул-ся вне-бо чер-ный гриб смерть — ле-тит над

23
вздрог-нув-шей пла-не-той нет — не мо-жет быть чтоб я по-гиб

26
я — е-ще не вы-пол-за-ветов нам за-ве-щал наш за

29
бот-ли-вый пре-док вжиз-ни три чу-да — ве-ли-ких свер-шить

пес-ню при-ду-мать и вы-рас-тись де-ток — де-ре-во по-са-дять

ПЕСНЯ О МИРЕ.

Нам завещал наш заботливый предок
В жизни три чуда великих свершить:
Песню придумать и вырастить деток,
Дерево посадить.

(Просвистеть один куплет)

Ночь. Скорее надо просыпаться.
Друг, ты слышишь тот зловеший гул?
Глянь – вон кто-то скрюченные пальцы
Вдруг к ужасной кнопке протянул.

Взрыв! Взметнулся в небо черный гриб!
Смерть летит над вздрогнувшей планетой!
Вот со всеми вместе я погиб,
Так еще не выполнив заветов.

Ночь. Скорее надо просыпаться.
Друг, ты слышишь тот зловеший гул?
Глянь – вот кто-то скрюченные пальцы
Вновь к ужасной кнопке протянул.

Нет! Не будет небо грохотать!
Нет! Не будет сеять смерть и муки!
Вот он к кнопке тянется опять.
Ну, скрутите гаду крепче руки.

Нам завещал наш заботливый предок
В жизни три чуда великих свершить:
Песню придумать и вырастить деток,
Дерево посадить.

(Просвистеть один куплет)

Изгнание.

А.Галич

Ког - да я вер нуть — ты не смей - ся ког - да я вер нуть — ког да про бе -

6
гу — не ка - са - ясь земл и по февраль - скому снегу - по е - ле за - мет ному следу те п

11
лу и ноч ле - гу — и вскрик нув от сча - стья на птичий твой зов от - зо -

15
вуть ког да я вер нуть — а ког - да я вер - нуть ког - да я вер нуть — я пойду в те -

20
дин - ственный дом — где с ку но лом си - ним не власт но со - пер ничать не - бо —

24
— и ла да на запах как запах при ютского хле ба — у - дарив ме - ня и за - пле - щетя

29
всерд - це мо ем ког - да я вер нуть — а ког да я вер нуть — ког - да — я вер

34
нуть — за сви - стят в февраль - со - ло - вы — тот ста - рый мо - тив — тот дав

39
нишний за - бытый за - петый и я у - па - ду — побеж - денный сво - е - ю по -

44
бе - дой и ткнуть го - ло - во - ю как впристань ко - ле - ни тво -

А.Галич

ИЗГНАНИЕ.

Когда я вернусь...

Ты не смейся, когда я вернусь,

Когда пробегу, не касаясь земли, по февральскому снегу,

По еле заметному следу — к теплу и ночлегу -

И вздрогнув от счастья, на птичий твой зов оглянусь -

Когда я вернусь. О, когда я вернусь!

Послушай, послушай, не смейся,

Когда я вернусь

И прямо с вокзала, разделавшись круто с таможенной,

И прямо с вокзала — в кромешный, ничтожный, раешный -

Ворвусь в этот город, которым казнюсь и клянусь,

Когда я вернусь. О, когда я вернусь!

Когда я вернусь,

Я пойду в тот единственный дом,

Где с куполом синим не властно соперничать небо,

И ладана запах, как запах приютского хлеба,

Ударит в меня и заплещется в сердце моем -

Когда я вернусь. О, когда я вернусь!

Когда я вернусь,

Засвистят в феврале соловьи -

Тот старый мотив — тот давнишний, забытый, запетый.

И я упаду,

Побежденный своею победой,

И ткнусь головою, как в пристань, в колени твои!

Когда я вернусь,

А когда я вернусь!

СТИХИ

Ф. Теперов

НЕПОВТОРИМОСТЬ БЫТИЯ.

Неповторимость бытия.
Какая бездна в этих звуках!
В каких неведомых науках
Откроется душа моя?

Зачем пришел я в этот мир?
Не Прометеем, не Пророком,
Не стал мой путь другим – уроком
И был развенчан мой кумир.

Всю жизнь мое сраженье шло,
Склонялись в трауре знамена.
Там не было, друзья, Тулона,
Там были только Ватерлоо.

А сколько раз висел я на кресте,
И сколько раз меня вели на плаху!
Я со звездой носил рубаху,
Чтобы светиться в темноте.

Я Эвридике пел чарующие песни
И свод небесный на плечах держал,
Грешил как все, но дивный храм в Эфесе
Я никогда, друзья, не поджигал.

Растаяв в памяти потемках,
Как тает сахар в чашке чая,
Дробиться буду я в потомках,
Того уже не сознавая.

Неповторимость бытия.
Судьба моя. Судьба твоя.

1989

НОВОГОДНЕЕ.

Кружась в пространстве, как в хмелю,
Лучами солнца обогрета,
Накинет новую петлю
На спицу Вечности планета.

И Человек замрет на миг,
Зажав в руке бокал прохладный,
Вздыхнет... И Новый Год возник
Незримой тенью необъятной.

И выпьет Человек вина,
Чтоб мирно было на планете,
Чтоб процветала вся страна
И счастливы чтоб были дети.

А где-то выпьют за любовь,
И кто-то выпьет за удачу,
За новоселье, за свекровь,
За разрешенную задачу.

Накинет новую петлю
На спицу Вечности планета.
Звучит божественный прелюд
В душе безвестного поэта.

И поднимает он бокал
За молодость и старость,
За смех и плач, страстей накал,
За бодрость и усталость.
За промелькнувшие уж годы,
За все, о чем вздыхаем,
За Жизнь – мгновенный дар природы,
За Жизнь, То Лайф,
Ле Хаим!

1983

РАБСТВО.

Изгоем жил я, чуть дыша,
Где было все отравой,
Оплетена моя душа
Была колючкой ржавой.

Пускал из трубки черный дым
Царь Молох на вершине,
А я был винтиком немым
В большой и злой машине.

В очередях торчал как пень,
Стонал в трамвайной давке,
Читал в газетах дребедень
Про добычи и плавки.

За мой упорный рабский труд
Мне медный грош платили
И “пятым пунктом”, словно спрут
Присосками, схватили.

Просвечен был со всех сторон
Рентгеном тайной слежки.
Грозил тьма “стальных ворон”
Меня забрать в тележке.

Пил Молох кровь людских сердец,
Все более зверея.
И бедный добрый мой отец
Пал жертвою злодея.

И было холодно порой,
И голодно, и мерзко,
Но я терпел – я не герой
С какой не братья меркой.

И вдруг засуетился раб,
Почуяв перемены.
Царь Молох, сдох, спрут чуть ослаб
И проломили стены.

Сомнения стали нас дробить,
Лишь повторяли эхом,
Как Гамлет: “Быть или не быть?”
Мы: “Ехать иль не ехать?”

Дрожа стою я, сам не свой,
Как на скале отвесной.
И вдруг, как в омут головой,
Я прыгнул в неизвестность.

1987

ИСХОД.

Раскрыты как пасти акул чемоданы,
Свирепо разбросан нехитрый наш скарб,
Пристрастны таможенные капитаны.
Растерянность. Страх. Ожиданья тоска.

Уже позади мост последний, сожженный.
Волнуясь смотрю на детей, на часы.
Как вырванный с корнем, стоит отрешенный,
Губу прикусивший подросток, мой сын.

И льнет недоспавшая доченька к маме,
Тревожно взирая на странный базар,
И бережно переданные веками
Библейские чудные смотрят глаза.

В мозгу воспаленном мелькнули виденья:
Пустыня, Египет, рабы, фараон,
Погоня и смерть, торжество возрожденья,
Синай и таможня. Река Рубикон.

На миг расступилося Красное море.
Спеши! Скоро волны сомкнутся опять.
И все ж, хоть и был “дым отечества” горек,
Не очень легко нам его покидать.

Оставлены те, кто был близок и дорог,
И маленький домик, в котором я жил,
И склоны любимых заснеженных горок,
И вишня, которую я посадил,

Священные камни, где предков могилы,
Свиданий укромный в саду уголок.
Здесь все, что с собой унести не могли мы,
Здесь прожитой жизни отбитый кусок.

Ф. Теперов

В смятенную душу вползает сомнение:
Что ждет мое племя на той стороне?
Лет сорок по каменным джунглям круженье
Иль манны небесной дожди как во сне?

Боюсь что не каждый найдет там работу,
И, может быть, трудно придется дельцу.
Лишь верю, что все обретем мы свободу,
Хоть кланяться будем Златому Тельцу..

И там на Земле той Обетованной,
Бежавший от лжи, от погромов, от вшей,
Я Богу скажу, что пришел не за манной,
Что жаждем свободы, что я – Моисей!

1987

ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ. (Частушки)

Мы бежали без оглядки
Десять лет тому назад.
Вам расскажем по порядку
В Рай попали или в Ад.

Колбаса здесь есть и мед,
Ананасы и печенье,
И газета здесь идет
По прямому назначенью.

Не работая, едят,
Вот какие тут законы,
Здесь на Велфере сидят
Тунеядцев миллионы.

Нет анкет здесь, хоть убей,
Все с носами, все с губами,
Кто еврей, кто не еврей
Не узнаешь даже в бане.

Кто где хочет, там живет,
Ни препятствий нет, ни риска,
Участковый идиот
Не потребует прописки.

Говорят: “Ученье – свет”,
Если хочешь знать биномы
Двигай в Университет -
Здесь ведь нет “Процентной нормы”

А в подъездах здесь не пьют,
Друга друг не уважают,
“На – троих” не соображают
И бутылки не сдают

Даже споря, не кричат,
И уж прямо удивляет,
Что обычный русский мат.
Вовсе не употребляют.

Нас на выборы не гонят
И не гонят на войну,
И в телячьих нас вагонах
Не везут на целину

В заключение посылаем
Мы на Родину привет,
Не скучаем, пьем Ле-хаим,
Ностальгии, значит, нет.

1987

ИСПОВЕДЬ.

С тех пор, как я белый увидел свет
В лачуге Последнего Рима,
Я верю: Остался на небе след
Звезды Вифлиемской незримый.

Меня чтобы жить учили мудрить
И думать, что Бог – небылица,
Учили творить, варить, говорить,
Но вот не учили молиться.

Лишь в детстве нас сказочный мир увлекал,
Играя, смотрели на небо,
Но были там солнце и облака,
И больше никто там не был.

И в юности пылкой у страсти в плену,
Вдыхая пьянящий воздух,
Я в небе вечернем лишь видел луну,
Которой мигали звезды.

А позже под бременем всяческих дел,
Живя ни в любви, ни в совете,
Ходил я согнувшись и в землю глядел,
Забыв, что есть небо на свете.

И словно вода стекали года,
Мелькали дороги и лица,
И только, когда приходила беда,
Я вдруг начинал молиться.

А где-то горела звезда как свеча,
Зажженная мне на счастье,
Но я суетился, не верил, ворчал,
Раздробленный бытом на части.

Лишь гаснувшим взором в последнем бреду,
Забыв все что знал ученья,
Я в небе найду свою Звезду
И попрошу прощенья.

1985

МОЙ СВЕРСТНИК.

Висят сталактитами желтые сопли
И липкою змейкой сползает слюна,
И узкие плечи, как будто усохли,
И нос пеликана, и уши слона.

На тоненькой шее, как шарик на нитке,
Большая в веснушках торчит голова,
Короткие с шлейками накрест штанишки,
В чернилах заплатанные рукава.

Игрив как бобер, как щенок любопытен,
Доверчив, наивен, смышлен, не драчлив,
Ты брошен был в море кошмарных событий,
Волна за волной, за приливом прилив.

Забрали отца, словно срезали корень,
И дом обнищал, потускнел, опустел.
Затем навалилось всеобщее горе -
Кровавой войны ураган засвистел.

И все сорвалось, понеслось, побежало
С насиженных мест в пустоту на Восток,
А ты под бомбежкой, испуган и жалок,
Крепил оборону, таская песок.

Тебя в Бабий Яр как на бойню загнали,
Свинцом пулеметным косили как рожь.
Ты в гетто Варшавском, скрываясь в подвале,
Патроны восставшим носил как Гаврош.

В Ташкенте бездушном, больной и голодный,
Ты руку протягивал в жалкой мольбе.
Под грудой тел в душегубке холодной
Ты выл задыхаясь, звал маму к себе.

И кровь вытекала из носа кривого,
Уж не было слез, лишь тряслась голова.
Тебя изможденного, полуживого
Сжигали в Освенциме словно дрова.

Ты многое помнишь: разруху и голод,
Погибших друзей, Бухенвальдский барак
И то, что ты, кажется, тоже был молод,
И то, что ты, в общем, был славный чудак.

Теперь ты другой. Уж не скачешь как мячик,
И нету веснушек, и нету чернил.
Ты очень с тех пор изменился, мой мальчик.
А жаль – я того тебя очень любил.

1990

КИНО.

Почти полвека жил я как в кино,
В кино немом и черно-черно-белом,
Носил на лбу Иудино клеймо
И мнил себя я каторжником беглым.

Был путь мой прост и предопределен:
Из всех ролей, возможных для артиста,
Одной лишь ролью был я наделен -
Безмолвного и серого статиста.

Сценарий жуткий написал нам псих,
Дрожа зубрили маленькие роли.
Я был всегда бесправнее других
В кровавом том сценарии неволи.

Сиял неон над множеством дверей,
Входил народ, уверен, беззаботен,
А для меня, поскольку я еврей,
Горела надпись: "ЮДЕН ВХОД ФЕРБОТЕН"

Я все сносил, но за детей страдал,
И не хотел до тошноты, до боли,
Чтобы мой сын как я всю жизнь играл
Одни Акак Акакичевы роли.

Гад режиссер наш старый был бандит,
Его сменил дурак с глухой станицы,
За ним пришел хапуга – сибарит,
Нас обменял на пароход пшеницы.

С тех пор прошло уже пятнадцать лет,
И мы на новой студии играем
Другие роли. Есть здесь звук и свет,
И мы судьбу детей благословляем.

1992

ОДИНОКИЙ СТАРИК.

Бульвар, разомлевший от зноя, поник,
Спят птицы в сухом водоеме,
На грязной скамье одинокий старик
Согнувшись сидит в полудреме.

И мысли как черви ползут в голове,
И явь заплетается в грезы.
Две крупные капли на пыльной траве -
Текут непонятные слезы.

Старик обращается в мыслях к семье,
Вдруг дернулся весь от кошмара
И видит: сидит на соседней скамье
Влюбленных цветущая пара.

Там страсти кипят, там и шепот и крик
Сменяются бурным экстазом.
Глядит безучастно на это старик
Поблекшим морщинистым глазом.

Вдруг екнуло что-то в застывшей душе,
И словно в окне запотелом
Возник дивный образ - забытый уже -
Смеющейся девушки в белом.

Старик задохнулся и вперил свой глаз
В застывшее это виденье,
Но образ расплылся, растаял, погас,
И миг наступило забвенье.

Немного поспав, он проснулся и вновь
Взглянул на скамеечку эту,
Но там, где недавно царила любовь,
Клевали вороны газету.

1993

НОВОГОДНЕЕ.

В борьбе с судьбой,
С самим собой,
Не унывай! Не кисни!
Беги, мой друг,
За кругом круг
По Марафону жизни!

Беги легко, бери смелей
Барьеры, рвы, преграды,
И будут возгласы друзей
Тебе милей награды.

А если дух сожмет в груди
На той крутой дороге,
В глазах появятся круги,
Свинцом нальются ноги,

Не думай, что пришла беда,
И верь в свое призвание -
Второе у тебя тогда
Откроется дыхание.

Сияют празднично огни
На Новогодней станции.
Не замедляй, дружок,
Гони!
И не сходи с дистанции!

1995

КОМПЬЮТЕРНЫЕ СТРАДАНИЯ
(Частушки)

В поле трактор, в море скутер,
В синем небе самолет.
В нашем доме есть компьютер,-
Доставляет нам хлопот.

Не нужна ума палата,
Затруднений вовсе нет,
Мышка с кнопкой – все что надо,
Нажимай – смотри ответ.

Раньше мы его любили,
А теперь покоя нет,
Потому что подключили
Наш компьютер в Internet.

Дед на нем играл на бирже,
Видит крах! Печальный факт,
Дед наш дернулся поближе,
И, пожалуйста, - инфаркт!

У компьютера все ночи
Наш отец сидел порой,
А теперь уже нет мочи,-
Заработал геморрой!

Брат к нему садился рано,
Забывал поест свой хлеб,
Не сводил он глаз с экрана
И немножечко ослеп.

По компьютерным рецептам
Тетя сделала обед,
После этого концерт был –
Все помчались в туалет.

Ф. Теперов

Мать путевки заказала
Через этот Интернет.
Год прошел. Бюро пропало,
Ну, и денежкам привет!

Старший брат на Интернете
Там любовь себе искал
И попал в такие сети!
Ой, скандал! Большой скандал!

Я дарю вам песню эту,
Вы запомните слова.
Слава! Слава! Интернету!
И компьютеру хвала!

1996

ЙОМ КИПУР.

И снова Судный День. Мы снова просим Бога
Простить нам наши скромные грехи,
Торжественно печальна синагога,
Бормочет кантор древние стихи.

Нам прощены: Египетское рабство,
Плен Вавилонский, Римский вандализм,
Моссады окровавленное братство,
Погромы, инквизиция, фашизм.

И я, пройдя сквозь муки и лишения,
Нелегкую судьбу свою кляня,
Не знаю уж кому просить прощенья:
У Бога – мне, иль Богу – у меня.

5754

НОВЫЙ ГОД.

В кругу друзей. Слегка хмельной.
Вот Новый Год, и все сначала,
Один из тех, что раз весной
Кукушка мне накуковала.

За все судьбу благодарим.
Пусть будет год как сладкий пряник,
Пусть будет Пейсах и Пурим
И каждый день пусть будет праздник.

1994

ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА.

Дочери 1 год

Дочурка наша, сновиденье,
Тебе уж годик. Тишь да гладь.
Ну, что сегодня в День Рожденья
Тебе, родная, пожелать?

Способной будь. Учись упрямо.
Наполнись радостью творца.
Чтоб ты была умнее мамы
И, разумеется, - отца.

Цвети и стань Прекрасной Дамой,
Своди с ума, терзай сердца.
Чтоб ты была красивей мамы
И, разумеется,- отца.

Живи сто лет. Будь крепкой самой.
Хочу без меры, без конца,
Чтоб ты была счастливей мамы
И, разумеется,- отца.

Дочери 2 года

Два года пронеслось стрелою
С тех пор как всем чертям назло
Над нашей маленькой семьёю
Второе солнышко взошло.

Его назвали Лизаветой.
Теперь нам горе – не беда,
Пусть солнце светит иль не светит,
А наше светит нам всегда.

ДОЧЕРИ 10 лет

Июньской ночью как-то раз
Твоя сказала мать:
“Вставай! Мне, кажется, пора.
Иди такси искать!”

Я плохо соображал, чужак,
Все думал об одном:
“Зачем же ночью делать так?
Нельзя ли было днем?”

Я все ворчал, я все зевал,
Пугаясь темноты.
Но я ведь, доченька, не знал,
Что это будешь ты.

Потом я маму проводил,
Домой пришел пешком,
И был я словно тот дебил,
Пришибленный мешком.

Твое рождение я проспал.
Какой позор и стыд!
Но я ведь, доченька, не знал,
Что это будешь ты.

И у больничного окна
Пытался разобрать,
Что там показывает нам
Твоя, конечно, мать.

А душу грызли мне кроты,
Бродил я семена,
Боялся, не похожа ль ты
Случайно на меня.

Лишь позже на коленях я
Твой профиль разглядел,
И улетучилась боязнь,
И я повеселел.

С тех пор промчались года,
И каждый день трубя,
Я Господа благодарю
За ту июньскую зарю,
За то, что Он послал тогда
Нам именно тебя.

ДОЧЕРИ 13 лет

То радости, то невзгоды,
То суеты балет,
Как кадры мелькнули годы,
И новые вдруг заботы -
Тебе уж тринадцать лет.

И вот никуда не деться,
Сквозь юбилейный пир
Из светлого мира Детства
Тыходишь во Взрослый Мир.

И в этом жестоком Мире,
Что вечно грозит бедой,
Твой Ангел-Хранитель милый
Пусть будет всегда с тобой.

Чтоб дом твой был полною чашой,
И мирно чтоб было вокруг,
Чтоб праздники были чаще,
Чтоб был настоящий друг.

И как талисман чужодейства
От тусклых, унылых дней
Пусть светлое чувство Детства
В душе сохранится твоей.

СЫНУ 15 лет

Я рос без отца, все мечтая быть в сказке,
Но серое детство мелькнуло как сон,
Без игр и забав, без родительской ласки.
Я многого в детстве, сынок, был лишен.

Ни сытно поесть, ни теплее одеться.
И все же мне жаль, что ушли годы те.
Но, сын, ты мое возвращенное детство
И чуть приближенное к светлой мечте.

Потом была юность, война и разруха,
Был голод, болезни и грохот мортир.
О многом мечталось, но юность – подруга
На нас натянула солдатский мундир.

А время сурово держало в строю нас .
И все же мне жаль, что ушли годы те.
Но, сын, ты моя возвращенная юность,
Уже приближенная к светлой мечте.

Я мало успел, не взошел на вершины,
Но верю, сынок, будет время добрей.
И если что в жизни моей не свершилось,
Пусть сбудется, сын, это в жизни твоей.

1977

Сыну

Я как Бог – не бил баклуши,
Я потратил много сил
Не Адама, а Ильюшу
Я однажды сотворил.

Оказался сей бандит
Скрытным и упрямым -
Не хотел он выходить
Во-время из мамы.

Чушь городит детский врач,
Щупает ребенка,
Белла в трансе, теща в плач.
Мокрая пеленка.

“Эту докторшу забудь,-
Я заметил хмуро,-
Скажет сын когда-нибудь:
“Тамарина – дура”.

Слово “дура” он сказал
Даже очень скоро,
И пошел наш дом в развал,
Мы завыли хором.

Мы подарки приносили
Сиви Яковне в райздрав,
Чтоб его не исключили
Из яслей за буйный нрав.

Детский сад в бреду цинизма,
В нашем доме просто шок -
Пропагандой сионизма
Занимался там сынок.

Был отправлен в школу он
Не по нашей воле.
Был химический уклон
В этой самой школе.

Продолжали нас пинать
Школьные Лойолы.
Не смогли его изгнать –
Так закрыли школу.

Мы сражались как Спартак
На фронтах известных.
Если было что не так -
Бог простит нас, грешных.

Время пулею летит
В сторону прогресса.
Сын у нас уж не бандит –
Он у нас профессор.

Математик, теннисист,
Футболист, водитель,
Горнолыжник, программист
И кинолюбитель.

Он помочь всегда готов.
Золотые руки.
Сыну тридцать! Мазл тов!
Только ... где же внуки?

1992

Жене 40 лет

За скромным свадебным обрядом
Промчались разные года.
Со мной всегда была ты рядом
И даже – вместе иногда.

Тебя не изменило время,
Ты все стройна и хороша,
Несешь легко хозяйства бремя,
Отзывчива твоя душа.

Пусть будет жизнь твоя парадом,
Пусть обойдет тебя беда.
Всегда-всегда будь с нами рядом,
Будь с нами вместе навсегда.

Жене 55 лет

Наша Белла потрудилася много -
Получила две пятерки (55) от Бога,
Но в семейном деле: стирке и кройке
У нее пока всего лишь две тройки (33)

Пожелаем ей в шелка наряжаться,
Не болеть и не стареть, не нуждаться,
Чтобы ей, примерной ученице,
Бог поставил три единицы (111).

НОВОБРАЧНЫМ.

О борт бутылка разбивается,
Шипит шашлык, дымится краб.
По морю жизни отправляется
Семейный новенький корабль.

Двенадцать футов вам под килем!
Попутный бриз! Счастливым путем!
И рифы острые морские
Не забывайте обогнуть.

А чтобы дальняя дорога
Вам стала вдвое веселей,
В каютах заведите много
Хороших маленьких детей.

И чтоб хватило вам с лихвою
На путь ваш долгий, непростой,
Вы трюм заполните любовью,
Заботой, лаской, добротой

Держа штурвал, не будь султаном,
И не устраивайте склок,
Тот, кто вчера был капитаном,
Пускай сегодня будет кок.

Вы палубу до блеска драйте,
Создайте в кубрике уют,
И там в пути не забывайте
Родных, которые вас ждут.

А если в штормовую полночь
Взорвется бак иль лопнет трос,
Мы вмиг примчимся к вам на помощь,
Вы только сразу дайте SOS.

Двенадцать футов вам под килем,
Попутный бриз, счастливый путь,
И рифы острые морские
Не забывайте обогнуть.

*Памяти отца, погибшего
в сталинских лагерях.*

ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ГЕНСЕКЕ.
(Парафраза на стихи А.С.Пушкина)

Как ныне собирается вещий Генсек
Отмстить неразумным евреям,
Их Антифашистский былой комитет
Им зверски расстрелян, развеян.
С дружиной своей за кремлевской стеной
Вождь ночью не спит, паранойей больной.

И чудится Сталину вроде к нему
Пришел вдохновенный кудесник,
Покорный Перуну старик одному,
Заветов грядущего вестник,
Все дни он в гаданьях и в ведро, и в дождь.
И мудрого старца за горло взял вождь.

«Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость евреев-врагов,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мне всю правду, не бойся ты шваль,
В награду любую получишь медаль».

«Волхвы не боятся могучих владык,
А сталинский дар им не нужен,
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен.
Грядущие годы сокрыты судьбой,
Но вижу твой жребий на морде рябой.

Запомни же ныне ты слово мое:
Диктатору казни - гулянки,
Коварством прославлено имя твое,

Твой щит в катакомбах Лубянки,
Народы и страны покорны тебе,
Завидует Берия дивной судьбе.

В Кремле и на дачах охранников вал
К тебе не подпустят и муху,
Ни пуля Каплан, ни Шарлотты кинжал
Тебя не ударит по брюху.
За толстой стеной ты не ведаешь ран,
Незримый хранитель кровавому дан.

Проверены слуги твои до костей,
Там духом не пахнет жидовским,
Расстрелян, зарублен тобой иудей
Иль в лагере дохнет Мордовском,
Но знай, не поможет топор палача
И примешь ты смерть от еврея -врача.»

Тиран содрогнулся, поморщил свой нос
И начал сквозь зубы цедить:
«Пускай Тимашук нам напишет донос,
А этого взять! Посадить!
За то, что посмел мне такое сказать.
Тащить на Лубянку и там расстрелять!

Лаврентий, скорей собирай стукачей!
Узнай кто готовит мне яд!
Хватай и пытай всех евреев — врачей!
Потом расстреляй их подряд!
На Дальний Восток отправляй остальных.
Кому повезет — тех оставишь в живых.»

Пирует с дружиною грозный тиран
При звоне веселом бутылок,
Рукой искривленной он держит стакан
И чешет плешивый затылок.
Презрительно смотрит на этих коллег.
Вдруг вспомнил кудесника вещей Генсек.

«Старик, предсказавший мне смерть, просто глуп,
Евреев-врачей как слизало.»
А капелька яда, попавшая в суп.
В желудок меж тем заползала.
По жилам пошла и кольнула как гвоздь.
И вскрикнул, от страха обкакавшись, вождь.

Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной тирана.
Хрущев с Маленковым на креслах сидят,
Булганин сползает с дивана.
Бойцы поминают минувшие дни
И жопу, что вместе лизали они.

РУССКИЙ РЕСТОРАН.

Вот юбилей. Как повод он и только.
Обильный стол и множество огней.
Исподтишка разглядываем долго
Полузабытых стареньких друзей,
И на душе становится теплей.

Под грохот музыкальной канонады
Вкушаем мы от бесконечных блюд.
А нам ведь так поговорить бы надо,
Но горлопаны просто не дают.
Какой уж тут прикажете уют.

Все тонет в шуме свистопляски дикой:
Речь тамады и тост, и анекдот.
А тут несут шашлык и жирный плов с грудинкой,
И голубцы и даже антрекот.
Но кто сегодня это все сжует?

Скучая потрясемся в ритме танца,
Забыв на время что и где болит.
А на столе десерт, и торт — ну, просто цаца!
Но у кого остался аппетит?
Да и к тому же доктор не велит.

Пора домой. Отглохли и устали.
Чтож, юбилей прошел как юбилей.
Жаль что друзья нам слова не сказали,
Но хорошо, хоть видели друзей.
До новых встреч! Поехали! Скорей!

ПАМЯТИ ИОСИФА БРОДСКОГО.

Жил поэт в чужой стране
И в чужой квартире,
На одной играл струне
На прокатной лире.

Он любил чужой язык
Той страны холодной
И к гонениям привык,
Нищий и голодный.

Ведь перо свое острое
Не хотел запереть,
На Васильевском острове
Он хотел умереть.

Он бы мог там заслужить
Почести, медали,
Но ему не только жить -
Умереть не дали.

Изгнан был поэт как те,
Байрон и Назон,
Из страны, где на кресте
Пел сонеты он.

На свободе он блеснул,
Вспыхнул как солома,
И навеки он уснул
Далеко от дома.

Недопет был им сонет
В горечи, в досаде.
Спит в Венеции поэт,
А не на Моссаде.

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ГАЛИЧА.

Когда обласканный поэт
Плюет на пьедестал,
То, право, здесь сомнений нет -
Он гражданином стал.

И пусть грозит ему беда,
В испуге весь народ,
Но, как Давид пращу тогда,
Он свой блокнот берет.

Противник страшен у него,
В руках и меч, и плеть.
Ему ль поэта одного
Шутя не одолеть.

Но тот с гитарой сел на стул,
Извлек аккорд и снова
Он сильно в недруга швырнул
Свой острый камень — слово.

А враг, закованный в металл,
Ему сказал: Замри!
И как Антея оторвал
От Матери — Земли.

И силы стал терять поэт,
Не слышно новых песен.
И никакой надежды нет,
Он даже крест повесил.

А умирая если б знал
Что сбудется расплата,
Что словом острым как кинжал
Сразил он супостата.

ПАМЯТИ ВАСИЛИЯ ГРОССМАНА.

Вот жил писатель, знатоками признан,
Был журналистом острым как булат,
И даже в мутной лжи соцреализма
Писал он так, что виден был талант.

Он был как все и делал все как надо,
И вроде бы не чувствовал цепей,
Но вот от вида Треблинского ада
В нем пробудился спящий иудей.

Наперекор помехам и интригам
Воздвиг он жертвам памятник навек,
Создав большую Черную ту книгу,
Чтоб помнил каждый добрый человек.

И он поднялся, словно сбросил путы,
И дивный подвиг творческий свершил -
Другую создал книгу и как будто
В ней Царство Тьмы лучами осветил.

И усмотрели власти в ней угрозу,
И посадили книгу под арест,
Но присудили автору лишь розги,
А книге дали целых двести лет.

Но чудом книга вырвалась на волю
И разошлась по миру по всему,
Была для автора и мукою и болью,
Но принесла бессмертие ему.

ПРОЩАНИЕ С 2014 ГОДОМ.

Вот год пролетел, пробежал, прошел
От выдоха до вдоха.
И было то так себе, то хорошо,
А то временами плохо.

Все в мире двигалось в ритме марша,
Стремилась, сражались, горели.
И дети все стали на целый год старше,
И мы все на год постарели.

Весна расцветала, румянилось лето
И осень желтела в печали.
А мы хоть, конечно, все видели это
Но вроде бы не замечали.

И были заботы, и были труды,
И хлопоты, и усталость.
И много за год утекло воды,
Надеемся что-то осталось.

Визиты успехов — нечастых гостей,
Им вслед неудачи случались.
Но тусклые дни становились светлей,
Когда мы с друзьями встречались.

Спектакли, концерты, прогулки, кино -
Конечно, все было это.
И были застолья, и пили вино,
И ели свои котлеты.

Но время опять незаметно текло,
И чудными были звуки,
И сладко в душе разливалось тепло,
Когда улыбались внуки.

Что будет, не может никто прочесть,
Загадочно все на свете.
Давайте же выпьем за то, что мы есть,
И пусть веселятся дети.

ПОЭЗИЯ.

Нанизаны слова на строчки,
Как на шампур шашлык,
Есть запятые, есть и точки,
И восклицанья клык.

Читаю книжечку стихов,
«Слова, слова»,- сказал бы Гамлет,
Метафоры до облаков
И лирика слезами каплет.

И как старатель промывает
Песок на прииске глухом,
На дне увидеть ожидает
Крупницы золота потом,

Вот так и я, перебираю
За словом слово, каждый стих,
Потом стихи читаю снова -
Ищу идеи среди них.

Но как ни пробую, а нету
Идеи там золотника,
А без нее вся книжка эта -
Набор словесного песка.

Так без причины нет процессии
И нет похмелья без рассола,
А без идеи нет поэзии -
Так сказал Савонарола.

РЕКВИЕМ.

Второго злодея везли в мавзолей
В роскошном гробу на лафете.
Такого потока скорбящих людей
Еще не бывало на свете.

Оркестр непрерывно Шопена тянул,
В парадных мундирах, в наградах,
Почетный шагал по бокам караул,
Придворные в черных нарядах.

Ему поклонялись как Богу в стране,
В кантатах его воспевали,
Бойцы обреченные в страшной войне
За Сталина жизнь отдавали.

Вздохнули потомки партийных борцов,
Коварно вождем умерщвленных.
Вздохнули потомки былых кулаков,
Безжалостно им истребленных.

Он правил свирепо страной как тюрьмой,
Кто скажет хоть слово, тот будет немой,
И тех, кто — шаг влево, и тех, кто — шаг вправо,
Он всех отправлял их на вечный покой.

Бесчинствовал гад, и надумал злодей
Устроить второй Холокост:
На площади Красной повесить врачей,
А прочих — в Сибирь на погост.

Но рок заглянул и в Кремлевский дворец,
Он вечности верный слуга.
Услышал молитвы Господь наконец
И Пурим послал на врага.

Он умер, но лучше бы вовсе не жил.
И умер то как — не пойму.
А если кто руку к сему приложил,
То вечная слава тому.

Ф. Теперов

ПРОЗА

ЗАТОПТАННЫЙ РОСТОК (Быль)

Жил когда-то на свете еврейский мальчик Изя Городецкий. Это был обыкновенный мальчик, хорошенький, тихий, способный. Изя не любил шумных веселых игр и очень редко улыбался. Может быть, потому что у него не было мамы. Вообще-то мама у него была, но всего несколько минут. Она умерла во время родов и отдала сыну свою жизнь. Поэтому Изя никогда ее не видел. Позже, когда он подрос, Изя видел ее портрет в кабинете у отца. На портрете была изображена красивая темноволосая молодая женщина. Изя знал, что это его мама, но он этого не чувствовал, как ни старался. Ему было больно, что у всех детей есть мамы, которые их жалеют и заботятся о них, а у него нет. Поэтому Изя был грустный мальчик

В родильном доме ему сразу нашли кормилицу, ведь никаких формул тогда не было. Кормилицей оказалась незамужняя здоровая украинская молодлица, у которой ребенок умер во время родов. Тогда это часто случалось. Кормилица не все время находилась с ребенком. Она приходила в положенное время, кормила Изю и уходила. Все остальное делали няни в родильном доме. В отличие от других новорожденных, Изю продержали там довольно долго. Ведь отец Изи был не простым человеком, а Первым секретарем райкома. Он почти каждый день приезжал в родильный дом на машине, и каждый раз это вызывало переполох. В те годы у простых людей не было автомобилей.

Отец Изи был невысокого роста, сухощав с довольно правильными чертами смуглого лица. Внешне он казался очень строгим, но те, кто его знал, говорили что это напускная строгость. Это был очень энергичный и трудолюбивый человек. С раннего утра до позднего вечера он был занят партийными и хозяйственными делами. Он редко сидел в кабинете, а больше разъезжал по району и старался помочь колхозникам. Одним был нужен инвентарь, другим зерновые, третьим еще что-то. Благодаря заботам и настойчивости Изиного отца в районном центре замостили булыжником главную улицу и она стала проезжей в любую погоду, затем была построена новая каменная школа с просторными классами вместо старой развалины, а также была построена новая большая больница. Не менее энергично отец Изи занимался партийными делами. Возмож-

но, что все это отвлекало от горя, которое его постигло. Его пробовали засватать, но он решительно отказывал всем. А между тем Изя подрос, и его начали понемногу приучать к детскому питанию. И как раз в это время кормилица заявила, что она выходит замуж и уезжает. Это не застало отца Изи врасплох. Он уже заранее подыскал ребенку няню, и Иziu забрали из родильного дома. Этот переход прошел практически безболезненно. Няней оказалась одинокая пожилая еврейская женщина, которая одновременно стала и домработницей. Она сразу привязалась к ребенку и полюбила его как своего собственного внука. Кроме того, она оказалась очень хорошей хозяйкой. Изя рос, окруженный заботой и вниманием, в благополучной обстановке. Дом, в котором они жили, был несравненно больше и лучше всех домов этого района, где в каждом ютилось по несколько семей. Это был добротный кирпичный дом с крытой верандой и большим огороженным участком земли, на котором росли фруктовые деревья и где был огород. В доме были три комнаты и кухня. Самую большую комнату занимал отец. Это был его кабинет и спальня одновременно. Здесь стоял рабочий стол, платяной и книжный шкаф, на котором красовались книги Ленина и Маркса, два стула, кровать и диван. В комнате поменьше жила няня, а у Изи была своя отдельная комната, что считалось тогда небывалой роскошью.

Когда мой отец получил перевод по службе в этот городок, наша квартира оказалась рядом с домом, где жил Изя, и мы сразу с ним подружились. Мы с ним были ровесниками и было нам тогда около семи лет. А до меня Изе не с кем было играть. Мальчик Радзинский, сын извозчика, который жил поблизости, был значительно старше, а мальчик по кличке Марацуца, который жил напротив, был года на два младше. У этого Марацуцы была еще сестра Лиля, но она была на несколько лет старше, да к тому же в те годы мальчики с девочками не играли. В отличие от Изи в этой семье по фамилии Лозовские не было отца, но была мать. Говорили что их отец был в свое время довольно крупным нэпманом, и что его арестовали в начале тридцатых годов, после чего он исчез. Тем не менее, эта семья и после этого считалась богатой. В полуподвале у них жил плотник Жежел. Это был рослый сутулый жилистый угрюмый мужик, который всегда ходил с топором за поясом. У этого Жежеля был сын по кличке Мышоя (так он произносил свое имя). Было ему лет десять, и он был умственно неполноценным. Поэтому маленькому Изе не с кем было играть до нашего приезда. У него было много разных игрушек, в том числе деревянный конь с педалями, на

котором мы любили кататься, а также конструктор, шахматы и многое другое. Кроме этого было много книг. Тут были: “Всадник без головы” Майн Рида, “Последний из могижан” Фенимора Купера, “Три мушкетера” Дюма, и другие книги, которых в местной библиотеке не было. Я читал все подряд. Когда мы играли с Изей, их домработница, к которой Изя очень привязался и называл ее бабушка Рухл, то и дело подкармливала нас чем-нибудь вкусным. Но вот пришла беда, и бабушка Рухл серьезно заболела. В местной больнице поставили диагноз неизлечимой болезни. Тогда Изин папа отвез свою домработницу в областную больницу, но там, к сожалению, подтвердили диагноз, и там бабушка Рухл закончила свои дни. Похоронили ее как положено со всеми почестями и поставили надгробье.

Теперь надо было искать другую домработницу. В это время в одном из близлежащих колхозов произошло несчастье. Погибла целая семья, отравившись обыкновенными съедобными грибами. Случайно уцелела только дочь, которая в этот день гостила у подружки. Это была девушка лет восемнадцати, хорошенькая, высокая, стройная. Вот ее председатель колхоза, которому Первый секретарь райкома делал разные одолжения, и послал в качестве домработницы. Когда она прибыла, Изин папа был немало смущен и тут же позвонил председателю колхоза, приславшему девушку, и сказал, что она ему не подходит, что ему нужна пожилая домработница, которая к тому же должна ухаживать за малолетним сыном. Председатель колхоза стал упрашивать Изиного отца и сказал, что эта девушка мечтает вырваться из колхозной жизни и что поэтому отказывает всем местным женихам. Он очень просил принять ее на короткое время и пристроить где-нибудь, а подходящая домработница найдется. В конце концов Изин отец согласился, он не хотел портить хорошие отношения с председателем колхоза. Маленький Изя не знал, что произошло, и все допытывался у отца, куда уехала бабушка Рухл и когда она вернется и почему в их доме поселилась тетя Оля. А она каждый раз смеялась, когда он называл ее тетей. Но постепенно Изя привык к изменившейся обстановке.

Прошло какое-то время, и беда пришла к нам – арестовали отца по обвинению в антисоветской пропаганде, и это повлияло на весь дальнейший ход событий. Через несколько дней я узнал, что Изин отец запретил ему играть со мной. Изя очень страдал от этого, махал мне издали рукой, но послушаться отца не смел. Вскоре приехал мой дед и забрал нашу семью к себе. Я окончательно потерял связь с Изей.

Подробности о том, что было тогда и что произошло позже я узнал лет через пятнадцать, когда приехал в этот городок чтобы получить из архива документы, касающиеся ареста и смерти моего отца. Побывав в разных присутственных местах и не добившись никаких сведений о моем отце, я решил посетить уголок, где прошло несколько лет моего детства. По дороге я не встретил ни одного знакомого, да и меня никто не узнавал, что, в общем, не удивительно. Улица, на которой мы жили, как-то нехорошо преобразовалась. Не было коров и коз во дворах, и не было вишневых садиков, а к тому же не было нескольких домов, в том числе и нашего. Но дом, где жил Изя, сохранился и был таким как я его помнил. Я хотел узнать о судьбе Изи и подошел к дому, но возле него никого не было, а зайти я не решился. Неподалеку группа мальчиков играла в “цурки”. Один из них подошел ко мне и спросил, кого я шукаю. Я назвал Изю Городецкого.

“Нэ знайомый,- сказал хлопчик,- ось спытайтэ у цього”.

И он показал на симпатичного рослого юношу, который гулял с собакой. Я подошел к тому, поздоровался и повторил вопрос. При этом я сказал, что до войны мы жили здесь, и показал на место, где стоял наш дом. Тут этот юноша стал внимательно рассматривать меня и спросил, как меня зовут. Я сказал. И тогда он почему-то очень обрадовался и обнял меня. Это оказался Марацуца.

“Тут говорили,-сказал он,- что тебя и всю вашу семью убила бомба. Постой здесь, я позову Лилю”. И он побежал в дом. Это был тот же дом, в котором они жили до войны. Через минуту он выскочил из дома, а вслед за ним вышла его сестра. Я, пожалуй, узнал бы ее. Она с тех пор похорошела, но не очень изменилась. Мы поздоровались, и Лиля сказала мне что-то вроде комплимента. Я смутился и не знал, что ответить. Я не был искушен в этих делах. Мы разговорились. Оказалось что Лиля вышла замуж за Нюсю Радзинского, сына извозчика, и у них свой дом на главной улице, и что сейчас она пришла проведать маму и, может быть, я найду в дом и покажусь маме. Она будет очень рада. Я встретил это предложение без большого энтузиазма. Я помнил их маму, которую всегда звали мадам Лозовская. Это была вредная сварливая тетка, которая строила из себя интеллигентку и которая всегда кричала на нас, когда мы играли на улице возле их дома, что у нее от нас голова болит, что мы разобьем окно, что мы обижаем Марацуцу и так далее. А потом шла жаловаться нашим родителям. Один раз мы действительно разбили ей окно. Это вызвало жуткий скандал. Мой отец, придя с

работы и узнав что произошло, не стал допытываться, кто это сделал, а пригласил стекольщика, и тот вставил новое стекло. В общем, мадам Лозовскую мне не очень хотелось видеть, но из вежливости я пошел за Лилей и Маратом (так его теперь звали) в их дом. Вот мадам Лозовская уж действительно никак не изменилась. Она сидела за столом и что-то ела. Голова у нее была обмотана полотенцем как у раненой. Когда Марат сказал, кто я такой, мадам Лозовская стала пристально меня рассматривать и сказала, что я мало похож на отца, который был крупным мужчиной, и мало похож на мать, но какое-то сходство есть. Потом мадам Лозовская стала подробно расспрашивать меня обо всех, кого она помнила в нашей семье, а потом долго рассказывала о себе. О том, что они эвакуировались на Урал и там страшно бедствовали, и что когда они вернулись, в их доме жили какие-то проходимцы, которых никак нельзя было выселить, и только благодаря тому, что ее младший брат погиб на фронте, им вернули их дом, а этих грубиянов, которые незаконно вселились в их дом, потом судили за сотрудничество с немцами. Еще мадам Лозовская рассказала, что у нее большое сердце и что она лечится у доктора Ноткина, что ей нельзя волноваться, что она работает бухгалтером в комбинате “Заготзерно”, что Лиля окончила педучилище и преподает в школе, а Марат уже студент второго курса института. Между делом она заметила, что я и мои приятели были хулиганами и что один только Изя Городецкий был хороший мальчик. Я спросил у нее о судьбе Изи, но Лиля меня оборвала на полуслове и заговорила о чем-то другом, а мне сделала знак, чтоб я об этом не спрашивал. Когда мы вышли, я спросил у Лили, почему нельзя было спрашивать у мамы о судьбе Изи Городецкого. В ответ Лиля страдальчески сжала губы и сказала, что это ужасная трагическая история и что лучше всего об этом расскажет Оля, которая до сих пор живет в этом доме. При этом она заметила, что ходили слухи, будто Оля была не только няней и домработницей в доме у Первого секретаря райкома и что поэтому она никуда не ушла. И Лиля с Маратом повели меня к дому бывшего Секретаря райкома. Марат постучал в дверь, и на веранду вышла Оля. Я ее сразу узнал. Она немного пополнела и погрубела, но в общем не сильно изменилась. Мы поздоровались, и Лиля с Маратом представили меня.

“Нэ пизнаю,- сказала Оля,- багато рокив мынуло”.

Потом мы разговорились, вспоминая прошлое. Оля оказалась очень дружелюбной. Узнав о том, что меня интересуется, она замолкла, а потом скорбно покачала головой и поведала следующую печальную историю

Ф. Теперов

в переводе на русский язык.

После того, как мы уехали из города, Изя сильно затосковал. Но вот спустя какое-то время он сблизился в школе с мальчиком, сыном врача, который жил на другой улице, и подружился с ним. Потом он понемногу пришел в себя. Изя был самым лучшим учеником в школе, до войны он успел получить четыре Похвальных Грамоты. Ему предсказывали большое будущее. Изя много читал и рисовал, играл хорошо в шахматы и учился играть на скрипке. Это был очень способный мальчик. И дома ему нельзя было предъявить никаких претензий. Отца своего он боготворил, а тот в ответ просто обожал своего сына. Все было хорошо пока не началась война.

Изин отец, который и раньше был чрезвычайно занят, теперь работал почти круглосуточно. А когда немцы стали приближаться к городку и началась эвакуация, Михаил Наумович (так Оля называла Изиного отца) часто ночевал в райкоме или в тех организациях, которые надо было эвакуировать. Кроме того, Изин отец помогал, как мог, всем, кто к нему обращался с просьбой. Это была адская работа. Поезда шли с перерывами, все вагоны были переполнены, а грузовиков в распоряжении райкома было не больше трех.

В это время плотник Жежель, который раньше все время сидел у себя в каморке или где-то плотничал, теперь все чаще и чаще стал появляться на улице вместе с Мышой. Однажды, когда Изя катался по улице на велосипеде, к нему подбежал Мышой и столкнул его с велосипеда. Изя упал и заплакал, а Мышой начал пытаться оседлать велосипед. Изин отец, который случайно оказался дома, услышав плач сына, выбежал на улицу и увидел что творится. Тогда он схватил Мышой за ухо и стащил его с велосипеда.

“Нэ чипай дытыну,- угрожающе заорал Жежель,- ось будэтэ вы издыты на вэлыках”.

Изин отец ничего не ответил обнаглевшему плотнику. Не те уже были времена, эвакуация шла полным ходом. Он поднял велосипед, взял сына и зашел с ним в дом. А обстановка становилась все более напряженной. И тогда Изин отец сделал Олю официально своей женой. Они расписались в ЗАГС(е) перед самой его эвакуацией. Это был почти тайный брак. Об этом знали только те, кто регистрировал брак. И этот документ помог Оле сохранить за собой дом.

Изя с отцом выехали на самом последнем поезде, когда немцы уже приближались к городку. На прощание он сказал Оле, чтобы она за-

колотила дом и уехала в село. Там будет спокойнее. А когда прогонят немцев, она вернется. По закону это ее дом, а если он останется жив, то он, конечно, тоже вернется .

Изе с папой не удалось далеко уехать. Немцы высадили десант и перерезали железную дорогу. Начальник поезда объявил всем, что дальше ехать некуда и надо идти назад кто как может. Люди, конечно, везли с собой багаж и были в отчаянии. Надо было оставить в вагоне все, что невозможно было нести. Некоторые пытались тащить тяжелые вещи, но, помучившись немного, бросали. Изин отец оставил все, только надел рюкзак с продуктами и вещами первой необходимости на спину, взял за руку сына, которому тогда было уже двенадцать лет, и пошел с ним в сторону городка, который они покинули несколько часов тому назад. Возвращались и те, кто ехал на подводах, груженных до предела. Их тоже вернули. Только больные и совсем маленькие дети сидели на телегах, остальные шли пешком. Изин отец уже знал о том, что немцы убивают всех партийных работников и политруков, и что они уничтожают евреев. Поэтому он решил никоим образом не попасть к ним в руки.

Через несколько часов они уже были в городке. Оба страшно устали, особенно маленький Изя. Отец Изи выждал наступления темноты, чтобы их никто не видел, когда они пройдут по городку, и ночью постучал в дверь своего дома. Оля вначале испугалась, но узнав голос Изиного отца и теперь своего мужа, обрадовалась. Они проговорили почти всю ночь. Отец Изи говорил о том, как он любит своего сына, и что его сын обещает стать выдающимся человеком, что у него незаурядные способности во многих областях, что он трудолюбив и что он очень добрый мальчик, что его надо уберечь от немцев, которые убивают всех евреев. В селе немцы не задерживаются, и там легче спрятать и спасти ребенка.

“Вин ще нэ знав, що наши лютують гирше ніж нимци”, - сказала Оля. А потом добавила, что ей и не надо было всего этого говорить. Она сроднилась с ними, и Изя был для нее, если не сын, то по меньшей мере очень дорогой младший брат. А от Бориса Наумовича она ничего кроме добра не видела. Он ей покупал красивую одежду и обувь и давал всякие подарки. Кроме того, он возил ее в областной центр несколько раз, где были всякие представления, и они даже были в самом Киеве. И Оля там была в Софийском соборе и в музее Ленина, и в театре, где показывали пьесу “Доктор Калюжный”, и даже была в оперном театре на спектакле “Запорожец за Дунаем”. А один раз они обедали с Борисом

Ф. Теперов

Наумовичем в Киеве в шикарном ресторане. У нее была такая жизнь, о которой она даже не мечтала. Оля обещала Борису Наумовичу сделать все возможное чтобы спасти от немцев Изю и сказала, что она очень желает и надеется на то, что все они останутся живы и после войны соберутся и будут жить как прежде.

А о себе папа Изю почти не говорил, только сказал, что попробует пройти к линии фронта, и там присоединиться к советским войскам. А если это не удастся, то уйти в партизаны.

Приближался рассвет. Изин папа обнял Олю и долго целовал своего сына. Он плакал, этот суровый и черствый на вид человек, а вместе с ним плакали Изя и Оля. Потом бывший Первый секретарь райкома вынул из рюкзака хлеб и сало и переложил себе в сумку, потом зарядил пистолет и, не поворачиваясь, вышел из дома. Что было потом, Оле рассказали те, кто видел как Изиного отца схватили немцы, которые в этот день вошли в городок. Он не успел очень далеко уйти, его перехватил патруль. Изин папа сделал попытку убежать, но его остановила автоматная очередь. Он укрылся за деревом и оттуда сделал несколько выстрелов. Кажется, он сумел убить одного или двух немцев, а сам был тяжело ранен и потерял сознание. И в этот же день его повесили. Первый секретарь райкома был еще жив, когда его вешали.

Место выбрали для устрашения и всеобщего обозрения. Есть на главной улице в самом ее конце единственное трехэтажное здание, где на первом этаже была до войны аптека. Балкон на втором этаже этого дома выходит на улицу. Вот с этого балкона и повесили Первого секретаря райкома. Немцы сами не вешали, они только наблюдали. Главным палачом был плотник Жежель, которому помогали двое подручных и Мышоя. Они поставили лестницу к балкону, Жежель полез и привязал веревку, а потом потащил по лестнице уже почти мертвого папу Изю. Ему помогали подручные. Потом палач Жежель надел петлю на шею уже покойному Борису Наумовичу и затянул ее. На грудь и спину бывшему Первому Секретарю райкома они повесил плакаты с корявой надписью “Жид” “Коммунист”. Жежель спустился с лестницы и убрал ее. Порядочный и добрый человек Борис Наумович Городецкий повис в петле. Повешенный подонками и мерзавцами, он висел с петлей на шее целых три дня.

В один из этих дней по всему городку были развешаны плакаты с требованием чтобы все евреи без исключения явились в определенное время на площадь перед Исполкомом. И сразу же забегали по всему

городку ублюдки с повязками на руках во главе с Жежелем, который теперь переселился в квартиру Лозовских, и следили, чтобы ни один еврей не укрылся. Оля видела, как они гнали бездетных стариков Дудю и Добу, которые тихо жили в крохотном домике на другом конце улицы. Позже кто-то проболтался, то ли Мышою, то ли кто-то другой, что всех собранных евреев этапным порядком погнали за греблю, то есть за плотину, и там заставили рыть канаву, а потом их всех, включая маленьких детей и женщин, расстреляли немцы и бросили трупы в канаву. А засыпали канаву Жежель с подручными.

Оля уже заблаговременно спрятала Изю. Во дворе у них был довольно глубокий погреб, выложенный кирпичом с бетонным полом, засыпанным древесными стружками. В этом погребе хранили зимой яблоки и некоторые овощи. Над погребом была построена добротная каменная будка (клуня) с крепкой дверью и замком. Внутри стены клуни были покрыты камышом (очеретом). В задней части клуни за очеретом была довольно большая ниша. Вот в эту нишу Оля и спрятала Изю. Там было постелено сено, так что можно было прилечь. Изя взял себе туда книги, а Оля украдкой носила туда еду и поставила там ночной горшок. Время от времени она забирала этот горшок и опорожняла его в уборной, которая была рядом. Изе она сказала чтобы он откликался только на ее зов.

После ухода отца Изя с тревогой говорил только о нем. А в день гибели отца, Изя был сильно взволнован. Оля пыталась успокоить его, говоря что отец уже наверное присоединился к Красной Армии и вместе с ней освободит город и вернется к ним. Но Изя то ли улавливал что-то в интонации Оли, то ли чувствовал неладное, но он продолжал плакать, а потом замкнулся.

На следующий день, когда евреев начали стогнать на площадь перед Исполкомом, в дом к Оле явились громилы во главе с Жежелем.

“Ты, жыдовська курва, дэ ховаеш жыденя?”- зарычал он, глядя исподлобья.

Оля ответила, что никого она не прячет, что Изя эвакуировался вместе с другими.

“Брэшэш,- рывкнул Жежель,- люды бачылы як воны вэртальсы”.

И он с подручными стали шарить по всему дому, по дороге прихватывая вещи, которые им попадались под руку. Зашли они и в клуню и даже залезли в погреб. Изя понимал, что это его ищут плохие люди и притаился. Когда Жежель со своей бандой ушли, Оля долго не могла

придти в себя. Сердце у нее колотилось. Вечером, когда стало темно, Оля забрала Изю в дом, и он спал на своей кровати, а рано утром она разбудила его, они вышли через заднюю дверь и потом, пригнувшись, прошли огородом в клуню. Оля страшно нервничала. Это было чрезвычайно опасно. Их могли заметить. Такое положение не могло длиться долго. Надо было срочно уехать в село и нужна была оказия. И такая оказия появилась через два дня. Олина двоюродная сестра приехала в городок чтобы продать небольшое количество фруктов и овощей и, если удастся, то купить какую-нибудь обувь и одежду для детей. Их у нее было двое. Муж пропал без вести на фронте. Все износилось, приходится подшивать и латать, а дети растут. Она и раньше приезжала и всегда останавливалась у Оли. Вот и теперь она после не очень удачной торговли на базаре явилась к ней в дом. Оля очень обрадовалась ее приезду и рассказала ей о своих намерениях. Приехавшая родственница без колебаний согласилась, и они договорились, что она переночует у Оли в доме, а рано утром они выедут в село. О том, чтобы ехать ночью, не могло быть и речи. Любого, кто появлялся на улице ночью, немцы расстреливали без предупреждения. Перед тем, как лечь спать, Олина сестра привязала лошадь к дереву в саду и насыпала ей сена, а телегу поставила во дворе за воротами. Ночью сестры долго говорили о том, что случилось и что их ждет. Потом пошли спать. Рано утром они встали, приехавшая запрягла лошадь, поставила на телегу корзины и накрыла их рогожей. Потом Оля быстро вывела из дома Изю и спрятала его под рогожами. Затем обе сестры в спешке прибили гвоздями к дверям и окнам несколько досок накрест, сели в телегу и поехали в село. На улицах никого не было, и они без приключений проехали по всему городку. Они уже выезжали на проселочную дорогу, как вдруг перед ними появился Жежель и с ним один подручный, который сразу схватил лошадь за уздцы. Наверное, они вылавливали тех евреев, которые сумели укрыться от немцев.

“Ось побачымо що вы тут взэтэ”, - рявкнул Жежель, - и направился к телеге.

В душе у Оли похолодело. Она была совершенно беспомощной. Она стала что-то выкрикивать, пытаясь отвратить беду, но Жежель не обращал на ее крики никакого внимания. Дальнейшее произошло как в кошмарном сне. Жежель отбросил рогожи и увидел Изю. Глаза его сверкнули дикой звериной сладострастью. Он схватил Изю как котенка и вытащил его из телеги.

“Що вин тобі зробив?! - кричали женщины,- чого ты до хлопчыка прычепывся?”

Но Жежель их не слышал. Это был свирепый страшный зверь, почувший добычу. Он потащил Изю, онемевшего от страха, к канаве, выхватил из-за пояса топор и одним ударом оборвал жизнь доброго, талантливого, тихого еврейского мальчика Изи Городецкого. Убийство беззащитного ребенка это самое зверское безумное преступление, которому нет искупления. Обе женщины в ужасе закричали: “Злодий! Що ты зробив!”

Тогда Жежель с побелевшими от ярости глазами поднял окровавленный топор и бросился на них. От страха женщины замерли на секунду, но тут, придя в себя, Олина сестра со всей силы начала хлестать лошадь кнутом. Лошадь сорвалась и потащила державшего ее подручного Жежеля. Тот упал, и ноги его попали под колесо. Он дико закричал и отпустил вожжи. Лошадь понесла. Остервеневший Жежель бежал за телегой с поднятым топором, но потом отстал.

Больше года прожила Оля у своей сестры и вернулась в городок вскоре после его освобождения Советской Армией. Их дом, как и следовало ожидать, не стоял заколоченный. Сначала поселился в нем на несколько дней немецкий полковник, а после его ухода там стал жить назначенный немцами из местных жителей городской Голова. Как только в городок вошли Советские войска, этого немецкого ставленника арестовали, и в доме поселился какой-то советский администратор. Оле пришлось довольно долго бороться за возвращение своего дома. Ей даже пришлось поехать в областной центр, и там предъявить документы. Только после этого ей вернули дом.

А еще раньше пришло возмездие. Оля видела, как казнили преступника Жежеля. Его повесили вместе с одним из его подручных. Другие подручные куда-то пропали, и вместе с ними исчез Мышоя со своей матерью. Казнь убийцы и предателя Жежеля состоялась на площади перед исполкомом. Там были установлены две походные виселицы. Какой-то военный зачитал приговор, потом Жежелю и его подручному надели петлю на шею. Жежель стоял на грузовике, опустив голову и мрачно глядя вниз, а его подручный всхлипывал. Грузовик отъехал, и длинная нескладная фигура убийцы Изи повисла в петле. Жежель хрипнул и замолк. В толпе раздалось несколько хлопков. Потом люди разошлись. В этот же день Жежеля и его подручного сняли с виселицы и куда-то увезли.

Ф. Теперов

Когда война кончилась, местные власти поставили Борису Наумовичу металлический памятник со звездой на городском кладбище. На памятнике надпись: “Первому Секретарю райкома партии Науму Борисовичу Городецкому, героически павшему в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками”. И даты рождения и смерти. А Изе Оля сама поставила памятник на том месте, где он погиб. Она добилась такого разрешения от местных властей. Памятник такой же как у отца, только нет звезды.

“Якщо хочэтэ, можэтэ побачыць,”- сказала Оля и добавила, что это недалеко, не больше двух километров.

Марат согласился провести меня, и я распрощался с Олей и Лилей. Мы шли минут двадцать, и у дороги на окраине городка увидели этот памятник. Это был стандартный памятник тех лет, который ставили павшим советским воинам. На памятнике была сделана надпись: “Сыну Первого Секретаря райкома Изе Городецкому, зверски убитому фашистским прислужником”. И даты рождения и смерти: 1929 - 1941.

ПОСЛЕ ДНЯ ПОБЕДЫ.

Великая Отечественная война оставила глубокий след в истории человечества. Принято говорить о победе советского народа. Но ведь народ не был однороден. Были бандеровцы и власовцы, были советские дезертиры, банду которых я видел в 1943 году в Малаховке, были калмыки, крымские татары, чеченцы, были украинские крестьяне, которые встречали немцев хлебом-солью, были и другие. В своих воспоминаниях о Дне Победы я рассказываю об одном позорном явлении. Упоминание об этих мерзавцах, разумеется, ни в коей мере не умаляет великого вклада в Победу, который внесли подлинны ветераны войны.

Есть у Ильи Эренбурга замечательное стихотворение о победе в Великой Отечественной войне, в котором говорится о той страсти, с которой мы желали этой победы и на какие жертвы готовы были пойти ради нее. И заканчивается стихотворение словами о том, что вот наконец она явилась эта долгожданная Победа, но прошла мимо, и “мы друг друга не узнали”. Слов нет, эта победа, которая была добыта очень дорогой ценой, обманула надежды простых людей. И это была настоящая “Пиррова победа”. На каждого убитого немецкого солдата пришлось не менее трех убитых советских воинов. “Великий стратег” Сталин и исполнитель его воли Жуков не жалели “пушечного мяса”. А чего стоит безумная затея криворукого рябого вождя устроить гонку между Жуковым и Коневым за взятие Берлина и приурочить Победу к майскому празднику. В результате 400,000 советских воинов были принесены в жертву этой жестокой и наглой затее. Средняя продолжительность жизни защитников Сталинграда, рядовых и младших командиров, была, кажется, не более двух недель. Все это, конечно, ни в коей мере не снижает заслуг тех, кто своей кровью и самой жизнью заплатил за эту победу. Они спасли не только свою страну, но и освободили другие страны от гитлеровского безумия. И вечная им слава! Бесконечная благодарность и тем, кто рвался в бой, и тем, кого “подталкивали” заградительные отряды МГБ, и штрафным батальонам, и труженникам тыла, которые делали все для фронта. Всех погибших жалко. Но особенно жалко тех, кто умирал с возгласом: “За Сталина!” Плоды победы достались не тем, кто их заслужил. Поэтому я буду говорить об этой победе без общепринятого пафоса.

Ф. Теперов

И вот каким я, пятнадцатилетний подросток, воспитанник Образцово-Показательного оркестра Министерства Обороны, помню День Победы, 9 мая 1945 года.

Конечно, объявление о Победе не было уж столь неожиданным. Все знали, что бои идут в Берлине и что в ближайшие дни это должно закончиться. Тем не менее, официальное заявление о Победе вызвало всеобщий восторг. В это утро нас раньше времени разбудил дежурный Топчиенко. Обычно он будил нас такими скабрёзными стишками: “Вставайте, дети, с постели! Блины вжэ спсели. Блинов поедите. Аленку...” И дальше шло нецензурное слово. На этот раз, вместо традиционного четверостишия, Топчиенко заорал: “Хлопци! Победа!” Мы вскочили как шальные, выбежали во двор и носились по нему с возгласами: “Ура! Победа!” Мы верили, что теперь все будет хорошо, что теперь мы каждый день будем есть белые булочки с халвой и сметаной. Никакой дисциплины в этот день не было. После завтрака мы единодушно решили пойти на Красную Площадь. В домах и на улицах люди уже праздновали. Царило благодущие и доброжелательность. Незнакомым прохожим предлагали зайти и выпить стаканчик водки. Нас тоже не обходили вниманием. От Спасских казарм мы прошли до Красных Ворот, потом повернули в сторону Кировской, а по ней направились к площади Дзержинского. Прошли мимо библиотеки имени Тургенева, мимо уникального красочного магазина “Кофе”, мимо Главпочтамта и Министерства Иностранных дел. Не знаю, сколько времени мы шли, но было уже довольно поздно. Людей на улицах становилось все больше и больше, а на площади Дзержинского была уже приличная толпа. Здесь мы потолкались немного, а потом пошли по улице 25-го Октября в сторону Красной площади. Очень хотелось есть. Хорошо еще, что нас в одном доме угостили пирожками. Иначе ощущение голода было бы еще более сильным. На Манежной площади царило веселье. Люди танцевали и пели. Не знаю, совершались ли в Москве в этот день обычные преступления, но карманные воры не дремали и вели себя как настоящие подонки. Они окружали какого-нибудь увешанного орденами генерала или полковника, поднимали его на руки и начинали подбрасывать с возгласами: “Слава герою! Слава победителю!” Герой войны смущенно улыбался, а воры тем временем незаметно шарили у него по карманам. Потом они опускали его на землю и исчезали. Мы видели реакцию на это позорное явление. Обнаружив пропажу, какой-то генерал долго и недоуменно проверял свои карманы и искал что-то

на земле, а приземистый широкоплечий майор, вся грудь которого была покрыта орденами и медалями как чешуя, сразу понял что случилось и лихорадочно схватился за то место, где у него обычно висел пистолет, а затем начал свирепо смотреть по сторонам, ища обидчиков. Но тех и след простыл, а оружие накануне было сдано. Приближались сумерки. Пора была выйти на Красную площадь. Однако теперь это не так просто было сделать. Толпа была почти плотной. С превеликим трудом мы еле-еле пробивались. Целый час понадобился чтобы пройти около ста метров. По дороге наша группа рассыпалась, и рядом со мной оказался только один мой приятель. Люди на площади были возбуждены и надеялись, что Сталин выйдет на трибуну Мавзолея и будет говорить с народом и скажет что-то такое, от чего все будут счастливы. Но время шло, и ничего не происходило. Возбуждение таяло. И только в девять часов вечера застрекотал громкоговоритель, и диктор объявил о том, что сейчас выступит генералиссимус товарищ Сталин. И он выступил. Четыре года тому назад, растерянный и испуганный, он говорил как нищий на паперти: “Дорогие братья и сестры”. Как сказал Солженицын: “Заныл, сука”. Теперь Сталин говорил тоном царственным и снисходительным, но с тем же грузинским акцентом. Ничего особенного он не сказал. Люди были разочарованы. И был салют. От грохота пушек несметные стаи ворон шарахались и лихорадочно носились над площадью. Пора была идти домой. Но как это сделать? Мы были спрессованы и находились во власти стихии. Можно было поднять ноги и повиснуть. Вдруг волна подхватывала меня и несла то в одну, то в другую сторону. В таком случае висеть нельзя, надо перебирать ногами. Горе тому кто упадет. Затапчут, и никто не сможет помочь. Сколько человек затаптали тогда, я не знаю. Такой статистики нет. Возможно что не меньше чем на похоронах Сталина. Время шло, и наконец мы почувствовали, что движение массы стало более упорядоченным, и нас вынесло на Манежную площадь. Метро “Охотный ряд” было закрыто. Поток раздвоился. Одних понесло на Площадь Революции, других, в том числе и меня потащили в сторону метро “Библиотека Ленина”, но и это метро было закрыто. Теперь уже можно было двигаться свободно. Кто-то пустил слух, что метро Дворец Советов открыто, и мы устремились туда. Но напрасно. Все было закрыто. Куда теперь податься. Я безумно устал. Друзей своих я растерял еще на Красной площади. И я пошел с небольшой группой людей по Метростроевской в сторону Садового кольца в надежде, что троллейбусы или автобусы там еще ходят. Однако ника-

Ф. Теперов

кого городского транспорта не было видно. И тут вдруг появился побитый грузовичок с веселой компанией, и меня подвезли до площади Маяковского. Здесь я сошел, а грузовичок свернул влево на Ленинградское шоссе. Кажется, эта компания была из Тушина или еще дальше. А я потопал по Садово-Каретной. Людей на улице уже было мало. И тут мне опять повезло. Другой побитый грузовичок подхватил меня и довез до Самотечной площади. Эти тоже свернули налево. Компания была из Марьиной рощи. Потом я шел и немного ехал, и только около четырех часов утра был у своей кровати. Я был ужасно голоден, но усталость была сильнее. Я еле стащил сапоги и, не раздеваясь, повалился на кровать. Это уже было десятое мая. День Победы прошел.

МСТИТЕЛЬ.

Эту историю я услышал более пятидесяти лет тому назад. И с тех пор время от времени я вспоминал ее и считал, что следовало бы изложить ее на бумаге. Это случалось, как правило, в те дни, когда в стране отмечали годовщины Холокоста и Бабьего Яра. И каждый раз в связи с этим у меня возникал вопрос: неужели среди этих миллионов жертв не было случаев сопротивления, неужели все шли на убой как овцы. Ведь были же там не только старики, женщины и дети, ведь были там и взрослые мужчины. От этой мысли становилось еще более тягостно на душе. Приходило в голову нечто вроде аналогии. Вот если в футболе команда, за которую вы болеете, проигрывает с разгромным сухим счетом, вы подавлены вдвойне. Но вот, если вашей команде удалось забить хоть один ответный гол (гол престижа, как говорят любители футбола) вы уже чувствуете себя не таким подавленным. Значит, хотя противник был сильнее, ваша команда боролась с честью и не складывала оружия до конца.

Говорят что у евреев после долгих лет живших в постоянном страхе выработался повышенный инстинкт самосохранения. Может быть, у тех обреченных, которых гнали в Бабий Яр и в газовые камеры, до последней секунды еще оставалась какая-то надежда и они удерживали тех мужчин, которые намерены были что-то предпринять. Это, скорее всего, объясняет покорность обреченных евреев, которая удивляла даже фашистских главарей.

Восстание в Варшавском гетто было тем “голом престижа”, узнав о котором мы подняли головы. И хотя это было в Польше, а не в Советском Союзе, мужество и героизм этих еврейских молодых парней и девушек вселил в меня надежду, что и у нас были акты возмездия. А то, что мне рассказал в институте один студент, было тому подтверждением.

Этот студент не был евреем и даже был своего рода антисемитом. Поэтому в правдивости его рассказа не приходится сомневаться. Был он заметной фигурой в институте. Рослый здоровяк, белолицый и с хорошей внешностью. А знали его, в основном, потому что он был неоднократным чемпионом ВУЗ(ов) по вольной борьбе и имел первый разряд, если не выше. Студенты с явно выраженной еврейской внешностью знали его и по другой линии. У него была привычка, прохо-

дя мимо такого студента, неожиданно применить к нему какой-нибудь болевой прием, сопровождая это фразой: “Извини, Мойшик, это я нечаянно. Не больно? Пройдет”. (Надо помнить, что это был печально известный 1953-ий год, когда евреи особенно притихли)

Я не обращал внимания на этого студента, и он, вроде бы, меня не замечал. Но вот однажды он неожиданно сзади обхватил мою голову и больно сжал. Я же, будучи в институте, занимался по линии кафедры физкультуры штангой, и зав. кафедры, с которым я был в хороших отношениях, показывал мне частным образом приемы САМБО. Это помогло мне отреагировать на эту хулиганскую выходку, я развернулся и со всей силы ударил ребром ладони по его бычьей шее. Он оторопел на секунду и сразу бросился на меня. Однако тут же остановился и сказал: “Не ожидал от тебя. Молодец! Есть среди вашего брата бойцы. Заключим мир. Пиво с меня.”

Не было смысла обострять конфликт, тем более, что он протянул руку. И я сказал: “Ладно”

В тот же день он повел меня в харчевню, где можно было отоварить талоны, которые он получал на сборах во время соревнований. Во время еды мы сначала поговорили о том, о сем, после чего он сказал, что хочет рассказывать мне одну историю.

“Знаешь,- сказал он,- жил в моем родном городе человек из вашего племени, которым мог бы гордиться любой народ. (Тут он назвал имя этого человека. К сожалению, я его забыл. Помню только, что это была не типичная еврейская фамилия). До войны,- продолжал он,- этот человек со своей женой и сыном, который был года на три младше меня, жили на нашей улице. Человека этого хорошо знали, потому что он был лучшим городошником в округе. Он работал на металлургическом заводе, кажется, кузнецом и был поздоровее, чем я сейчас. И, кроме того, что был очень сильным, был еще не робкого десятка. Как-то раз у нас в городе ночью грабили одного завмага, а он в это время возвращался с работы со второй смены и услышал крик о помощи. Тогда он схватил железный прут, которые у нас в городе металлургов валяются повсюду, и побежал на выручку. Ему пришлось иметь дело с тремя вооруженными финскими ножами бандитами. Его слегка поранили в плечо, но сам он так отделал всех троих, что их потом еле откачали. Такой был человек.

Как только началась война, его сразу же мобилизовали. Жена успела получить от него только одно письмо, и больше ничего от него не приходило, а потом немцы вошли в наш город и начали наводить свои

порядки. Назначили старосту из бывших заключенных, а из молодежи ему в помощники набрали полицаев. Вот с их помощью немцы стали вылавливать бежавших из окружения красноармейцев и особенно комиссаров. Потом по всему городу были развешаны объявления на русском и немецком языке о том, что все евреи без исключения должны в определенное время явиться на площадь, имея при себе только самые необходимые вещи, а также все драгоценности и легкую снедь. Тех, кто попытается уклониться от явки, ждет суровое наказание. Мне тогда было девять лет, и я уже умел читать. Я хорошо помню эти объявления. В назначенный день полицаи бегали по городу, врываются во все квартиры, где жили евреи, и следили чтобы все вышли на площадь. Там их всех пересчитали и проверили по каким-то спискам. Потом им сказали, что их повезут на поселение. Самых дряхлых немощных стариков и самых маленьких детей посадили на телеги. Остальные пошли пешком. Последней ехала телега, на которой везли лопаты. Собранных евреев повели под конвоем немцы с автоматами и наши полицаи. Мы, пацаны, бегали туда и видели все это. Что случилось потом, рассказал по секрету своей подруге пьяный полицай, а та рассказала своей подруге и пошло. В общем, спустя какое-то время это уже было известно всем в городе. А произошло следующее. Прошли они километров пять, если не больше, и зашли в рощицу, где сделали привал. Здесь евреям сказали чтобы они подкрепились, так как им предстоит работа. После еды детей отделили и приставили к ним несколько дряхлых стариков чтобы они следили за ними, другие дряхлые старики должны были охранять вещи. Потом всем трудоспособным евреям раздали лопаты и сказали, что здесь ожидается наступление и что нужно вырыть противотанковый ров шириной не менее метра и глубиной в человеческий рост, а длиной как получится, и что после этого их повезут на поселение. И все трудоспособные начали копать. Копали с непривычки, конечно, медленно, хотя грунт был сухим и мягким. Правда, попадались корни, но небольшие, и их обрубали лопатами. Так что, пока докопались до требуемой глубины, прошло довольно много времени. И тут началось. По команде немцы и полицаи окружили ров и открыли стрельбу из автоматов по евреям, которые копали. И тут же убили и сбросили в ров тех немощных стариков, которые охраняли вещи. Дети находились в некотором отдалении. К ним пришли и сказали, что будут играть в жмурки, завязали им глаза и постреляли их вместе со стариками, которые за ними следили. Затем их всех потащили и сбросили в ров. Полицаи поставили

лестницу и спустились по ней в ров, а там, ступая по трупам, собрали лопаты. Почти всех их тошнило. Потом помыли лопаты в ручье. После этого засыпали ров вынутой землей и это место заровняли. Тут же немцы забрали все драгоценности, сели на мотоциклы и уехали, а полицейские расхватили барахло, сели на телеги и вернулись в город. Всем им выдали водку и наказали держать язык за зубами.

А на следующий день в городе начались беспорядки и драки между теми, кто хотел вселиться в квартиры, где жили евреи. Пришлось немцам вмешаться, и с помощью старосты и полицейских они навели порядок. Квартиру этого человека, о котором я рассказываю, дали его соседке, которая со своей сестрой, дочерью и тремя внуками ютилась в маленькой комнате. И она оставила дочь с внуками, а сама с сестрой переселилась в квартиру этого человека.

Прошло несколько дней, и вот однажды глубокой ночью кто-то постучал к ним в окно. (Это был первый этаж). Они, конечно, испугались и боялись подойти к окну. Но стук продолжался и был настойчивым, и они, дрожа от страха, зажгли лампу и выглянули наружу. За окном стоял какой-то бородатый человек. Сестры схватили ножи и показали ему. Тогда он навел на них свет карманного фонаря и показал пистолет. Они отшатнулись от окна и поняли, что придется открыть дверь. Кроме того, чего им бояться: если это грабитель, то брать у них нечего - все осталось у дочери. Дверь открыли, и в комнату вошел очень крупный человек в поношенной военной форме без знаков отличия.

“Что вы делаете в моей квартире? - был первый его вопрос, - и где моя жена с сыном?”

Сестры узнали его, успокоились и начали сбивчиво рассказывать о том, что произошло. Услышав о смерти жены и сына, которых он очень любил, этот человек схватился за голову и издал какой-то странный звук. Потом он долго сидел, понутив голову, и молчал, после чего начал говорить как бы самому себе: “Вот я пробился и вышел из окружения, хотел повидать жену и сына перед тем, как попробовать пробиться к нашим. И вот повидал”, - с горечью закончил он.

А сестры засуетились и сказали, что это его квартира, что они сейчас уйдут, что это их староста поселил сюда, когда квартира осталась пустой.

“Э,- сказал он,- живите уж здесь, но если вы хоть одним словом обмолвитесь, что видели меня, что я приходил сюда, то вы жить не будете. Это я вам обещаю”.

После этих слов он поднялся и вышел из квартиры в ночную те-

мень. А сестры то ли из боязни, то ли из сострадания к этому человеку, рассказали об его визите только после всех событий и после того, как советские войска освободили город.

А через несколько дней после ночного появления этого человека и его разговора с сестрами в городе поползли слухи о том, что кто-то ограбил немецкий склад боеприпасов, и при этом был убит охранник. И начались повальные обыски. Если находили какую-нибудь двухстволку, то ее отбирали, а владельца наказывали. Но если находили немецкое оружие, то расправа была короткой. Однако то, что немцы искали, они кажется, так и не нашли. И вдруг произошло ЧП, о котором люди до сих пор вспоминают. Было воскресенье, и немцы в клубе смотрели кино. На улице прогуливались наши парни и девушки. Они видели, как на мотоцикле к клубу подъехал немецкий офицер, взял большую сумку в руки и подошел к дверям, где стоял охранник, который козырнул ему. И тут произошло нечто из ряда вон выходящее. Офицер выхватил ножевой штык и вонзил его в горло охраннику. Тот упал замертво. Тогда офицер быстро зашел в клуб, заполненный немецкими солдатами, вынул из сумки гранаты и начал в темноте разбрасывать их по залу. Это было светопредставление. Разбросав гранаты, он дал еще по залу несколько очередей из автомата, а на выходе разбил бутылку с горючей смесью. Начался пожар. Офицер быстро вышел, сел на мотоцикл и умчался.

И в городе начался переполох. Ввели комендантский час и круглосуточное патрулирование города. После семи часов вечера никто не должен был появляться на улицах под угрозой смерти, расставили кордоны на перекрестках, прибыла группа войск СС. Все очевидцы ничего толком не могли сказать, кроме того, что это был очень крупный мужчина в форме немецкого офицера и что ни усов, ни бороды у него не заметили, что вообще было темно и он быстро зашел и вышел, так что лица нельзя было рассмотреть. Эсесовцы прочесали весь город и все окрестности, включая небольшой лес, но ничего не нашли.

Когда суматоха немного улеглась, произошло такое, что люди не поверили своим глазам. Немцы строем шли в столовую. И вдруг из сарая, мимо которого они проходили, вышел этот человек в форме немецкого солдата с двумя автоматами, один в руках, другой на шее, и открыл огонь по строю солдат. Когда они попадали, он продолжал стрелять по лежащим. Тут подоспели патрули, эсесовцы и немецкие офицеры и открыли по нему огонь. Этот человек упал и остался лежать неподвижно. По нему сделали еще несколько выстрелов, после чего два офицера СС

Ф. Теперов

осторожно подошли к нему и толкнули ногой. В этот момент он чуть приподнялся и взорвал гранату, которую держал в руках, и угробил еще этих двух и ранил несколько других немцев. Такой был ваш человек. На нас, пацанов, это произвело тогда сильное впечатление, и я запомнил этого человека на всю жизнь”, - закончил свой рассказ мой собеседник.

Выслушав этот рассказ, я, который никогда в жизни не видел этого человека, проникся глубоким сочувствием к его трагической судьбе, и прилив гордости и восхищения поднялся в моей душе при мысли о подвиге этого сына еврейского народа, этого человека, мстителя.

ПЛОЩАДЬ КОММУНЫ.

(Из воспоминаний)

Мы, то есть я и мои приятели, всегда считали, что эта площадь носит имя Парижской Коммуны, и только недавно один эрудированный москвич сказал мне, что это было повальным заблуждением, что на самом деле это место называлось не Площадью Парижской Коммуны, а просто Площадью Коммуны. Надо же такое! Я считал, что знаю здесь все как до-мажорную гамму, а оказалось, что я даже не знаю названия площади. А между тем, нам приходилось довольно часто там бывать. Ведь на этой площади были расположены и Центральный Дом Советской Армии, и гостиница с таким же названием, и театр Советской Армии, и парк при Центральном Доме. Ничего удивительного, что мы часто посещали это место. Во-первых, мы жили довольно близко от этой площади, а во-вторых, наш Отдельный Образцово-Показательный оркестр Министерства Вооруженных Сил СССР должен был обслуживать там различные мероприятия. Например, торжественные заседания, посвященные Дню Советской Армии, иногда проходили в театре Советской Армии. Там и солидное помещение, и большая сцена, и приличный буфет.

Мы всегда входили в этот театр с опаской как на минное поле. Тревогу вызывало состояние этого здания. Две левые мощные колонны у входа насквозь прорезали большие косые трещины, и огромная трещина проходила по левому углу здания. Казалось, малейший толчок, и все это огромное сооружение рухнет как карточный домик.

В связи с этим много всяких пересудов происходило у музыкантов. Один старожил рассказывал, что на этом месте до революции стояла замечательная древняя церковь, памятник архитектуры, и что, когда решили строить театр Красной Армии, то лучше этого места не нашли, и церковь снесли. И что аналогичный случай произошел с Храмом Христа Спасителя, который снесли, чтобы построить на том месте Дворец Советов. Другой музыкант утверждал, что театр Красной Армии строил еврей-вредитель, поэтому и трещины, и что, когда театр построили, то с самолета обнаружили, что это здание имеет форму еврейской шестиконечной звезды. Кто-то заметил, что театр имеет форму не еврейской шестиконечной звезды, а советской пятиконечной и что для это-

Ф. Теперов

го не надо летать на самолете, а достаточно заглянуть в чертежи. Это замечание было встречено вспышкой негодования у сторонника идеи вредительства, и он продолжал настаивать на своем, вдобавок заявив, что те, кто чертил и те кто проверял чертежи, тоже были вредителями. Впрочем, он не называл их евреями.

Театр Советской Армии не был в числе лучших театров Москвы. Тем не менее, там были довольно известные актеры и шли редкие спектакли, так что зал почти всегда был полон. Конечно, там были спектакли на военную тематику, что-нибудь вроде “Далекие окна” Вадима Собко или “Фронт” Корнейчука. Но в основном были хорошие спектакли, в том числе пьесы Шекспира и Мольера. И если не ошибаюсь, я смотрел там “Ученик Дьявола” Бернарда Шоу.

Что касается Центрального Дома Советской Армии, то там проводились мероприятия другого характера: приемы, празднования различных юбилеев, повышения званий и тому подобное. Мы были только в одной части здания, но у меня сложилось впечатление, что весь Центральный Дом Советской Армии состоит из множества маленьких комнат и узких коридоров. Особых украшений я там не заметил. Помню только, что в одной из комнат висела на стене небольшая картина Бродского под названием “Ворошилов на лыжной прогулке в Сокольниках.” Там был изображен моложавый краснощекий маршал Ворошилов в лыжном костюме тех времен бодро скользящий по лыжне. И никого рядом.

Наша задача была развлекать легкой музыкой прибывающих генералов и высших офицеров, для чего нам было отведено место в углу довольно скромной по размеру гостиной. Поэтому сюда назначали не весь оркестр, а примерно одну треть его. И тем не менее, хотя мы сидели плотно друг к другу как сельди в бочке, дефилирующие генералы и полковники сшибали наши попитры и наступали на мозоли впереди сидящим музыкантам. Играли мы примерно час или, может быть, немного больше, после чего все эти генералы и полковники устремлялись куда-то в другую часть здания. Там, возможно, был банкетный зал или что-то в этом роде, но нас никогда туда не приглашали. Поэтому мы тут же складывали свои причиндалы и уходили домой.

Но один прием был особый – чествовали маршала Иосип Броз Тито, который в это время был слушателем в одной из московских военных академий. Кажется, это была Военно-Политическая академия им. Ленина. По поводу чего было чествование, я не знаю. Маршал Тито тогда был в фаворе. На парадах он стоял среди почетных гостей на постамен-

те Мавзолея Ленина. Это позже, когда испортились отношения Сталина с Тито, писатель Мальцев по указанию сверху написал пасквиль под названием “Югославская трагедия.” А тогда небо казалось безоблачным. Для этого приема нашему оркестру было дано указание играть мелодию песни “Ночь над Белградом тихая,” которая якобы очень нравилась Тито. Эту песню в кинофильме исполняет известная актриса Окуневская, ставшая жертвой сексуального разбоя Лаврентия Берию. На этом приеме не было видно офицеров. Похоже, что были одни генералы и маршалы со своими женами. Две соседние с гостиной комнаты были превращены в бар. Вышколенные официанты с выправкой сотрудников МГБ разносили напитки и легкие закуски. На этот раз даже нам досталось кое-что с барского стола, когда все ушли в банкетный зал.

Летом мы иногда давали концерты на эстраде в парке при Центральном Доме Советской Армии. Вероятно, это было запланировано заранее, но проводилось обязательно в хорошую погоду. Эстрада в этом парке была сравнительно небольшой, так что помещалась на ней примерно половина оркестра, то есть около пятидесяти музыкантов. А больше и не надо было, потому что мы играли там легкую музыку и аккомпанировали певцам, для которых вообще нужна была сравнительно небольшая группа музыкантов. Ведь полностью заглушить любого певца может один тромбон. А два тромбона вместе с тубой могут заглушить очень большой хор.

Здесь на эстраде с нами выступал бывший солист Большого театра Политковский, уволенный из театра, кажется, главным дирижером антисемитом Головановым, скорее всего, за его иудейское происхождение. Вместе с ним выступали солисты Всесоюзного радио и телевидения Виноградов и Вера Красовицкая.

А в более престижных местах, например, в концертном зале имени Чайковского с нашим оркестром выступал выдающийся тенор И. С. Козловский и замечательная певица Казанцева, которая мастерски исполняла “Вокализ” Р. М. Глиера. С нами выступали знаменитые музыканты Ойстрах, Оборин, Гилельс и другие. Кроме того, в нашем оркестре был выдающийся пианист Виктор Мержанов, который в конце сороковых годов на Всесоюзном конкурсе музыкантов исполнителей разделил первую-вторую премию с самим Святославом Рихтером.

Во время концертов в парке при Доме Советской Армии царил атмосфера, отнюдь не вызывающая творческого вдохновения. Группы офицеров балагурили, смеялись, что-то разливали по кружкам, пили и

Ф. Теперов

закусывали, дети бегали и веселились, дамы занимались своими делами и хихикали. На сцену почти никто не обращал внимание. Разумеется, это вызывало раздражение у исполнителей, и они в отместку позволяли себе некоторые шалости.

Например, конферансье выходил на сцену и хорошо поставленным голосом четко объявлял:

Разиня! Ария Разини из оперы “Севильский цирюльник!”

Или Политковский, исполняя с напарницей дуэт из заключительной сцены оперы Чайковского “Евгений Онегин”, пел так:

“О, сжальтесь! Сжальтесь надо мною! Я так Ушибся, Я так Закакан!”

На что его напарница Татьяна отвечала:

“Но моя судьба уж решена. И безРазвратно!”

Забавная сцена произошла с певицей Верой Красовицкой. По программе она должна была исполнить две песни. Первая была хорошо известна, а вот вторая была новой и никто из нас ее не знал. Когда репетировали, у этой песни было три куплета. Это помнили все музыканты. На концерте первая песня прошла с большим успехом и вызвала гром аплодисментов. Дирижировал полковник Назаров. Всю войну он был боевым офицером, прошел путь от Москвы до Берлина и получил почти все возможные награды. Однако он их обычно не носил, даже колодки, чтобы не смущать музыкантов, которых служба в оркестре освобождала от всеобщей мобилизации. Особенностью Назарова было то, что у него сильно косил левый глаз, отчего лицо его казалось жуликоватым. Кроме того, цвет лица мог быть результатом неумеренного употребления алкогольных напитков. Возможно, что Назаров получил до войны какое-то музыкальное образование, но дирижер он был совершенно никудышный. Конечно, марш или какое-то несложное произведение – с этим он справлялся. Но, когда дело касалось чего-нибудь более сложного, тогда он опускал руки и давал оркестру возможность самому выходить из затруднительного положения.

На этот раз все шло как по маслу. Красовицкая, у которой был прекрасный тембр и звонкий голос, допела до конца третий куплет второй песни, дирижер отмахнул руками, и оркестр замолк. И вдруг в наступившей тишине Красовицкая запела четвертый куплет. Музыканты, привыкшие к подобным ситуациям, молниеносно и почти незаметно подхватили, а за ними неуверенно замахал руками и Назаров. Но вот певица закончила четвертый куплет, дирижер с облегчением отмахнул, и оркестр замолк. Раздалось несколько аплодисментов, и вдруг Кра-

совицкая запела пятый куплет. Оркестр кое-как подхватил, а Назаров побагровел. Не поворачивая головы в сторону певицы и еще больше скосив свой левый глаз, он левой частью рта начал угрожающе цедить: “Кончай! Кончай совсем!”

Певица испугалась, сбилась, пробормотала что-то невнятное и замолкла. Дирижер опустил руки. Но оркестр продолжал играть как ни в чем не бывало и доиграл до конца. Раздались бурные аплодисменты, и кто-то даже крикнул: “Бис!”

Да, с площадью Коммуны у меня связаны хорошие воспоминания.

МОИ СОСЛУЖИВЦЫ (СССР)

Бизнес, то есть экономическая активность с целью личного обогащения, считался в СССР преступлением. Нелепость этого закона была ярко проиллюстрирована в одной довольно известной в свое время истории. А история такова. Старый одинокий канадец решил перебраться на Украину, где он родился и где жил его единственный родственник, его племянник. Перелет прошел довольно благополучно, и некоторое время все было нормально. Племянник был доволен, так как его дядя имел кое-какие накопления и к тому же привез на теплоходе автомобиль. Этот канадский дядя был еще очень активный и довольно крепкий мужичок. Он не мог целыми днями сидеть в большом городе сложа руки. И он нашел себе занятие. Он стал разъезжать на машине по деревням и скупать у крестьян фрукты и овощи. Потом он приводил купленное в товарный вид и продавал это на Житнем базаре. Кое-кто из соседей обратил на это внимание и на то, что старик привозил с базара полные сумки денег. В результате, в милиции стало об этом известно, и старика арестовали. Спустя какое-то время был суд. Обвиняли бывшего канадца в том, что он продавал не свои овощи и фрукты и по цене выше той, за которую покупал. А это спекуляция, которая карается в СССР по закону. Старик ничего не мог понять. Что значит, он продавал не свои овощи и фрукты? Он же их купил, а не украл. И как это он может продавать по той же цене, что и купил? А его труд? А его поездки и расходы? А кто за это заплатит? Не помню, чем закончилась эта история, но она была весьма поучительной.

Короче говоря, это был закон из категории: “Тащить и не пущать!” И как у всякого закона, у этого тоже были свои нарушители. Фарцовщики околачивались возле гостиниц, где останавливались иностранцы. Там же промышляли валютчики. А проститутки ловили на вокзалах клиентов, которые не смогли устроиться на ночлег. Были и другие виды экономической предприимчивости. Вот об одном из представителей, который этим занимался, я и собираюсь рассказать.

Есть такие фамилии, которые подходят деловым людям любого масштаба. Например, Березовский или Товаровский. А это была фамилия моего сослуживца.

Мы работали с ним в одной организации несколько лет, но встреча-

лись редко, так как его отдел находился этажом выше. А когда встречались, то я не обращал на него внимания. Ничего особенного в его внешности не было. Обыкновенный человек среднего роста, средних лет и, должно быть, еврей. Я даже не помню, чтобы мы здоровались. Но вот однажды он вдруг подошел ко мне и спросил, хочу ли я подрабатывать. Он сказал, что у меня репутация толкового знающего инженера и поэтому он решил обратиться ко мне. “Дело в том,- сказал он,- что нужно выполнить курсовой проект по “Деталям машин”. Простой расчет и два чертежа. Каждый лист по десять рублей, а расчет - пять. Итого четвертак. Но что особенно важно, это то, что проект должен быть выполнен в двухнедельный срок”

Я знал кое-что о курсовых проектах, поэтому попросил сначала показать мне проектное задание. Он немного замялся, но все же вытащил из папки два листа и протянул мне. Я прочитал, что там написано, и сказал, что могу выполнить этот проект в срок, но цена будет такая: 20 рублей за лист и 10 рублей за расчет. .

“Ну, ты загнул,- сказал он,- можно, конечно, добавить немного, но это уж слишком

“Торговаться не будем,- ответил я,- на меньше я не соглашусь”.

“А я думал, что тебе нужны деньги”,- разочарованно произнес он.

“Деньги нужны всем,- сказал я, но никто не работает за половину платы”.

“Ну, нет так нет”,-сказал он, и мы разошлись

В процессе разговора я узнал, что его зовут Дима. И вот дня через два этот Дима подошел ко мне в коридоре, отвел в сторону и сказал, что готов принять мои условия, но при том, что проект будет выполнен в срок и, если нужны будут какие-то корректировки, то все это я буду делать быстро и без всякой дополнительной платы “Само собой разумеется”,- сказал я.

Этот проект я выполнил в срок, и все было в порядке. После этого Дима не раз обращался ко мне, но это никак не сблизило нас, он меня мало интересовал. Но вот как-то раз в компании один из гостей начал рассказывать о нем фантастические истории. Оказалось что Дима является промежуточным звеном между студентами разных институтов и сотрудниками проектных организаций, которые выполняют по его заказу курсовые и дипломные проекты, и что в горячее студенческое время Дима кладет себе в карман сотни рублей комиссионных. Удивительные рассказы этого гостя вызывали во мне сомнения, но вот одна-

жды я получил возможность убедиться в правдивости одного из этих рассказов. Дело было осенью. Нам понадобилось что-то, чего нельзя было купить в магазинах. Друзья посоветовали нам поехать на блошинный рынок, который устраивался недалеко от города в выходные дни и где, по их словам, было все на свете. Мы собрались и поехали. Такого скопления людей я не видел даже на демонстрациях. И вот, проталкиваясь между рядами, я неожиданно увидел Диму. Сначала я его не узнал, да и узнать было трудно. Верхнюю половину лица закрывали огромные черные очки, а нижнюю - ворот куртки. На руках и на плечах Димы были развешаны меха. Когда он увидел, что я его узнал, то сделал мне знак, чтобы я к нему не подходил. Ситуация была любопытной, но я не стал ему мешать, повернулся и ушел с этого места, а вскоре нашел то, что мы искали, и направился домой.

После этого я заинтересовался Товаровским. Оказалось, что он занимает какую-то руководящую позицию в отделе, который больше всего ему подходит, то есть в экономическом отделе, что его мать была когда-то крупным партийным работником, что его родному брату, погибшему во время войны, посмертно присвоено звание Героя Советского Союза (его портрет помещен в книге Марка Штейнберга “Евреи в войнах тысячелетий”). Кроме того, я узнал, что у Димы есть новый автомобиль и что он недавно купил себе трехкомнатную кооперативную квартиру. А еще бытовало мнение, что во всем, кроме денег и гешефтов, Дима тугодум. По его внешности нельзя было этого сказать, но вот однажды случилось следующее. Дима забыл дома бумажку, которую должен был мне передать, и вот после работы мы поехали к нему домой. Дело было глубокой осенью и было уже довольно темно, когда мы подходили к его дому. После постройки дома двор еще не был убран, валялись строительные материалы и всякие отходы. Накануне прошли сильные дожди, и грязь была непролазной, поэтому из досок была настелена узкая дорожка, ведущая к подъезду. Мы шли по этой дорожке, и вдруг Дима оступился и попал одной ногой в глубокую яму, полную грязи. Что в таких случаях делает нормальный человек? Он вскрикивает “Ой!” и быстро выдергивает ногу из ямы. Дима тоже крикнул “Ой!” Но вместо того, чтобы выдернуть попавшую в яму ногу, он тут же поставил вторую ногу в эту яму. О чем это говорит, я не знаю, но факт остается фактом. Сам видел.

О том, как Дима Товаровский эвакуировался, мне рассказал один наш бывший сотрудник. После подачи документов Дима никогда не яв-

лялся в ОВИР без букета цветов и коробки шоколадных конфет или торта. Было что-то в семье Товаровских, что служило серьезным препятствием для получения разрешения на выезд. Однако, как говорится, смазанная телега и по ухабам катит. И он уехал, но после его выезда в ОВИР(е) начался переполох, его даже пытались вернуть. Что таилось под всем этим делом, Дима никогда не рассказывал, и ни слова не говорил о том, как ему удалось облапошить ОВИР, но только выражал сожаление, что многие сотрудники ОВИР, с которыми он был в контакте, серьезно пострадали

После нашей эмиграции в США я ничего не слышал о Товаровском, но вот однажды я встретил его в Филадельфии возле торгового центра, не помню уж сколько лет тому назад. Он был одет “с иголочки” по последней миланской моде. На мой вопрос, что он здесь делает, Дима сказал, что он сейчас в процессе покупки нового дома или даже домов в этом районе, что по имеющимся у него сведениям это очень перспективный район, и цены на дома здесь будут расти. Я пожелал ему успеха, и мы разошлись. С тех пор я его не видел

Человек – это великолепно!

М. Горький

ГИП ЛЕВА

Есть категория людей, возраст которых трудно определить даже после некоторого знакомства. К этой категории я бы отнес Леву Лещинского, ГИП(а) нашего института. Когда я первый раз его увидел, то подумал, что ему лет пятьдесят, но потом мне иногда казалось, что ему лет сорок, а иногда - что и все шестьдесят. Внешний вид у Левы был своеобразным. Несмотря на то, что он был, пожалуй, ниже среднего роста, казалось что у него очень длинные ноги. Но это был оптический обман. Даже если бы можно было выпрямить его несколько дугообразные ноги, то и в таком случае они были бы не длиннее нормальных. Фокус был в том, что у Леща (как Леву между собой называли сотрудники) было очень короткое туловище. Казалось, что пояс у него висит на груди. Возможно, это было причиной того, что в двух костюмах, которые он носил, брюки казались короткими, а пиджак длинным. Кроме того, галстук у Левы был всегда завязан, как говори-

ли, “гордиевым” узлом. Походка у Леща была примечательной. Он ходил всегда торопливо, опустив голову и склонив ее немного набок. Говорил Лева невнятно с акцентом то ли украинским, то ли белорусским. При этом применял слова неизвестного происхождения вроде “крум”, “шмерц” и еще какие-то. И при всем этом Лева Лещинский был у нас ГИП(ом). Мы как-то пытались понять каким образом Лещ достиг таких высот. Отрицательными факторами на его пути были несомненно: 1) его явное еврейское происхождение, 2) его непрезентабельность 3) отсутствие высокопоставленных покровителей, то есть не было “руки” наверху. С другой стороны, были и положительные факторы: 1) Билет члена коммунистической партии, 2) Диплом об окончании института и 3) Исключительное усердие в работе. Кроме того, было известно, что Лещ никогда не возражает тем, от кого он зависит, и что его мнение всегда удивительным образом совпадает с мнением начальства. Надо сказать, что и с теми, кто стоял ниже на служебной лестнице, Лева никогда не говорил властно, а как бы с позиции передающего промежуточного звена. Было много забавных эпизодов, связанных с Левой, но почему-то когда бывшие сотрудники встречаясь вспоминали свою службу, то чаще всего на память приходил этот эпизод, хотя он был далеко не самым забавным. Однако рассказать о нем стоит. Была ранняя осень. Группа специалистов нашего института, возглавляемая Левой, должна была отправиться на согласование проекта, разработанного для завода на северном Кавказе. Кажется, это был Георгиевск. Накануне Лещ раздал нам для ознакомления копии проекта с тем, чтобы мы были готовы к ответам на вопросы, касающиеся деталей. Потом Лева собрал всех нас для обмена мнениями. Надо сразу сказать, что проект был не очень хорошо разработан. Один из участников совещания заявил, что не надо рыть траншею для укладки кабеля между цехами, что это будет дорого, что значительно экономичнее и удобнее будет перебросить легкий мостик между цехами и положить на него кабель. Лещ, как всегда, не сказал ничего ни в поддержку этого предложения, ни против него. Он только развел руками и сказал: “Это на вилах писано”. Другой присутствующий на совещании, человек пенсионного возраста, сказал, что в проекте много недоработок и что он не видит там никакой роли для своего отдела. Поэтому он просит исключить его из списка участников этого совещания. Лещ и на это не дал конкретного ответа, а только покачал головой и тоном постороннего наблюдателя заявил философски: “Каждый старается из-под себя камешки выкатывать.” Когда мы были в Георгиевск, был солнечный теплый день. Мы спрятали галстуки, сняли пиджаки и зашли в маленькое здание вокзала чтобы купить

кое-что в буфете, иначе придется сидеть голодными на совещании. Но оказалось, что буфета там нет. Тут мы позавидовали Лева, который взял еду с собой и плотно позавтракал еще в поезде. Выйдя из вокзала, мы увидели такую сцену. Лещ сидит на лавочке и снимает обувь. Потом он открывает свой огромный портфель, достает оттуда из большого полиэтиленового кулчка высокие до колен резиновые сапоги и надевает их на ноги. Мы стали перемигиваться и обмениваться ироническими улыбками. Дескать мол, еще одно чудачество Леща. Но, как говорится, хорошо смеется тот, кто смеется последним. Мы знали, что завод расположен недалеко от вокзала. Но не успели мы пройти и двухсот метров, как перед нами выросло настоящее болото. Лева, который шел впереди, бодро зашагал в своих резиновых сапогах по грязи и помахал нам руками чтобы мы следовали за ним, но мы остановились. Тогда Лева вернулся и спросил, почему мы не идем. И у нас состоялся такой разговор.

Мы : Почему Вы нам не сказали, что здесь непролазная грязь?

Лева: Я не знал.

Мы: А почему же Вы взяли с собой резиновые сапоги?

Лева: Потому что здесь была блота.

Мы: А когда это было?

Лева: Два дня тому назад.

Мы: Два дня тому назад здесь была непролазная грязь, так куда она могла деться?

Лева: А я откуда знаю. Два дня тому назад здесь мог быть дождь и была блота. А сегодня, может быть, дождя нет и блоты не будет. А я вам скажу, что она есть, и вы возьмете калоши, а блоты здесь не будет, и вы подумаете, что я это нарочно сделал, что я хотел вас за нос повести. Так я лучше не скажу.

Мы только развели руками. Спорить с Лещом было бесполезно. Мы сказали, что пойдем в обход. Однако Лева заявил нам, что это восемь километров и что там тоже не Крещатик. Ничего не оставалось делать как следовать за Левой. Закатали брюки, некоторые сняли обувь, а другие, боясь пиявок и еще чего-то, прямо в обуви пошлепали за Левой. Вот тебе и чудачество Леща. После того как мы, утопая в грязи и проваливаясь, добрались наконец до завода, Лева снял свои ботфорты, помыл их

Ф. Теперов

под краном, положил в полиэтиленовый кулек и сунул в свой огромный портфель. Затем он надел свои чистенькие ботинки и был как огурчик, а мы имели жалкий вид. Кое-как помыли под краном обувь и ноги и в таком неприглядном виде с помятыми брюками явились на совещание. Впрочем, руководство завода не обратило на это особого внимание. Надо полагать, что в таком виде к ним являлись и раньше. Совещание шло более или менее нормально пока один из наших, которого не было почему-то на совещании в институте, неожиданно заявил, что по его мнению покраску надо перенести в другое место, чтобы избежать встречного потока. Это была подножка Лещу за поход по болоту, впрочем, это было против правил, так как сотрудники института должны всегда выступать единым фронтом перед лицом заказчика. От неожиданности Лева остолбенел и сник. Заводское руководство решительно поддержало это предложение, и Лева, который уже немного пришел в себя, сразу перестроился, не стал возражать, а твердо заявил, что этому вопросу будет уделено самое серьезное внимание. После совещания, когда мы остались одни, Лева опустив голову подошел к “нарушителю конвенции” и сказал: “Если Вы потянете локш и это не будет работать, то учтите, нас за это за головку не погладят” Потом эта фраза стала крылатой в институте и, может быть, поэтому я вспомнил этот эпизод. Да, что и говорить, ГИП Лева Лещинский был колоритной фигурой в нашем институте. И кто знает! Может быть, в других условиях из таких как он получаются великие дипломаты.

МОИ СОСЛУЖИВЦЫ (США)

Окружающие нас люди это герои ненаписанных произведений, и каждый из них может оказаться более интересным чем все Кавалеры Золотой Звезды и вся семья Рубанюк.

Когда маленькая компания, в которой я работал в городе Сиракузы, оказалась на грани банкротства, хозяин предложил нам, своим несколькими сотрудникам, искать работу, так как скоро придется всех уволить. Я тут же стал лихорадочно рассылать свои резюме туда, где требовались специалисты моего профиля. Вскоре я получил приглашение из Филадельфии, поехал в этот город, успешно прошел интервью и был принят на должность конструктора. Эта компания оказалась значительно больше той, из которой я ушел. Занимались они знакомым мне делом, а именно: проектированием и изготовлением мостовых и стреловых кранов. Так что, я быстро вошел в курс дела. Поработав немного, я познакомился с пестрым составом моих новых сослуживцев.

Хозяином компании был немец высокого роста, стройный, подтянутый, вежливый с хорошими чертами лица и очень скупой. Было ему лет сорок пять.

Главным инженером тоже был немец, но лет шестидесяти с хвостиком. Был он среднего роста и средней упитанности и по слухам очень богат, но всегда ходил в одном и том же поношенном костюме и галстукке, только рубашки менял. Отличался он тем, что почти не разговаривал с сотрудниками. Весь день он сидел в своем кабинете, читал сведения о ценах на бирже и звонил своему брокеру на Wall Street. Можно не сомневаться, что источником его богатства было это, а не работа в компании.

Главным конструктором оказался тоже немец, которого звали Генрих, лет сорока, худощавый, общительный и симпатичный. Он был моим прямым начальником и некоторое время покровительствовал мне, помогая разобраться не только в служебных делах.

Главным технологом, представьте себе, опять таки был немец по имени Герман.. Это был рослый, плотный светловолосый мужик. Настоящий ариец. Было ему лет пятьдесят пять или немногим более. И вот, примерно через неделю после того, как я начал работать, этот Герман неожиданно оказался возле моего стола.

Ф. Теперов

“Ну, что, - спросил он по-русски, - уже вкалываешь?”

Я удивился и спросил, откуда он знает русский язык.

“А из песни,- ответил он: Не видать им красавицы Волги и не пить им из Волги воды. Если интересуешься подробностями, заходи в обеденный перерыв в курилку – там расскажу”.

Курилкой у нас называли небольшую комнату на первом этаже, где стояло несколько столов и стульев и где проходили наши редкие собрания. А в основном она заменяла харчевню, которой не было в компании. Здесь сотрудники во время ленча ели взятые из дому бутерброды и пили кофе. Вот в этой курилке в обеденный перерыв мы с Германом сели за столик, и он начал свой рассказ.

“Я видел красавицу Волгу и пил из нее воду, потому что был в Сталинграде солдатом Шестой армии фельдмаршала Паулюса и воевал, пока нас не окружили и не взяли в плен. А перед тем, как отправить нас в Сибирь в тайгу на лесоповал, над нами немного поглумились и провели по Москве на потеху публике. А потом была Сибирь, и там нам досталось. Холод, голод, болота, зверские комары, вши и прочие удовольствия. Командовали нами наши же бывшие офицеры. Они устанавливали нормы и следили за выполнением. А нормы были, дай Бог! И надо учесть, что для работы нам давали не механические, а ручные пилы и топоры на цепях чтобы не стащили. При этом надо было делать так, чтобы ствол дерева был гладким. Вот мы и вкалывали. Ну, а сведения о войне нам изредка сообщали охранники, а также наши бывшие офицеры. Главный из них обергс, то есть полковник, как-то сказал нам в бараке, что война близится к концу, что русские уже в Берлине и что нам надо держаться. Он сказал, что у него есть сведения о том, что в месяц в среднем на лесоповале погибает около пятисот военнопленных и что это не только от болезней, голода и тяжелой работы, но и от потери воли. Надо поддерживать друг друга. После войны должна состояться международная конференция, и на ней обязательно будет затронут вопрос о соблюдении Женевской конвенции и статусе военнопленных. Так что, речь идет об освобождении, и вам надо крепить волю.

И мы держались почти четыре года. Потом стало полегче. Часть из тех, кто остался в живых, была отправлена в Москву на строительство домов, а другую часть отправили в Среднюю Азию на рытье канала. А в 1948 году меня освободили одним из первых. Учили что я не был нацистом, не был эсэсовцем, не трогал мирное население и был мобилизован, когда мне было восемнадцать лет и почти сразу попал в Ста-

лингравд. Ну, а после освобождения я жил некоторое время в Восточной Германии, потом бежал в Западную, потом дальше, пока не добрался до Америки. Вот откуда я знаю русский язык.”

Надо сказать, что рассказ Германа был насыщен отборным русским матом.

Из всех отделов в компании был только один отдел, руководитель которого не был немцем. Это был marketing. И возглавлял этот отдел некто Громенкин. Лет сорока, выше среднего роста, худой, взвинченный, нервный. Вечно занят и вечно затуркан. Этот Громенкин был центром компании. На нем она держалась. Он знал все до мельчайших подробностей, и конструкции, и производство. Он знал сколько стоит каждая деталь и сборка и все относящееся к изделию. Это позволяло ему выигрывать заказы у множества конкурентов и обеспечить компании максимально возможную прибыль. Он работал днем и ночью, звонил и считал. Он едва успевал отвечать на приветствия. Я не мог себе представить, что станет с ним, если у него не будет этой работы. Вот таким был Громенкин. И я был уверен, что это его фамилия, пока случайно не увидел документ с его подписью. Оказалось, что его фамилия Гурманкин, а не Громенкин. Звали его так, потому что это легче произносить. Английский язык. Одно пишем, другое говорим.

Как-то наши приятели пригласили нас в свою синагогу, от которой они были в восторге. Каждый кулик свое болото хвалит. И вдруг я увидел там Гурманкина. Мы поздоровались и немного побеседовали. Я не мог его узнать. Это был совсем другой человек, внимательный, приветливый, отзывчивый. Он оказался хорошим прихожанином, не скупым на пожертвования и очень добрым семьянином. Это была явно двойственная натура.

Из рядовых сотрудников компании только секретарша была немкой. Остальные были со всех концов света. В цехе работали латиноамериканцы, негры и азиаты. Представляю себе, сколько хозяин им платил. Ведь тогда еще не было закона о минимальной зарплате, и деваться этим людям было некуда. А мастерами в цехе были: испанец, грек и украинец, перекочевавший в Америку из Аргентины. У нас же в конструкторском бюро работало всего четыре человека. Одним из них был поляк лет тридцати, среднего роста, упитанный, белокурый и очень старательный, но, правда, немножко туповатый. Он носил большие очки с толстыми стеклами. Вот с ним случилась неприятность, о которой стоит рассказать.

Ф. Теперов

У нас в отделе было три конструктора и один чертежник, который делал вспомогательные чертежи. А каждый из конструкторов выполнял отдельный заказ. Поляку, которого звали Том, достался проект мостового крана грузоподъемностью 50 тонн для General Electric. Том выполнил проект к сроку. Кран был изготовлен, испытан и в виде нескольких частей, как положено, отправлен заказчику на Средний Запад. Что было дальше, мы узнали спустя какое-то время. А было вот что. Кран благополучно доставили на место, там собрали и установили, а затем попытались испытать. И обнаружили “хомут”. Так у нас в СССР конструкторы называли серьезную ошибку. Если привести примитивную аналогию, то это, если бы нужна была дверь наружная, а сделали внутреннюю. Дело было в пятницу. Немедленно представитель GE позвонил нашему хозяину и сообщил ему, что кран неправильно изготовлен и что, если в понедельник в восемь часов утра кран не будет работать, то за каждый час простоя наша компания по договору должна будет платить кошмарные деньги.

Если бы такое случилось в Советском Союзе, то нетрудно себе представить, какая была бы реакция. Начались бы скандалы, склоки, взаимные обвинения и бесконечные собрания. И ничего бы не делалось. Воз стоял бы на одном месте. А здесь все было по-другому. Сразу же после телефонного разговора с представителем GE хозяин собрал в своем кабинете ареопаг, немецкий квартет, при этом главного инженера пришлось оторвать от биржи. Заседали тихо и не более двадцати минут. Решено было послать на место происшествия Генриха и Германа, дав им свободу действий, карт-бланш, чтобы кран был готов в понедельник к работе. Оба немедленно отправились в аэропорт и вылетели.

Прибыв на место, они проявили оперативность, нашли завод, где можно было сделать новый узел, нашли такелажников, нашли грузчиков и так далее. Все это за двойную плату, так как это были выходные дни. В результате, уже в воскресенье к вечеру Генрих позвонил руководству GE, что кран готов к работе. А в понедельник в восемь часов утра он уже работал.

А в компании сотрудники ничего не знали. И только через неделю в нашем отделе состоялось летучее собрание, на котором хозяин сообщил, что в одном из проектов была допущена серьезная ошибка, которая очень дорого обошлась компании. Затем Генрих рассказал, в чем эта ошибка состояла и спросил, какие будут предложения чтобы впредь избежать подобных ошибок. Было предложено изготовить при-

митивную модель, по которой каждый конструктор будет сверять свои чертежи. И на этом собрание закончилось.

А как же Том? А Том продолжал работать. Генрих сказал мне, когда я у него спросил о судьбе Тома, что Тома невыгодно увольнять, что он знает свое дело, а нового сотрудника придется учить, да и найти подходящего нелегко. Кроме того, он сказал, что Тома, в общем, не ругали. Ему только сказали, что вторую ошибку ему не простят. Руководство уверено, что теперь Том будет работать с удвоенной энергией и очень внимательно.

Я плохо помню чертежника. Это был молчаливый, тихий, незаметный парень лет двадцати пяти. Кажется, он был филиппинцем. А вот третий конструктор, включая меня, был довольно колоритной фигурой. Среднего роста, пухленький с довольно поредевшими некогда рыжими волосами на голове, болтливый жизнерадостный непоседа. Было ему немногим более пятидесяти лет. Речь его была насыщена жаргоном. Он никогда не употреблял традиционных приветствий, а вместо них говорил что-нибудь вроде: “What’s cooking? То есть: “Что варится?” Звали его Ален Кацен. Окончание его фамилии говорит о том, что его предки обитали на севере Европы. В наших краях это были Кац или Кацнельсон. Я раньше считал, что фамилия Кац сродни русским фамилиям Котов или Кошкин. Только здесь я узнал, что происхождение еврейской фамилии Кац более высокого полета и состоит из двух частей: Коэн (высший слой еврейского духовенства) и цадик (мудрец). Наш Ален Кацен был ни тем, ни другим. Он был просто хорошим человеком. Не удивительно, что мы с ним немножко подружились. Впрочем, он со всеми был в хороших отношениях..

В самом конце Второй Мировой войны, когда он был студентом третьего курса института, его мобилизовали и отправили на Тихоокеанский фронт морским пехотинцем. Кацену не пришлось долго воевать с японцами. Его, правда, успели слегка ранить, но вскоре были брошены две атомные бомбы, и Япония капитулировала. Дорога Кацена домой была длинной и долгой. Когда он вернулся, в высших учебных заведениях уже шло полным ходом второе полугодие, и туда нечего было рыпаться. Так что, пришлось заняться другими делами, главным из которых надо было отбиваться от множества свих. А невесты – одна лучше другой. Ярмарка невест. Где тут устоишь! Пришлось жениться.. Теперь надо искать работу, чтобы кормить жену и самому не голодать. И Ален пошел работать, сначала чертежником, а потом конструктором. А когда на

следующий год можно было продолжить свою учебу в институте, ребенок был на подходе, и было уже не до этого. Так и остался Кацен с неоконченным высшим образованием, что позже не раз давало себя знать.

Из всех сотрудников только Ален Кацен пригласил меня к себе домой. Он сказал, что у него есть некоторые вещи, которые сохранились от предков, живших в России, и что он хотел бы у меня спросить, стоит ли их сохранять или надо выбросить. Вот я и поехал к нему в гости в Нью Джерси. Я еле нашел дом, в котором он жил. Теперь я понимаю, что это был очень маленький домик. Младшая дочь, которой было лет пятнадцать, мелькнула и исчезла, а жену я вообще не видел. Кажется, она куда-то поехала. Кацен показал мне любопытные вещи: кочергу, полукруглый железный захват, насаженный на палку, для того, чтобы ставить и вынимать горшки из печки и большой медный настоящий самовар с топкой для углей и трубой. А потом он принес четыре стакана необыкновенной прозрачности в серебряных подстаканниках. Ален сказал, что на стаканах что-то написано по-русски. Я прочел. Там было выгравировано: Изготовлено (не помню, кем) по случаю празднования 300-летия царствования Дома Романовых. Я сказал Кацену, что все эти вещи, безусловно, ценный антиквариат, особенно стаканы, и чтобы он их хранил. Потом во время угощения Ален спросил, не нужно ли мне пианино. Когда-то старшая дочь пыталась на нем учиться играть, а вот теперь оно уже давно стоит внизу никому не нужное. Я подумал, что было бы хорошо иметь в доме пианино. Дочь могла бы учиться играть на нем. И мы полезли в подвал. Пианино выглядело страшновато, но все клавиши и струны были в порядке, и я спросил Кацена, сколько он хочет за него получить.

“Ну, две двадчатки, если тебе не жалко”, - сказал он. И я согласился.

“А еще,- сказал Ален,- вон стоит холодильник. Он в рабочем состоянии. Я отдам тебе его за одну двадчатку”. Я и это решил взять. Ну, купить-то я купил, а вот как вытащить эти глыбы наверх? Подвал глубокий, лестница хлипкая, деревянная. Если нанимать грузчиков, то пожалуй, дешевле будет купить новый рояль в магазине. И тут мне на выручку пришел наш сын со своими друзьями. Один из них, рослый мускулистый красавец, через очень короткое время погиб вместе со своим старшим братом в автомобильной катастрофе по пути из Калифорнии в наши края. Вот эта компания положила на лестницу доски и без большого напряжения вытащила купленные вещи. Труднее всего оказалось то, что надо было развернуть пианино на маленькой веранде,

через которую пришлось выносить грузы. Но они и с этим справились, и положили купленное на грузовик, и привезли к нам домой. Это была неоценимая услуга. Пианино я обклеил контактной бумагой, и оно приобрело приличный вид. Дочь на нем училась играть и достигла неплохого уровня. А несколько лет спустя я продал это пианино за сто долларов. Мой единственный успех в бизнесе. А холодильник у меня до сих пор работает, уже более тридцати лет. Он и тестю покойному служил, когда он прибыл к нам. В общем, Кацен мне удружил.

Прошло какое-то время, и однажды Кацен не явился на работу. Это не вызвало никакого интереса. У всех бывают обстоятельства, когда надо пропустить рабочий день. Но Алэн не пришел и на второй день. А это уже показалось подозрительным. Все стало ясно, когда секретарша сказала кому-то, что Кацен находится в госпитале. Ей об этом сообщила по телефону жена Алэна. И в этот же день секретарша, которая жила в Нью Джерси, поехала его проведать, как принято, с букетиком цветов. То, что она рассказала на следующий день, звучало очень мрачно. Врачи определили у Кацена обширный инфаркт миокарда, и жизнь его висела на волоске. Но он, слава Богу, выкарабкался, пролежав в госпитале около двух месяцев. Когда он пришел на работу, его трудно было узнать. Он был тощим, бледным и сразу как-будто постарел на десять лет. Но при этом он все-таки пытался шутить. Кацен явно был слаб. Он то и дело отрывался от работы и сидел, закрыв глаза. Я думаю, что если бы было на чем прилечь, он бы лег. А через неделю Кацена вызвал к себе в кабинет хозяин – президент и начал его распекать. Что это он целую неделю возится с краном, который надо было закончить в два дня. А еще хозяин сказал, что, если все будут так работать, то компания вылетит в трубу. Конечно, рассчитывать на сочувствие здесь не приходилось, но все же это было бесчеловечно. И бедный Алэн оправдывался как мог, приводя неубедительные доводы. Пожилой, потерявший былую трудоспособность и не имеющий диплома, он был увзим.

О том, что хозяин прижимист, было известно. Вот и я однажды получил возможность убедиться в этом. В компании была традиция: перед праздником Дня Благодарения вызывать в кабинет президента сотрудников, где их благодарили за хорошую работу и вручали конверт, в котором был чек, содержащий надбавку. Это была зарплата на следующий год. Вызвали и меня. В кабинете был хозяин и главный конструктор. После короткой церемонии и взаимной благодарности я вышел из кабинета и втайне заглянул в конверт. То, что я там увидел, меня сильно

Ф. Теперов

разочаровало. Поэтому после Дня Благодарения я попросил аудиенции у хозяина. Он меня очень любезно принял и спросил в чем дело. Я сказал, что надбавка к зарплате совершенно недостаточна. Она арифметична, а инфляция в стране в процентах и равна порядка 17%. А то, что я получил, не более 5%. Это значит, что в следующем году я буду беднее чем в этом, и что мне трудно будет свести концы с концами. На это хозяин ответил, что надбавка традиционна и существует уже более 30 лет, и что пока никто не жаловался, и что он не собирается это менять.

Я поблагодарил за разъяснение и вышел. А уже на следующий день начал искать себе новую работу. Через очень короткое время я получил два предложения и подал Генриху заявление об уходе через две недели. Минут через пять он подошел ко мне и попросил остаться после работы на несколько минут и зайти в кабинет босса. Когда я туда зашел, там был хозяин, Генрих и даже главный инженер. Хозяин сказал, что если у меня материальные затруднения, то компания готова сделать для меня исключение и увеличить надбавку к зарплате, а также может помочь жене устроиться на работу. Я выразил признательность, но сказал, что в другом месте я уже дал обещание выйти на работу через две недели и что я никогда никого не обманываю. Короче говоря, я ушел из этой компании и не жалею.

ВОРОВСТВО

О воровстве в России и Советском Союзе почему-то очень мало написано, хотя это было довольно распространенным явлением. Есть, конечно, замечательный рассказ Михаила Зощенко о стороже, который украл какие-то продукты из охраняемого им склада, но когда увидел, что это вызвало вокруг него настоящий шквал воровства, то был настолько возмущен этим, что не выдержал и добровольно признался как “относительно честный человек.” Есть еще рассказ Бориса Ямпольского о том, как обворовали в бане “вплоть до подтяжек” известного композитора Милютину, а потом оказалось, что главарь шайки является любителем музыки, и Милютину все вернули и даже начали звонить ему по телефону и приглашать на свадьбы, где будут цыгане. Есть еще, наверное, какие-то рассказы о воровстве. Но, в общем, маловато. А ведь воровали почти все, у кого был доступ к материальным ценностям. Ну, и попадались, конечно. Была даже поговорка в первые годы Советской власти: “Кто в ДОПР(е) не бывал, тот не человек”. (ДОПР – дом правонарушителей. Так возвышенно тогда называли тюрьму). Воровали на всех уровнях. На ликеро-водочном заводе воровали спирт, на ткацких фабриках мануфактуру и так далее. Даже в проектных институтах и конструкторских бюро воровали что попадет под руку: карандаши, резинки, бумагу, рейшины и даже чертежные доски. Потом на них дома делали студенческие проекты (халтуры). А на промышленных предприятиях и стройках воровали так, что дух захватывает.

Как-то мы спроектировали для киевского экскаваторного завода конвейерную линию для сварки корпуса популярного тогда в стране небольшого экскаватора. Линия проходила в траншее и была полностью закрыта плитами на уровне и под цвет пола. Оставалась только узкая щель, через которую выходили несущие кронштейны. Очень красиво. Перед сдачей в эксплуатацию линию несколько раз проверяли. Работала безотказно. И вот в день приема в назначенное время собрались у линии нарядно одетые представители завода и института, все эти ГИП(ы) и тому подобные. Была дана команда, и главный инженер проекта с торжественным выражением лица подошел к главному рубильнику и повернул рукоятку вверх. Все зажмурились, но ничего не произошло. ГИП сначала ничего не понял и резко повторил операцию. И опять ли-

ния не тронулась. Тогда подбежал электрик и проверил предохранители. И, хотя они были в порядке, он заменил их на новые. Но линия все равно не работала. Пшик! Начали смущенно извиняться перед заводским начальством и вызвали рабочих, которые с помощью крана сняли тяжелые плиты с траншеи. Сначала с первой позиции. Там не оказалось электродвигателя. Потом стали снимать плиты с остальных позиций. На них тоже не было электродвигателей, а на некоторых даже редукторов. Гидравлическая станция была полностью раздета. Все было разворовано. Вины института здесь, конечно, не было. Поэтому покачали головами и разошлись.

Я сам был свидетелем воровства на заводах. Например, на станко-строительном или на том же экскаваторном. Внедряя любую нашу разработку, мы должны были торчать на заводе до глубокой ночи. И вот не однажды я видел такую картину. Подъезжает к трехметровой кирпичной стене электрокар, груженный ворованным оборудованием, к стене ставят лестницу и перебрасывают на другую сторону электромоторы, насосы, трубы, кабели, инструмент и тому подобное. А там на другой стороне сообщники, наверное, подбирают все это и везут домой.

В нашем институте были сотрудники, которые жили в Ирпине. Они рассказывали, что у них в поселке рабочие заводов делали себе и соседям из похищенных деталей водопроводы, устраивали у себя в сараях пилорамы, а строительные рабочие строили целые дома из наворованных материалов. Думаю, что все это в большей или меньшей степени известно читателю. Это кражи местного характера. Но были в стране и кражи всесоюзного масштаба. О них я узнал от одного интересного человека. Об этом расскажу ниже.

Когда-то много лет тому назад я был музыкантом в оркестре, который обслуживал правительственные мероприятия. И был у меня там приятель, тоже кларнетист, которого звали Петя Свердлик. Интересно, что он, как и Яков Свердлов, был уроженцем Нижнего Новгорода. Не исключено, что была какая-то родственная связь между ними. Но Петя об этом не говорил. Зато он гордился и часто говорил о своем дяде, который в течении многих лет был следователем при Прокуратуре СССР и работал вместе с Львом Шейниным под началом А. Я. Вышинского. Нам очень хотелось послушать этого дядю, но Петя говорил, что дядя очень занят и не может нам уделить внимание, хотя он уже, кажется, был на пенсии. Но вот однажды Петя пришел к нам с радостной новостью, что дядя согласен встретиться с нами и сказал когда и в какое вре-

мя. Мы пришли в сильное возбуждение и с нетерпением ждали этого дня. Петин дядя оказался не совсем таким, каким мы его себе представляли. Ни пронзительного пытливого взгляда, ни квадратной челюсти. Веселый, любезный человек. И вот что он нам за чаем рассказал из своей последней практики.

СЛУЧАЙ НА МОТОЦИКЛЕТНОМ ЗАВОДЕ *(История первая)*

Есть такой город в Удмуртской АССР, Ижевск, довольно известный город, столица. Во время войны, когда Тула оказалась в руках немцев, почти все стрелковое оружие производили в Ижевске на военном заводе, включая всякие ППД и ППШ, то есть пистолет-пулеметы Шпагина и Дегтярева. А после войны Ижевск стал особенно известен тем, что там производили мотоциклы, которых любители ласково называли “ИЖИ”. Завод не успевал их делать. Чтобы купить ижевский мотоцикл, надо было ждать в очереди месяцами. Завод был на подъеме. Награды, премии за перевыполнение плана, сверхурочные и так далее. Но вдруг обнаружилось странное явление: собранные и готовые к отправке мотоциклы стали пропадать. Вначале решили что это недоразумение. Как можно украсть большой тяжелый мотоцикл? Это не инструмент и не деталь. Завод огорожен со всех сторон толстой стеной высотой с двухэтажный дом. На проходной со времен войны тщательно обшаривают и обнюхивают любую выезжающую машину, а за пазухой, конечно, мотоцикл не пронесешь. Стали проверять и перепроверять всю документацию, шарить по складам и пересчитывать все десятки раз. Ничего не нашли. Неразрешимая загадка. Местные следователи бились-бились и тоже ничего не смогли выяснить. А мотоциклы продолжали пропадать. Только тогда обратились за помощью в Москву.

И Петин дядя с двумя подручными были направлены на расследование. Петин дядя был знатоком таких дел, потому что кроме юридического имел еще и техническое образование. Прибыв на место, он прежде всего детально ознакомился с обстановкой и тщательно проверил систему охраны. Оказалось что уже три раза меняли сторожей на проходной и даже тайно следили за ними. Это ничего не дало. Как говорится: собака была зарыта где-то в другом месте. Петин дядя прошел по всему технологическому процессу и убедился, что воровать могли только со склада готовой продукции. Но это был второстепенный вопрос. Главное это выяснить, как мотоциклы исчезали с территории завода. Мало

того, что завод огорожен высокой толстой стеной, так над ней еще установлены кронштейны с колючей проволокой. На заводе не было такого оборудования, с помощью которого можно было бы поднять мотоцикл на такую высоту, а тем более, перебросить его на другую сторону..

Петин дядя начал тщательно обследовать прилегающую к стене местность и, походив немного, обнаружил маленький приямок, прикрытый дерном. Подняв его, он увидел другой кусок дерна, который прикрывал узкий лаз, в который мог пролезть человек. Правда, не без труда. О том, чтобы протащить через него мотоцикл, не могло быть и речи. Здесь была другая загадка. И Петин дядя решил использовать принцип: “на ловца и зверь бежит”. Он сделал вид, что собирается уезжать, а прибывшим вместе с ним сотрудникам Органов сказал, что надо скрытно сделать засаду недалеко от лаза с внешней и внутренней стороны стены и ничего не делать, если воры появятся, до самого последнего момента.

Все произошло как в сказке с Жар-Птицей. Первая ночь прошла тихо. Вторая тоже. А вот на третью ночь у скрытного лаза появилось несколько фигур. Двое из них сняли дерн и полезли в щель, а другие пошли в сторону строящегося неподалеку дома, где стоял приличного размера башенный кран. Один из группы полез на кран, а двое других начали снимать ограничительную балку с путей передвижения крана. Потом один из них подошел к рубильнику, снял замок и включил ток. Кран начал двигаться и подъехал к концу рельсового пути, то есть как можно ближе к стене. Затем крановщик выставил стрелу на максимальный вылет, и крюк начал опускаться по ту сторону стены. В это время те двое, которые пролезли на завод, успели выкатить из склада два мотоцикла. Как они проникли на склад, зашитый со всех сторон листовой сталью, не трогая замка и пломбы, сотрудник Органов не мог видеть. Это выяснилось потом на следствии. А пока эти двое тихо подкатили мотоциклы к стене и подвесили их к опущенному крюку крана, после чего один из них полез в щель и там на другой стороне дал команду крановщику на подъем. В это время сотрудник Органов, который спрятался на внутренней стороне, выскочил из засады, выстрелил в воздух и арестовал участника кражи. Другой сотрудник, который находился в засаде на внешней стороне, после выстрела тоже выскочил из засады, выстрелил в воздух и крикнул: “Руки вверх!” Услышав выстрелы с разных сторон и окрик, воры шарахнулись и побежали в сторону грузовика, который стоял неподалеку. Сотрудник Органов не бросился за

ними. В этом не было смысла, а стрелять он не решался. Так что ворам удалось убежать. Но крановщик, конечно, убежать не мог и был арестован. Дальнейшее было делом техники. И Петин дядя вместе со своими подручными, выполнив задание, поехал домой в Москву.

А на процессе раскрылись пути реализации украденных мотоциклов. Это была сложная цепь передач, которая заканчивалась далеко за пределами Удмуртской АССР.

И МЕХ, И ГРЕХ ***(История вторая)***

Русские меха с давних времен высоко ценились в Европе и Америке и были важной статьёй экспорта, а при Советской власти какое-то время даже были чуть ли не единственным средством для получения иностранной валюты. Эту валюту приобретали во время меховых аукционов в Ленинграде, Лондоне и Нью-Йорке. Особенно ценились соболя. Ведь шкурка соболя стоит не меньше чем мотоцикл. Поэтому заготовка пушнины была под очень строгим контролем и велась через охотничьи артели и стойбища. За пределами этих организаций охота на соболя, куницу или горностаю была строго запрещена и считалась браконьерством. Наказание за это было значительно более строгим чем, например, за ловлю осетровых в устье Волги и в Каспийском море. Учет шкурок был самым скрупулезным от выстрела до аукциона.

Но вот в далекой Восточной Сибири в центре по заготовке пушнины стали пропадать ценные шкурки соболей и куниц. Это чрезвычайно обеспокоило руководство центра. За такие дела могли и головы полететь. Поэтому вначале пытались справиться собственными силами. Но даже привлечение следователей из Краевого центра не помогло. Пришлось обратиться в Москву. Там встревожились, и Петин дядю направили на расследование.

Прибыв на место и ознакомившись с обстановкой и системой контроля, Петин дядя почти сразу же решил, что вынести шкурки через проходную практически невозможно. Дело в том, что комбинат считался химическим предприятием, и все сотрудники, явившись на работу, должны были оставить в бытовках свою одежду кроме нижнего белья и облечься в спецодежду. А по окончании работы все проходили через душевую, оставляя там спецодежду и в одном белье шли по коридору в бытовки, где хранилась их одежда. Оставленная одежда тщательно проверялась, и весь этот процесс просматривался. Так что, пронести

шкурку можно было, разве что, проглотив ее. Что касается возможности перебросить шкурку через каменный забор, то здесь тоже была серьезная проблема. Забор был чрезвычайно высокий и наверху была колючая проволока. Но самое главное это то, что к нему нельзя было подойти ближе десяти метров. Вдоль забора по всему периметру комбината бегали на цепях большие свирепые сторожевые собаки, которые начинали бешено лаять, когда кто-нибудь приближался к стене. Такие собаки ничего из чужих рук не берут. Их нельзя ни приласкать, ни отравить.

С тех пор, как стали пропадать шкурки, усилилось наблюдение за поведением сотрудников, и секретные осведомители сообщали обо всем подозрительном. Но пока безрезультатно. Это был тупик. Петин дядя даже проверил, не садятся ли вертолеты на территории комбината. Нет, вертолетам здесь не разрешалось садиться. Петин дядя не видел больше смысла в том, чтобы оставаться здесь, тем более, что у него были неотложные дела дома. Он знал, что его ждет неприятный разговор в Прокуратуре, но сделать ничего не мог. Таким образом, не выполнив задания (что было очень редко с ним) он улетел в Москву. На прощание он сказал местному следователю, что это еще не конец, что надо набраться терпения, наблюдать и ждать. Он уверен, что рано или поздно, но это преступление раскроется. Между тем, руководство комбинатом было смещено, и куда оно делось никто не знает.

Петин дядя не ошибся. Преступление раскрылось. Правда, совершенно случайно. На одной из гулянок, то ли свадьбе, то ли именинах, два сотрудника комбината, набравшись как следует самогона, что-то не поделили, повздорили и подрались. Находившийся в компании секретный осведомитель уловил кое-что из ругани, которой обменивались эти двое, и понял, что это те, кто совершал кражи мехов. Он доложил свои подозрения соответствующим органам, и колесо закрутилось. На следующий день этих двух мужичков арестовали в душевой, когда они были совершенно голыми, и далее подвергли их соответствующей обработке. Довольно долго они ни в чем не признавались, но в конце концов один из них не выдержал допроса с пристрастием, “раскололся” и рассказал как это было сделано.

Его напарник был смекалистым парнем. Бывший уголовник, как многие сотрудники комбината, он искал способ пожить. Сначала у него была идея завернуть в шкурку камень, обвязать это веревкой и перебросить на другую сторону. Но, поразмыслив немного, он убедился, что сделать это незаметно практически невозможно, и оставил

эту идею. Но вот он обратил внимание на люк канализации, который находился за цехом. Он решил проверить, куда это ведет, и однажды, приподняв незаметно крышку, бросил в люк большую тряпку. Вечером он пошел к реке, где выходила закрытая решеткой труба канализации, и увидел прижатую к решетке тряпку, которую он бросил. После этого он успешно повторил свой эксперимент и решил действовать этим путем. Ему нужен был напарник, и он вовлек в это дело своего приятеля, который работал кладовщиком. Они отправляли шкурки по канализационному пути не чаще чем два раза в неделю. Потом вытягивали их через решетку, закрывавшую трубу, затем очень тщательно мыли и сушили. После этого меха передавались по цепи и сначала попадали в Красноярск, потом в Москву, а там нить расследования обрывалась где-то на подступах к американскому посольству. Любопытно, что воры получали за свой труд и риск меньше двадцати процентов стоимости шкурок. Но и это были большие деньги. О том, что они с ними делали, это уже другая история. А многочисленные ищейки в это время безуспешно искали пропавшие шкурки по всей Сибири у меховщиков. Скорее всего, что эти меха попадали в Нью-Йорк, и не исключено, что какая-нибудь голливудская так называемая “звезда” наряжалась в краденые из комбината соболя.

КАРТОФЕЛЬНЫЙ БИЗНЕС

(История третья)

Во время войны, когда большая часть европейской территории СССР была оккупирована немцами, и даже некоторое время после войны, снабжение Москвы продовольственными и другими товарами было прервано. Хлеб, сахар, мясо, молочные продукты, овощи, фрукты – все это шло с Украины, Белоруссии, Кубани и других районов. Восполнить это было нечем. Ведь одного хлеба Москве надо порядка тысячи тонн в день. Правда, Западная Сибирь тоже считалась житницей, но туда и на Урал эвакуировалась масса людей и предприятий. Так что, там едва хватало хлеба на удовлетворение собственных нужд. А в Москве положение становилось критическим. Надо было что-то предпринять, чтобы спасти столицу от голода. И было решено, что спасти ее могла только картошка, которая росла в стране почти везде. Да и возни с ней значительно меньше чем с зерном. Не нужны комбайны, не нужны мельницы, не нужны пекарни. Выкопал, бросил на угли и можешь есть хоть с кожурой, хоть без нее.

И вот в ЦК партии был назначен ответственный за снабжение Москвы картофелем. Было решено, что доставка в Москву картофеля будет осуществляться по воде на баржах. Железнодорожный транспорт был исключен в силу неудобств, а также из-за недостатка поездов. Сразу же после урожая по Волге и Оке стали прибывать в Москву баржи, груженные картошкой в мешках, а иногда и просто насыпью. Особой механизации не было. Если прибывший картофель был в мешках, то разгружали его вручную, а если в барже оказывался насыпной картофель, то только тогда пользовались ленточным конвейером. Потом картофель везли на грузовиках на овощные базы, а оттуда он попадал в магазины и ларьки. Все было организовано на высшем уровне. Москва стала есть картошку. Это, кажется, послужило темой для одной из шуток известного клоуна Карандаша. Существует легенда, что он якобы вместо того, чтобы веселить зрителей в цирке, поставил на арене мешок картошки и сел на него. На вопрос другого клоуна, почему он все время сидит на картошке, Карандаш ответил, что вся Москва сидит на картошке, вот и он сидит. Это вызвало взрыв смеха в цирке. И вот, кажется, за эту шутку Карандаша посадили не на картошку, а на Лубянку. Потом выпустили.

А жители Подмосковья, которым от этого снабжения ничего не перепало, решили действовать по принципу: “Спасение утопающих – дело рук самих утопающих” и начали сажать картошку, где только возможно. Например, по Казанской дороге возле железнодорожных путей от Новых Домов до Раменского были сплошные заросли картофеля.

Все было относительно нормально. Но вот ОБХСС, то есть Отдел Борьбы с Хищением Социалистической Собственности, получил сигнал, что заведующий каким-то овощным ларьком живет не по средствам. После этого посланный сотрудник ОБХСС проверил полученную информацию и убедился, что этот заведующий действительно живет как король. Тогда кто-то из ОБХСС неожиданно нагрянул в ларек, сделал ревизию и обнаружил странное несоответствие. По накладной там должна быть одна тонна картофеля, а в наличии оказалось около пяти тонн. Заведующий ларьком не мог дать вразумительного объяснения этому феномену, после чего им занялся следователь. Тем временем подобное явление обнаружилось еще в нескольких ларьках, которые находились в разных районах Москвы. В газете “Вечерняя Москва” появился антисемитский фельетон о картофельных королях. Это уже было явлением, достойным более высоких инстанций, и тогда Петин дядя, который в это время был не особенно занят, получил задание ра-

зобратся в этом деле. Это была мутная область.

Заведующие овощными ларьками, в которых был обнаружен большой излишек картофеля, в один голос заявляли, что им приказано никому ничего не говорить, в противном случае им грозит расстрел за разглашение военной тайны. Однако после ареста на допросе с применением эффективных методов они кое-что рассказали. С базы им привозил картофель на грузовике человек, которого звали Миша и который сказал им, что он является сотрудником то ли МГБ, то ли МВД, и вроде бы предъявил удостоверение. Он давал им накладную на одну часть привезенного и говорил, что только по этой накладной надо отчитываться по всем правилам. Что касается другой части привезенного, то это секретная область и отчитываться по ней не надо. Всю выручку от того, что сверх накладной, будет забирать этот Миша. А заведующий ларьком будет получать некоторое вознаграждение за работу и за то, что будет держать язык за зубами. И вот только благодаря этому вознаграждению заведующий ларьком, от которого началось расследование, получил возможность купить машину и дачу. Другие заявляли примерно то же самое. Единственная полезная информация, которую удалось получить, это был адрес базы, с которой привозили картофель. Директор этой овощной базы предъявил соответствующие документы, которые были в полном порядке, и сказал, что никаких излишек картофеля в ларьки не посылают и что никакого Миши он не знает, что развозку овощей по ларькам производит их водитель, которого зовут Николай, а не Миша. Пришлось сделать очную ставку, на которой заведующие ларьками сказали, что Николай действительно иногда привозил картошку, но чаще это делал Миша, внешность которого они могут описать. Больше ничего они о нем не знают.

Казалось бы, все ясно: заведующие ларьками продавали картошку частников и договорились о том как врать. Поскольку ущерба государству тут особенного не было, то и наказания за это серьезного не полагалось. На этом можно было поставить точку. Но Петин дядя подозревал более крупную аферу и решил произвести ревизию овощной базе. Для этого ему понадобилось несколько специалистов, знающих это дело. И сразу же после этого он стал получать анонимные угрожающие письма и такого же характера телефонные звонки. Ему предлагали немедленно прекратить расследование. В противном случае ничего хорошего его не ждет. Петин дядя принял это всерьез и добился чтобы к дому, где он живет, был приставлен вооруженный охранник. Тем временем закончи-

Ф. Теперов

лась ревизия овощной базы, были учтены все усушки и утруски, и тем не менее обнаружилась недостача сотен тонн картофеля. Заведующий овощной базы юлил, выкручивался и прикидывался дурачком. Конечно, он тоже был арестован. И тут произошло то, чего Петин дядя боялся. Когда он возвращался вечером из театра, возле дома, где он жил, в него несколько раз выстрелили. Он получил два ранения, одно из которых очень серьезное. К счастью, поблизости оказался его приятель, который сразу же отвез Петиного дядю на Скорую Помощь. Ему немедленно была сделана операция, и он пролежал в больнице больше месяца. Пока он выздоравливал, расследование уже нельзя было остановить, и оно покатилося выше и выше. Был закрытый суд. В результате, мелкие сошки получили небольшие сроки, а крупные – вплоть до расстрела. Член ЦК, ответственный за снабжение Москвы картофелем, исчез.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Был в Киеве и, вероятно, сейчас еще есть так называемый Октябрьский Дворец Профсоюзов.

Очень красиво расположенный на возвышенности и построенный в классическом стиле с портиком, колоннадой и тому подобным. До Великой Октябрьской Социалистической здесь, кажется, было Дворянское Собрание. Что там делали дворяне, я не знаю, но в советское время это было местом развлечений. Концерты, спектакли, танцы в вестибюле и другие мероприятия. В Октябрьском Дворце было два зала: Большой и Малый. В Большом Зале проводились большие мероприятия, в Малом – закрытые. Заведовал Малым залом некто Изя, очень добрый и очень больной человек. Мы с ним были в приятельских отношениях, и он позволял мне иногда присутствовать на закрытых мероприятиях.

На одном из них произошло генеральное побоище. Дрались черные с белыми. Это был вечер дружбы советских студентов со студентами из африканских стран. Один из черных студентов, мордатый и грузный наследный принц какого-то замызганного королевства, прибыл на этот праздник дружбы здорово накачавшись и в компании нескольких собутельников. Поскольку стоявшая у входа в зал старенькая контролерша вместо того, чтобы воздать ему почести и поклониться до земли, попросила предъявить пригласительный билет, наследный принц толкнул ее, и она упала на пол. Один из советских студентов, возмущенный

этим поступком, подошел и пристыдил наследного принца за неэтичное поведение. Принц посмотрел на него осоловелым взглядом и ткнул кулаком в челюсть. Советский студент сначала несколько опешил, но затем быстро пришел в себя и ответил ударом ногой в пах. И началось. Пока прибыла милиция, принца и его компанию, а также остальных черных студентов основательно подмолотили, так что многих пришлось отвезти в больницу. Советским студентам тоже досталось, но наше дело было правое, и победа осталась за нами. Любопытно то что, хотя зачинщиками драки были черные, арестовали только белых. Но я не об этом хотел рассказать.

В Малом зале иногда проводился закрытый просмотр зарубежных фильмов, недоступных рядовому советскому зрителю. Это были фильмы Феллини, Антониони, Хичкока и других известных иностранных кинорежиссеров. Приглашались на просмотр крупные партийные деятели, актеры и режиссеры киевских театров и киностудии имени Довженко, а также выдающиеся спортсмены, такие как Шахлин, Латынина и другие. На один из просмотров, а именно на показ кинофильма Антониони “Красная пустыня”, был приглашен чемпион мира по пятиборью Иван Дерюгин. Пятиборье – это рыцарский вид спорта: верховая езда, фехтование, стрельба, плавание и еще что-то. Чемпионат был командный. Но не это важно. Важно то, что Дерюгин приехал на просмотр на новеньком “Фиате” и что в Италии ему подарили замечательную щетку для очистки ветрового стекла автомобиля и других стекол.

Показ фильма сопровождался синхронным переводом, так что зрители понимали, что происходит на экране. После окончания фильма выступил какой-то деятель кинематографа, который между прочим сказал, что в ближайшее время в прокат поступят некоторые фильмы Бергмана, Феллини и Антониони. Потом все немного побалагурили и разъехались. Все кроме Дерюгина Он хотел уехать, но не мог, потому что его машину украли. Дерюгин впал в прострацию. Но – странное дело. Он убивался не столько из-за машины, сколько из-за щетки для очистки стекол. Впрочем, это не так уж странно. Ведь чеховский герой контрабасист Смычков больше всего переживал не за то, что воры украли у него одежду и контрабас, а за то, что вместе с контрабасом они утащили находившуюся в футляре канифоль.

Однако больше всех переживал это происшествие Изя. Он почему-то испугался, что Дерюгин считает его соучастником преступления и подозревает, что все это подстроено. В результате у Изя разразился

Ф. Теперов

сердечный приступ, и его надо было срочно отвезти в больницу. А Дерюгин пошел в отделение милиции и сделал заявление о пропаже автомобиля. Там к этому отнеслись довольно равнодушно, хотя милиция была знакома с именем чемпиона мира. Конечно, это было безнадежное дело. Еще не было случая чтобы нашли украденную машину. Но Дерюгин был рожден то ли в рубашке, то ли с серебряной ложечкой во рту. Ему повезло, что в этот день бежал из тюрьмы какой-то опасный преступник, и на всех дорогах были расставлены милицейские посты. Укравшие машину, надо полагать, этого не знали и, увидев милицейский кордон на дороге, решили, что это их ловят, бросили машину и убежали. А милиция понятия не имела, почему эта машина брошена на дороге. Разумеется, воры поменяли номер на автомобиле. Но, если бы они даже не сделали этого, милиция все равно не стала бы искать хозяина. В течение нескольких дней там не знали, что с этой машиной делать. Но так как Дерюгин продолжал звонить и тревожить их, они в конце концов догадались связать то, что у него украли автомобиль “Фиат” и то, что кто-то бросил на дороге машину такой же фирмы. Все хорошо что хорошо кончается. Бывший чемпион мира получил свой автомобиль в целости и сохранности. Казалось бы, что он должен прыгать от радости до потолка. Но он отнюдь не выражал особого восторга. А все потому, что в машине не оказалось щетки для очистки ветрового стекла. Мало вероятно, что ее утащили воры. Скорее всего, ее забрал себе кто-то из работников милиции.

Моя милиция меня бережет.

ИСТОРИЯ МОНУМЕНТА

Вероятно, многие москвичи, а может быть, и гости Москвы еще помнят, как на площади имени еврея революционера Якова Свердлова воздвигали памятник работы скульптора еврея Кербеля (что значит: рубль) философу еврею Карлу Марксу. Потом голуби, которых завели в Москве на манер европейских столиц, облюбовали этот монумент и стаями стали садиться на голову, плечи и руку гранитного основоположника научного коммунизма и покрывали все сплошным пометом, то есть на практике делали то, что противники марксизма делали теоретически. Работники, которые чуть ли не каждый день должны были отмыывать эту величественную скульптуру, просто сходили с ума, настолько это была неприятная и кропотливая работа.

Каким образом Кербель получил этот заказ, мне неизвестно и кажется странным. Ведь был еще жив, не имевший поражения в пятой графе, официальный скульптор советской власти Вучетич, автор грандиозной скульптуры на Мамаевом кургане, а также подаренной ООН и нашумевшей в свое время скульптуры “Перекуем мечи на орала”. И, вероятно, Эрнест Неизвестный тоже хотел бы получить этот заказ. Ведь удалось ему выиграть международный конкурс на монумент для Ассуанской плотины в Египте. Этот монумент выполнен в виде гигантского цветка лотоса. Впрочем, у Неизвестного было мало шансов получить заказ, так как Хрущев не очень жаловал его. Однако, когда наш дорогой Никита Сергеевич “сыграл в ящик”, его родственники, чтобы искупить вину вождя перед гонимым скульптором, заказали тому памятник покойному. Неизвестный сделал его из кусков черного и белого мрамора, что по идее должно было символизировать разнообразную деятельность усопшего.

Как бы там ни было, но не исключено, что был какой-то конкурс на памятник Карлу Марксу, и Кербель его выиграл. Хотя это противоречит существовавшей тогда нормальной практике в Советском Союзе. Вспомним хотя бы печально известную историю, связанную с установкой памятника тысячам евреев, расстрелянных фашистами и их украинскими прислужниками в Бабьем Яре.

Конечно, когда надо было поставить памятники Ленину или Сталину, то славный Меркуров пек их как блины. А вот с памятником Карлу

Ф. Теперов

Марксу, надо полагать, дело было немного сложнее. Хотя, с другой стороны, это было, конечно, легче чем с памятником в Бабьем Яре. Во-первых, это не какие-то там поганые евреи, а основоположник научного коммунизма. Во-вторых, круглая дата – сто пятьдесят лет со дня рождения. И, в-третьих, Маркс хоть и еврей, но крещеный, да к тому же еще и антисемит. Так что тут, наверно, было попроще.

Как бы там ни было, но высшие власти приняли проект Кербеля, в котором Маркс со своей знаменитой бородой, воспетой Гербертом Уэлсом в книге “Россия во мгле”, как бы вырастает из скалы и мощно опирается согнутой правой рукой о гранит, тем самым как бы утверждая несокрушимость своей теории.

Потом начались поиски подходящего материала для монумента. Нужна была обязательно цельная глыба.

И вот историю о том, что было дальше, я услышал в палатке в районе Остра, где мы, бывшие выпускники технических ВУЗ(ов), проходили военную переподготовку. Здесь собрались представители военной профессии, о которой говорится, что люди там ошибаются только один раз в жизни, то есть: саперы, минеры и понтонеры, а в общем, это были прорабы, начальники участков, главные инженеры проектов и т.п. Человек, который рассказывал эту историю, был представителем какого-то СМУ специального назначения. Работники этого учреждения выполняли такие работы, которые никто другой не смог бы сделать. Пока шли поиски подходящего размера мраморного или гранитного монолита, их не трогали. Этим занимались другие. Причем поиск был всесоюзный, и обещано было вознаграждение. Долго ничего подходящего не могли найти, пока кто-то не обнаружил соответствующего размера глыбу где-то в болотах недалеко от Никополя. Проехать туда было невозможно и невозможно было подвезти туда кран соответствующей грузоподъемности. Ведь эта глыба весила, вероятно, не менее ста тонн. Вот тогда организация, в которой работал рассказчик, и получила задание доставить эту глыбу к железной дороге, а это значит, что ее надо было проташить несколько километров.

Конечно, Микеланджело было легко. Валялась во дворе аббатства испорченная мраморная глыба, которая никому не была нужна. Пришел Микеланджело, посмотрел на нее, подумал, огородил ее, чтобы никто не видел, что он там делает, и изваял Давида. Пятьсот лет тому назад. И стоит Давид во Флоренции в здании Академии искусств и грозно смотрит на своего противника. Камень зажат в руке и праща покоится

на плече. И точная копия скульптуры стоит на площади Синьории, а голуби даже копию не трогают.

Разумеется, с перевозкой скульптуры Давида в здание Академии могли быть какие-то трудности, но это была просто детская забава по сравнению с теми трудностями, которые пришлось на долю СМУ. Здесь после здравого обсуждения было принято единственно возможное решение, для чего заказали много толстых листов фанеры и с десяток круглых бревен, а также две лебедки, для которых протянули от ближайшей подстанции электрической кабель. Уложили фанерные листы и подобрались по ним к глыбе, потом поочередно подкапывались под нее и подкладывали фанерные листы, а поверх них бревна. Привязывались как альпинисты чтобы не утонуть в болоте. Потом катили глыбу по бревнам, перекладывая их и используя мускульную силу, как это делали, возможно, тысячи лет тому назад древние иудеи, когда строили Стену Плача. Лебедки здесь не могли помочь. Ими начали пользоваться только на последних двух километрах пути, когда выползли из трясины.

Через две недели глыба была у железнодорожного полотна. Задание, которое получили работники специального СМУ, было выполнено. У железнодорожного полотна в работу включились другие организации. Здесь стояла специальная платформа, изготовленная для перевозки глыбы, и два мощных крана, а также большая группа специалистов. Потом эту глыбу везли по железной дороге, и она была такой огромной, что не проходила под некоторыми мостами. И тогда, если не было объездных путей, мосты разбирали. Потом эту глыбу везли ночью по Москве на специальном моточеме МАЗ(е), и так до мастерской Кербеля.

“Представляете, во что обошлась стоимость этого монумента?— закончил свой рассказ инженер из СМУ,— и добавьте к этому, что все, кто участвовал в этом деле, получили премии. Все, кроме нас. Нас они забыли. Так у нас делаются дела”.

РАЗРЫВ

Можно предположить, что мои очень далекие предки были кочевниками, а не столь далекие предки – ремесленниками. И если в моей натуре унаследовалось что-то от ремесленников, то уж от кочевников точно никаких следов не осталось. Поэтому, когда появилась возможность покинуть насиженное место, каким бы оно ни было плохим, я заволновался. И это был больше страх чем возбуждение. Незадолго до этого я прочитал книгу Кобо Абе “Женщина в песках”, и мне кажется, что она объясняла до некоторой степени мое состояние. Видимо, у меня как и у большинства советских людей от многих лет жизни в рабской покорности парализована воля, и поэтому я боюсь перемены. Что и говорить, в отличие от моих далеких предков меня не тянула “Муза дальних странствий”. Мне казалось что надо быть авантюристом чтобы бросить все и отправиться черт знает куда. А между тем вокруг началось брожение и замелькали удивительные вещи. То сотрудник явился на работу в красочных импортных носках, то знакомая принесла на вечеринку волшебный зонтик, который открывался сам собой от нажатия кнопки, то соседка вышла на прогулку в шубе небывалой красоты.

“Это из посылок”,- говорила шепотом жена.

Несколько позже от тех, кому удалось покинуть страну “развитого социализма”, стали приходиться письма с фантастическими фотографиями, на которых были изображены частные двухэтажные и даже трехэтажные дома с плавательными бассейнами, лужайками, гаражами и огромными автомобилями. От этих фотографий и посылок кружилась голова.

Информацию получали не только из писем. “Окном в Европу” стал коротковолновый приемник. Это уже были не сталинские времена, и владение приемником не считалось преступлением. Теперь можно было получить информацию из первых рук. Однако тут были две проблемы. Одной из них был установленный в Советском Союзе стандарт диапазона приемников, который начинался с волны длиной двадцать пять метров. А большинство передач шло на волне от тринадцати до двадцати пяти метров. Другой серьезной проблемой были глушители, которые работали практически круглосуточно. Глушили все: “Голос Америки”, “Немецкую волну”, “Голос Израиля”, “Би-Би-Си”. Но осо-

бенно сильно глушили радиостанцию “Свобода”, которая передавала самую острую критику советской системы. Первая проблема решалась тем, что умельцы достраивали к приемникам, среди которых особой популярностью пользовались приемники Рижского радиозавода, необходимый диапазон. А вторая проблема решалась частично тем, что слушали по ночам, когда глушители работали не в полную силу. Все же это был мучительный процесс. Волна то наплывала, то совершенно исчезала в жутком скрежете глушителей. Почему-то меньше других радиостанций глушили “Би-Би-Си”, где благородный бархатный голос Гольдберга вещал нам о том, что творится в мире и в нашей стране. Правда, не так полно и не так прямо как это делала “Свобода”, но все же кое-что можно было узнать. Сведения иногда были самыми невероятными. Так однажды ко мне прибежал приятель и сказал, что “Голос Америки” сообщил о том, что Вьетнамскую войну можно считать оконченной, так как практически перебито почти все взрослое мужское население Северного Вьетнама. Что и говорить, информация не всегда была точной. При встрече друг с другом мы шепотом делились новостями. Между тем эмиграционная волна нарастала, а вместе с ней и ажиотаж. Тем, кто уезжал, передавали необходимые сведения в надежде получить вызов из Израиля. В семьях начались раздоры. Одни хотели ехать, другие – нет. Мы влючились в этот процесс. Обстановка была нервной и неясной.

Но вот мы наконец получили вызов из Израиля, и началось хождение по мукам за получением справок. Справку с места работы мне удалось получить в обмен на заявление об уходе, и я стал безработным. Справку со школы у сына получили в результате обмана, заявив что мы завербовались для работы на Севере. Потом надо было сняться с учета в Военкомате, сдать воинский билет и получить соответствующую справку. И, наконец, возникли трудности с сочинением легенды. Никаких родственников у нас в Израиле, к сожалению, не было. Пришлось выдумать моему отцу старшего брата, который якобы уехал в Израиль в начале двадцатого века. В таком виде мы и подали эту легенду вместе со справками в ОВИР. Через некоторое время нас вызвали туда, и произошло нечто необъяснимое. Мы, разумеется, сильно волновались, но то, что сказала нам сотрудница ОВИР(а), ведущая наше дело, привело нас в шоковое состояние. Оказалось что вызов нам пришел не от моего выдуманного дяди, а от какой-то тети. Не “Mr”, а “Mrs”. Вот как проявилось наше позорное незнание английского языка! И уж навсегда

Ф. Теперов

осталось загадкой, почему сотрудница ОВИР(а) разрешила нам переделывать легенду.

Но вот мы вторично подали наши документы и стали ждать. В этот период наше нервное напряжение было подобно состоянию человека перед первым прыжком с парашютом. И трудно представить себе удар, когда подавший документы получает отказ. К счастью, нам в этом смысле повезло. Но было и много таких, которые получали этот удар.

И здесь мне хотелось бы рассказать одну печальную историю. Наше знакомство с этой семьей, кажется, началось в ОВИР(е). Эти люди, разумеется, тоже намерены были эмигрировать. Интересно что инициатором у них был вышедший на пенсию отец. Это был довольно высокий пожилой человек, приятной внешности, у которого с лица почти никогда не сходила добрая улыбка. Был он человеком тихого нрава, по профессии бухгалтером. И при всем этом, как оказалось, сильно ненавидел советскую власть. Не исключено, что у него для этого были особые причины. Этот человек мечтал вырваться на свободу, и это был удивительный человек. Каждый день в пять часов утра он уже был на киевском вокзале, который по форме напоминал кокошник или украинский националистический трезубец. Это было время прихода поезда, который направлялся в Чоп и в котором ехали запуганные и счастливые эмигранты. На вокзале этот старик сердечно провожал всех незнакомых, кто покидал Советский Союз и к кому даже родственники иногда боялись прийти на проводы. Этот человек по доброму завидовал уезжавшим и желал им счастья.

Его жена была тихой, доброй и ласковой. И была у них одна дочь, которую они называли Светланой. Это имя очень подходило ей. Она была светленькой, миловидной и дружелюбной. А кроме того, она была очень способной. Школу она окончила с золотой медалью и блестяще окончила институт. Поклонников у нее была масса, но она, к сожалению, сделала не лучший выбор. Внешность у мужа оказалась обманчивой, и вскоре после рождения сына они разошлись. Светлана работала инженером в Институте Связи. Что там связывали с чем, я не знаю, но у нее, к несчастью, была там вторая форма допуска к секретной документации, что роковым образом сказалось на их судьбе. Вскоре после того, как мы получили разрешение, они получили отказ на основании того, что у дочери был этот злополучный допуск. Как они приняли этот первый удар, мы не знаем, так как в это время лихорадочно занимались подготовлением к отъезду. А надо было многое сделать. Поскольку не

разрешалось вывозить никаких оригинальных документов, то мы снимали копии с разных дипломов, свидетельств, трудовых книжек и заверяли все это у нотариуса. Потом надо было поехать в Москву и занять очередь у голландского посольства, которое представляло интересы Израиля, рано утром так как там принимали всего несколько посетителей в день, и передать им копии, а если примут, то и оригиналы тех документов, с которых не разрешалось снимать копии. Затем надо было продать что возможно: мебель, книги, посуду, с тем чтобы выкупить визы и заплатить за лишение нас советского гражданства. Ведь денег у нас за двадцать лет работы никаких не накопилось. И наконец надо было позаботиться о ящике для нашего скромного багажа: постельного белья, одежды, посуды, фотографий, книг и кларнета, с которым связано одно из последних издевательств. Даже заказать простой ящик, сбитый из нескольких досок, оказалось не так просто. Заведующий дровяным складом, средних лет подонок, между прочим, еврей, старался содрать с эмигрантов последнюю шкуру. Он юлил и демонстративно открывал ящик письменного стола, выходил в другую комнату, затем возвращался, заглядывал в ящик и, если туда не положили взятку, то закрывал этот ящик, затем опять демонстративно открывал и повторял операцию несколько раз. Если же посетитель так и не давал ему взятку, то он говорил, что нет подходящих досок и что они, может быть, придут недели через две. А вам осталось всего несколько дней до отъезда. В таком случае, если у вас нет денег или если вы принципиально не хотите дать взятку, то обращаются в вышестоящие органы. И тогда вы можете получить свой ящик. Но, господи, как он скверно будет сделан! Таким образом, после всех этих передраг мы получили наконец свой скромный ящик и до краев заполнили его нужными предметами и любимыми книгами. Заодно всунули туда мой старый кларнет. Затем отвезли все это на товарную станцию. Здесь над нами основательно поиздевались. Два мордатых инспектора перед тем, как принять багаж, перекопали все в нашем ящике, вероятно, в поисках бриллиантов и золота. Перелистали все книги. Что они там искали, я не знаю. И наконец это глумление завершилось эпопеей с кларнетом. Неожиданно эти “искатели жемчуга” потребовали чтобы мы предъявили разрешение из Министерства культуры на вывоз ценного музыкального инструмента, хотя было совершенно очевидно, что этому кларнету грош цена. Жена чуть ли не в слезах умоляла этих садистов. В конце концов они с ухмылкой разрешили положить кларнет обратно в ящик.

Ф. Теперов

В эти дни мы все же выкроили время для встречи с семьей, о которой я рассказываю. Они уже немного пришли в себя от удара, но все еще были в подавленном состоянии. Мы старались подбодрить их как могли и советовали не отчаиваться. При этом мы приводили примеры, когда ОВИР неожиданно менял свое решение. Мы записали их адрес и номер телефона и обещали поддерживать с ними связь.

Наступил день нашего отъезда. Всю ночь мы упаковывали чемоданы, пили и прощались с теми нашими родственниками, которые по известным причинам боялись прийти на вокзал. По совету знатоков мы взяли с собой несколько бутылок водки. Для проводников в вагоне поллитровки, а для чешских грузчиков, которые будут перевозить наши чемоданы – четвертинки. На вокзале нас провожали только тесть, сестра жены, (теща была серьезно больна и не могла поехать на вокзал) а также этот старый бухгалтер, о котором я рассказываю, и двое моих отчаянных приятелей.

Потом была таможня в Чопе и последнее издевательство. Все вывалили из наших чемоданов на грязный пол таможни. Чуть ли не ногами перебрасывали вещи. И очень скоро наступил критический момент. Если мы до отхода поезда не пройдем таможенный досмотр, то нам с детьми придется здесь провести еще сутки. А были случаи, когда семьи сидели в таможне по несколько суток. К счастью, нам разрешили складываться, но всего за несколько минут до отхода поезда. Представляете в какой лихорадке мы запикивали наше барахло в чемоданы?! И, слава Богу, мы успели сесть в наш вагон. Однако постели наши уже были убраны. Пришлось дать проводникам бутылку водки и заплатить за чистые постели. Поезд тронулся, и мы облегченно вздохнули. Потом была Братислава и пересадка на другой поезд. Чешские грузчики перевезли наши чемоданы и, не моргнув, получили четвертинки. Теперь мы оказались в поезде, который направлялся в Рим, и наконец вздохнули более или менее свободно. Но окончательно страх прошел лишь тогда, когда альпийские стрелки оцепили наш поезд и взяли нас под свою охрану.

Бай-бай, Союз Нерушимый Республик Свободных!

А как же эта несчастная семья, которая осталась в Киеве? Вот у них все пошло от плохого к худшему. Светлана, конечно, должна была оставить свою прилично оплачиваемую работу в Институте Связи, после чего она еле нашла другую работу, где зарплата была значительно меньше, но зато здесь не нужен был допуск к секретной документации. После этого у них резко ухудшились материальные условия. Хотя они

умалчивали об этом, мы знали, что им надо помочь. И как только у нас появились какие-то деньги, мы сразу же отправили им посылку, в которой была модная шуба. Позже мы узнали, что они продали эту шубу и что это существенно помогло им материально. О том, что они получили второй отказ, они нам не сообщили. Об этом мы узнали из других источников. В такой ситуации у многих людей опустили бы руки. Но не у этого старого бухгалтера. Он продолжал штурмовать ОВИР и каждый день торчал там после возвращения с вокзала и легкого завтрака. Однако все - как в глухую стенку. Но вот наконец их снова вызвали. Поскольку миновал уже не один срок, который требовался для удержания в стране лиц, имевших допуск к секретной документации, а целых два срока, то Светлана, ее отец и мать шли в ОВИР в приподнятом настроении. Они почти не сомневались, что получают разрешение на выезд. Но по совершенно необъяснимым причинам они получили третий отказ. И доброе сердце старого бухгалтера не выдержало. Он скоропостижно скончался здесь же в ОВИР(е) от инфаркта. Эту ужасную сцену трудно себе представить. Как жена и дочь это перенесли, я не знаю. Сведения об этом страшном ударе мы получили значительно позже. Даже черствые бюрократы из ОВИР(а) вынуждены были как-то отреагировать на это трагическое событие, и вскоре после этого Светлана и ее мать получили разрешение на выезд. Но после смерти старого бухгалтера это было воспринято уныло и безразлично. В их доме был траур. Поэтому всю подготовку к отъезду взяли на себя приятели Светланы. И наконец после стольких мучений эта поредевшая несчастная семья эмигрировала. Они поселились в Нью-Йорке, где жили их старые друзья. Мы сразу посетили новопривывших и привезли им кое-что из одежды и посуды, в чем они нуждались.

Прошло немного времени, и жизнь стала постепенно налаживаться. Светлана нашла сначала одну работу, потом другую, которая лучше оплачивалась и больше соответствовала ее специальности. Мать хозяйничала в доме. Все было бы ничего, но здесь возникла серьезная проблема с сыном. Он оказался в скверной компании молодых эмигрантов из Советского Союза, которые плохо влияли на него. Начались попойки, появились девочки и наркотики. Ничего хорошего это, разумеется, не сулило и неизвестно чем бы это кончилось, если бы на пути сына не встретила порядочная девушка. Она увела его из этой компании и заставила учиться. Он окончил какие-то курсы и нашел работу. Потом они поженились, и через год у них родился сын. Мать и бабушка были

Ф. Теперов

просто счастливы от такой перемены.

Говорят, время – лекарь. Это неверно. Время не лечит, а только приглушает боль. С этим они и стали жить в Америке. До поры до времени все было вроде бы нормально. И вдруг судьба нанесла им новый страшный удар. Как говорят: “пришла беда – открывай ворота”. Кажется, что над этой семьей висел кошмарный злой рок. Было раннее утро. Направляясь на работу, Светлана со своей приятельницей переходили на перекрестке улицу. Как положено, по всем правилам, на зеленый свет. И вдруг на них налетел на полной скорости грузовик. Это какой-то пьяный водитель убегал от полиции. Светлану убил насмерть. А ее попутчицу тяжело ранил. Об этом мы узнали только после похорон от посторонних людей, так как контакты у нас были только со Светланой. Для хрупкой старенькой мамы это уже было выше ее сил, и она через очень короткое время ушла вслед за мужем и дочерью так же тихо как жила.

И если на свете есть хоть какая-то справедливость, то хочется верить, что судьба внуков и правнуков будет другой, и что они будут счастливы.

ЦЕЛИТЕЛИ И ШАРЛАТАНЫ

Когда я рассказываю эту историю, то, независимо от того, кто меня слушает: знакомые или незнакомые, один человек или несколько, реакция всегда бывает одна и та же – иронические улыбки и возгласы вроде: “чушь”, “ерунда”, “бабушкины сказки”, “лапша на уши” и тому подобное. И это говорят даже те, кто верит, что знахарь Кашпировский может по телевизору вылечить больного от диабета или гипертонии. Особенно меня удивил один мой приятель, который занимался и йогой, и лечебным голоданием, и еще черт знает чем, и который рассказал мне, что у его тещи была большая бородавка или родимое пятно, от которого она хотела избавиться и никак не могла, но вот она пошла на групповой сеанс к Кашпировскому и после этого в тот же вечер эта бородавка уменьшилась вдвое. И даже этот мой приятель поднял меня на смех, когда я рассказал ему эту правдивую историю.

А между тем известно, что в то время как врачи были бессильны что-либо сделать, Распутин одним своим прикосновением останавливал кровотечение у больного гемофилией юного наследника русского престола. Известно также, что в юртах у северных народов шаманы танцуя лечили разные болезни и успокаивали боль, даже зубную. И совсем уже свежий пример, когда известная миловидная и сравнительно молодая грузинская целительница запиралась в темной комнате с больным Брежневым, и спустя какое-то время он выходил оттуда поздоровевшим, хотя и немножко усталым. Так что, чудеса бывают. И эта история, о которой я рассказывал и которую собираюсь поведать, тому пример.

Когда-то я работал в одной инженерной корпорации, где моими сотрудниками было довольно много уроженцев Индии. Почему-то почти все они были однофамильцами: Сунил Пател, Сушил Пател, Махендра Пател и так далее. И почти все они были выходцами из восточной части Индии из района Калькутты (они произносили это с ударением на последнем слоге – Калькутта). В этом районе обитает преимущественно деловая и зажиточная часть населения страны, и эмиграция в Америку идет главным образом оттуда. Среди этих моих сотрудников был один не по фамилии Пател, а по фамилии Гоуш. Я встречал этого человека несколько раз до нашего знакомства. Он слегка отличался от других своих соплеменников тем, что был плотного телосложения и не

такой смуглый. Корпорация, в которой мы работали, была большой, мы с ним были в разных отделах, которые к тому же находились на разных этажах, так что там повода или причины для знакомства не было. А познакомились мы с ним во время обеденного перерыва. В Америке во время обеденного перерыва сотрудники компаний ведут себя не так как в России. Они либо пиршествуют в кафе, либо спят в офисе, сидя на стуле и положив ноги на стол. А в СССР во время обеденного перерыва многие гуляли в парке, а те сотрудники, кто не взял с собой еду, стояли в очереди в столовую, все же остальные либо играли в шахматы или в домино, либо подсказывали играющим, которые в пылу сражения называли друг друга козлами. Помню, в нашем отделе появился новый сотрудник, рослый, жилистый, крепкий. Некоторое время он слушал, как играющие и другие называли друг друга козлами, а потом вспыхнул: “Что вы все – козел да козел? У нас в лагере, если кто обзовет другого козлом, то ему хорошенько начистят хохолок или вообще ему хана”.

Но то было в СССР. А в Америке я по старой привычке гулял в обеденный перерыв в парке. Кроме меня делали то же самое только два человека: один такой же как я эмигрант из России, а другой этот самый Амитава Гоуш. Вначале мы просто обменивались с ним традиционным “Hi!”, но вот однажды я обратил внимание, что он вынул из кармана плоскую серебряную коробочку и открыл ее. Я в этот момент находился довольно близко и увидел, что внутри коробочка состоит из квадратных ячеек, в которых лежат разного цвета таблетки. Я спросил, что это такое. И Гоуш рассказал мне следующую любопытную историю.

Лет пять тому назад он почувствовал недомогание и обратился к врачам. И они обнаружили у него повышенное кровяное давление. Вернее, не повышенное, а высокое. И врач прописал ему вот эти таблетки. При этом Амитава показал на маленькую белую таблетку, лежавшую в верхней левой ячейке коробочки. Таблетки не помогли, и врач удвоил дозу. Но и это не дало желаемого результата. Тогда врач прописал другие таблетки, одна из которых лежала в третьей ячейке коробочки. Но когда и эта не помогла, врач решил удвоить дозу. И так далее. Но вот наконец врач нашел таблетку, которая понизила давление. И Гоуш показал на таблетку, которая лежала в самой нижней ячейке коробочки. Но, странное дело, давление стало нормальным, а Гоуш чувствовал себя все хуже и хуже. Тогда врач послал его на обследование. Взяли биопсию, и у Амитавы был обнаружен рак. Начались хождения на рентген, на MRI и так далее. В результате врачи пришли к заключению, что поскольку

метастазы распространились по всему организму, то поздно что либо делать, и остается только принимать болеутоляющие средства. Как в Нью Джерси, так и в престижных госпиталях Филадельфии врачи примерно определили, что Амитава Гоушу осталось жить два-три месяца.

Утопающий хватается за соломинку. В такой ситуации некоторые летят в Мексику, где по слухам растет фантастическая лечебная трава и есть источник необыкновенной целебной воды (я как-то попробовал воду в Мексике, после чего у меня началось такое, что пропал весь отпуск).

Другие прибегают к интенсивному лечебному голоданию, так что некоторые из них скорее умирают от истощения чем от болезни. Третьи обращаются к кашпировским. Амитава же по совету своих земляков вышел из госпиталя, в котором его держали на уколах морфия, и полетел в Индию, где жил известный целитель Сейбаба (или Сей баба)

Найти его там было нелегко. Сейбаба бродил по Индии, и только народная молва могла помочь в поисках этого целителя. А Гоуш, как говорят шахматисты, был в цейтноте. Поэтому он приложил все усилия чтобы как можно быстрее встретиться с этим человеком, на которого у Гоуша была последняя надежда. И вот буквально через два дня после прибытия в Индию он встретился с ним лицом к лицу. Помог один из организаторов встреч Сейбаба со страждущими. Когда он узнал, в каком критическом состоянии находится Амитава, то пропустил его вне очереди. А это была очередь, состоящая из нескольких тысячи людей. При этом надо учесть, что Сейбаба принимал в день не более сорока человек.

И вот утром в назначенное время Гоуш уселся на лужайке среди других страждущих в ожидании чуда. Сейбаба оказался обыкновенным старым человеком, и ничего особенного в нем вроде бы не было. Он не представился, а сразу подошел к одному человеку, сидящему в первом ряду, взял его за руку и начал спрашивать, как того зовут, откуда он родом, кто его родители и так далее. При этом Сейбаба все время пристально смотрел ему в глаза. Беседа заняла не более десяти минут. После этого произошло нечто странное. Сейбаба начал делать руками плавные загадочные движения, и вдруг в его ладони оказался похожий на пыль серый порошок, полученный вроде бы прямо из воздуха. Сейбаба насыпал этот порошок в кулек, сделанный из бумаги, дал его этому человеку и сказал как надо порошок принимать, потом сказал еще несколько слов и подошел к следующему больному, и с ним проделал ту же самую процедуру. И так далее. Амитава обратил внимание, что порошок вроде бы каждый раз был другого оттенка. Неожиданно Сей-

баба прервал свой последовательный обход и, минуя несколько рядов сидящих на лужайке, подошел к Амитава, который сидел в последнем ряду. Сейбаба взял Гоуша за руку и начал задавать ему целый ряд вопросов. Амитава рассказал ему о своей болезни и о том, что ему осталось жить меньше трех месяцев. Сейбаба внимательно все выслушал, пристально глядя Гоушу в глаза. Потом Сейбаба сделал несколько загадочных движений руками, и вдруг в одной из них в пиале появился этот самый порошок, очень похожий на тот, который Сейбаба дал первому пациенту. Он насыпал его в бумажный кулек, дал его Гоушу и рассказал как принимать. После этого он сказал Гоушу, чтобы он вернулся в Америку и лег там на день-два в госпиталь, но что вообще ему там нечего делать. В заключение целитель сказал чтобы Гоуш не волновался, что о нем там позаботятся и чтобы он через три месяца прилетел в Индию и пришел к нему.

Амитава, который до этого считал свои последние дни, воспрянул духом. Конечно, он делал все, что сказал ему Сейбаба. А накануне своего выхода из госпиталя, Амитава вспомнил, что Сейбаба сказал ему, чтобы он заглядывал под свою подушку. И вот, переворачивая подушку, он вдруг обнаружил под ней этот самый порошок в небольшой торбочке. Гоуш не мог поверить своим глазам. Каким образом порошок попал под подушку? Амитава был потрясен и решил, что Сейбаба обладает сверхчеловеческим дарованием. Выйдя из госпиталя, Амитава по совету Сейбаба перестал принимать морфий. И боль, которая до приема порошка была нестерпимой, стала с каждым днем постепенно утихать. Амитава начал понемногу есть нормальную пищу и делать маленькие прогулки. Состояние его здоровья заметно улучшалось. Прошло три месяца, и он в приподнятом настроении полетел в Индию. А еще за месяц до этого он договорился по телефону чтобы его поставили в очередь на прием к целителю Сейбаба. Однако после прилета в Индию Гоушу пришлось ждать целую неделю пока он попал на прием.. Все было как в прошлый раз, только это уже было в другом конце Индии и на лужайке сидели другие люди. Амитава оказался где-то в среднем ряду, Сейбаба как обычно шел по рядам змейкой и подошел к нему во второй половине дня. Он расспросил Гоуша, как он себя чувствует, дал ему кулек порошка и сказал, чтобы тот вернулся в Америку и через месяц или два приступил к работе. Целитель сказал, что Амитава почувствует, когда он готов. Больше ничего Сейбаба не сказал. На этот раз он не пригласил Гоуша приехать.

После возвращения домой Амитава пробыл на пособии по потере трудоспособности около двух месяцев и решил вернуться на работу. Но прежде чем это сделать он пошел в Нью Джерси в госпиталь на проверку. И начались чудеса. Там не могли поверить, что это тот самый Амитава Гоуш, который три месяца тому назад должен был скончаться. Врачи недоумевали. Никаких признаков рака не было. Озадаченно сравнивали рентгеновские и другие снимки. То же самое было и в госпиталях Филадельфии. В результате умудренные опытом знаменитые врачи пришли к заключению, что это один из тех редчайших случаев, когда болезнь отстывает, один случай на сто тысяч больных, когда иммунная система начинает распознавать раковые клетки и начинает интенсивно бороться с ними. Почему это происходит, наука пока объяснить не может, а то, что им рассказывает Гоуш, это чистые фантазии.

После этого прошло меньше года, и Гоуш во время отпуска полетел в Индию. Ему захотелось снова встретиться с Сейбаба и поблагодарить его за спасение его жизни. С большим трудом ему удалось добиться приема. Амитава сидел на лужайке в одном из первых рядов. Но на этот раз Сейбаба не остановился возле него, а проходя мимо, сказал Амитава, что тому больше не нужна его помощь.

Видя что я заинтересовался его рассказом, Амитава принес мне на следующий день две книги о целителе Сейбаба, переведенные на английский язык. Первая книга, которая содержала главу о Сейбаба, была вообще об индийской народной медицине. Вторая же книга была полностью о Сейбаба. Интересно что в обеих книгах приводился эпизод о приезде в Индию в двадцатых годах известного советского телепата и прорицателя Вольфа Мессинга и что однажды к нему после представления в числе других подошел подросток, и Вольф Мессинг сразу же обратил на него внимание и после короткой беседы во всеуслышание объявил, что этот мальчик будет великим целителем. Это был Сейбаба. Прочитав это, я вспомнил, что видел Вольфа Мессинга.

Это было во время Великой Отечественной войны, когда я учился в военно-музыкальной школе и случайно оказался на двух представлениях Вольфа Мессинга. Одно из них было в Люберцах в небольшом заводском клубе. На этом заводе праздновали то ли вручение переходящего Красного знамени, то ли еще что-то, и почему-то решили пригласить Вольфа Мессинга. Оркестр нашей музыкальной школы должен был обслуживать это мероприятие, вот так я и оказался здесь. . Вообще, я понятия не имел, кто такой Вольф Мессинг, да и, пожалуй, никто из

Ф. Теперов

сидящих в зале не знал, поэтому особого интереса к представлению не было, однако и свободных мест не было.

Поэтому я стоял возле маленькой сцены и очень хорошо все видел и слышал. Сначала была небольшая лекция о телепатии, в которой я почти ничего не понял. Помню только, что лектор говорил о сверхестественной резонансной восприимчивости у однояйцевых близнецов, и что мысленный контакт между ними происходит даже если они находятся очень далеко друг от друга. Это было непонятно, но аплодисменты были. После лекции на сцену вышла ассистентка и рассказала, как будет проходить представление. Потом она завязала Вольфу Мессингу глаза и спустилась в зал. Насколько я помню, Вольф Мессинг был довольно пожилым человеком, среднего или выше среднего роста, не старым и не худым. Он был в поношенном костюме и с галстуком. В те годы люди с галстуками встречались крайне редко. Ассистентка пошла по проходу между рядами и останавливалась возле того, кто хотел что-то спросить. Она брала его за руку, и после этого тот задавал Вольфу Мессингу вопрос.

“Одна просьба,- говорил Вольф Мессинг,- старайтесь думать о том, о чем Вы спрашиваете”.

И он безошибочно отвечал. Нет, это не было как в старом анекдоте: “Хаим, зейгер, и что у меня в руке?” Нет, это была чистая работа. Я очень хорошо видел каких трудов ему стоило это представление. Он был напряжен до красноты. Вопросы были в основном простые: назвать имя или фамилию того, кто спрашивал, или сказать, что у него в кармане или что он держит в руках. Если это была книга, то спрашивали ее название, на какой странице она открыта или даже просили прочитать верхнюю или нижнюю строчку. Несмотря на то, что это было совершенно уникальным представлением, оно не вызывало у публики особого восторга. Но вот один подвыпивший работяга спросил, как зовут его брата, и Вольф Мессинг долго напрягался и лишь после этого сказал, что у того нет брата, тогда работяга вскочил и крикнул “Здорово!” и все в зале засмеялись. После этого каждый ответ Мессинга встречали бурными аплодисментами.

Но вернемся к Амитава Гоушу. После нашего знакомства он проработал со мной в одной компании не больше года, а потом уехал в Вашингтон, где нашел работу с более высоким окладом. Так что, я его больше не видел, а память осталась.

В ПОИСКАХ ЖИЗНИ (Фантазия в сатирическом соусе).

Сотрудник фармацевтической компании Миша Гузик решил написать научно-фантастическую повесть. Почему ему в голову пришла такая идея? Ну, прежде всего, потому что в настоящее время все пишут. Главным образом, конечно, о евреях, но есть и о любви. А Мише, как говорится, сам Бог велел, так как его школьные сочинения были не хуже чем у других. К тому же, Гузику давно хотелось написать что-нибудь о космических полетах. Ему очень нравились фильмы “Star Trek” и “Star Wars”, и у него созрела идея откликнуться на очень злободневную горячую тему. Гузик знал, что ученые на Земле просто с ума сходят, так им хочется узнать, есть ли жизнь еще где-нибудь во вселенной, а заодно и получить Grant под эту тему. Миша был уверен, что его повесть станет best-seller(ом), и взялся с энтузиазмом за это дело. Он сидел у небольшого письменного стола и водил шариковой ручкой по чистым листкам недавно купленного большого блокнота. План повести был у него практически готов. Выглядел он примерно так: молодой красивый атлетически сложенный астронавт отправляется за поисками жизни в другую Галактику, где ученые обнаружили, или им кажется что они обнаружили, планету, на которой может быть жизнь. Астронавт очень трогательно прощается со своими сослуживцами и со своей красавицей невестой, садится в ракету и – “Ну! Поехали!”

Миша Гузик долго мучился, стараясь придумать подходящее имя астронавту. Имя должно быть звонким и коротким. Наконец Миша остановился на имени Бард, поскольку астронавт должен играть на гитаре, сочинять и петь свои “шлягеры”. Гузик решил, что это очень пригодится, когда будут экранизировать его повесть. А фамилия астронавта пришла сама собой: Орг.

В полете у Барда случаются разные приключения. То группа drive-by хулиганов обстреливает его из лазерных пистолетов, но Орг и царапины не получает в своей пуле- и влаго- непроницаемой ракете. В ответ Бард открывает огонь из своего скорострельного лазерного пулемета, и тех хулиганов как ветром сдуло. В другой раз его чуть не захватывают космические пираты, но Бард включает пятую скорость и легко уходит от преследователей. Потом Орг очень ловко уклоняется от столкнове-

ния с кометами и астероидами, но один раз он чуть не сталкивается с огромной летающей тарелкой. К счастью, она оказалась в другом измерении, то ли в пятом, то ли в девятом. Так что, они пролетают, не коснувшись друг друга. В центре Галактики происходят сразу два инцидента. Сначала Бард чуть не попадает в Black Hole (черную дыру), и только искусным маневром ему удается избежать этой страшной опасности. Потом он теряет целый час из-за пробки, которая образовалась недалеко от центра Галактики. Кажется, там взорвалась какая-то звезда. Только с прибытием космической дорожной полиции удастся рассосать эту пробку. И так далее.

Наконец астронавт достигает цели и садится на этой планете.

И, какая удача! Астронавт обнаруживает там жизнь.

С этого момента Миша Гузик и начал свою повесть. Инопланетяне оказались очень похожими на людей, только одеты они были весьма странно. Как в кинофильме “Star trek”. И что особенно понравилось Барду это то, что все они говорили по-английски, правда, с заметным акцентом, как англичане. Так что, переводчик не понадобился. Инопланетяне приняли Орга очень гостеприимно. За дружеским столом они рассказали Барду удивительную историю. Оказалось что они уже летали к Земле. Первый раз лет сто тому назад по земному времени. Они хотели приземлиться, но там оказались отвратительные болота и страшные комары.

“Вы называете это место Сибирь и Тунгуска,- сказал инопланетянин по имени Вася,- мы решили не приземляться и включили наши сверхмощные ракеты, отчего деревья там вокруг на сотню миль повалились. А вы думаете, что это астероид прилетел. Не вы, а ваши ученые”.

“Потом мы еще несколько раз прилетали,- сказал другой инопланетянин по имени Степа,- мы полетели на другую сторону Земли и покружили немного над городом Вашингтоном. Это место нам больше понравилось. Несколько ваших любителей НЛО видели нас и почему-то растрезвонили будто наш космический корабль похож на сложенные большие две тарелки. Ничего подобного. Наш космолет скорее напоминает пивную бутылку с дном в виде полусферы. И вот, покружив немного, мы решили познакомиться с вашими любителями НЛО, включили наши антигравитаторы и втянули в корабль одного из них, подержали немного и опустили на Землю. Затем сделали то же самое с несколькими другими. Теперь они рассказывают там у вас всякие небывлицы, вроде бы мы выглядим такими удлиненными кривоногими ра-

хитами как ваши Supermodels, демонстрирующие нижнее белье фирмы “Victoria Secret”, и что у нас якобы огромные глаза как у ночных зверьков и почему-то раскосые. И в кино, и на телевидении нас изображают тоже так, даже противно смотреть. Вы сами видите, что это вранье”.

Вообще много интересного рассказали Оргу инопланетяне. Во все это время Бард держал включенной свою кинокамеру и делал снимки цифровым фотоаппаратом, чтобы показать на Земле ученым. После застолья Барду предложили тур на недавно появившуюся на их орбите новую планету, на которой инопланетяне никогда еще не были. Орг согласился, и они полетели туда на легком космическом катере.

Это оказалась очень странная планета. Все люди там жили в переполненных лагерях для беженцев, хотя места кругом было более, чем достаточно. Встретили прилетевших весьма недружелюбно. Дети и подростки забросали их камнями, некоторые из них ходили с поясами, наполненными взрывчаткой, а другие, вооруженные автоматами Калашникова, начали стрелять в воздух и захватили Оргу и его спутников заложниками. Потом эти подростки изменили свои намерения и решили отрубить головы пришельцам. И так бы, наверное, случилось, если бы не явился их главарь по имени Тафара, который на ломаном английском языке вступил с пришельцами в переговоры. Несмотря на жару, голова у него была покрыта теплым клетчатым платком. После короткого представления Тафара сказал, что у них в переполненных лагерях живет пять миллиардов беженцев и что они решительно намерены перебраться на Землю.

“Но Земля не может принять такое количество беженцев. У нас самих тесно”, - сказал Орг.

“Это не проблема, - сказал главарь Тафара, - мы уничтожим землян и поселимся на их местах”. “Впрочем, - добавил он, - сейчас ведутся тайные переговоры. Ваши мудрецы предложили нам сделку под названием “Ослиный Аккорд”. По этой сделке вы отдадите нам всю Землю, а мы за это обещаем не сбрасывать вас всех в море”.

Сказав это, главарь Тафара коварно ухмыльнулся. К счастью, он по каким-то соображениям решил не рубить головы пришельцам, а великодушно отпустил их. На прощание Тафара подарил Оргу пояс, наполненный взрывчаткой, и предложил тому взорвать себя где-нибудь в людном месте на Земле, и таким образом совершить подвиг во славу Великого Нахала. В заключение Тафара с кривой ухмылкой передал привет земным мудрецам.

Ф. Теперов

Эта планета и ее обитатели произвели на Орга и его спутников жуткое впечатление, так что они поспешили убраться восвояси и на том же легком космическом катере полетели на гостеприимную планету.

Минут через сорок Орг был уже возле своей ракеты. Он сердечно поблагодарил инопланетян за гостеприимство и дружески распрощался с ними. Они предложили Барду полететь на их космолете, похожем на пивную бутылку, но Орг вежливо отказался, сказав что привык к своей ракете.

На обратном пути Барду встречались квазары и пульсары, а не архары и улары, как в одной русской книге. Потом он чуть не попал в зону притяжения карликовой нейтронной звезды, после чего его опять обстреляли космические хулиганы. В ответ на это Бард бросил в них пояс, наполненный взрывчаткой, который ему подарил главарь Тафара, и тех хулиганов разнесло во все четыре стороны.

Наконец Орг прилетает на Землю. Его торжественно встречают. Он выступает на сессии Всемирной Академии Наук и демонстрирует фильм, заснятый на далекой планете, ему присваивают звание почетного Доктора Наук и Героя Советского Союза, вручают Орден Почетного Легиона. Ученые получают большие grant(ы) и прыгают до потолка. Астронавт женится на своей невесте, и все кончается веселой свадьбой.

Сочинение научно-фантастической повести, к сожалению, шло медленно, потому что автору все время страшно мешал его ученый друг Эдик.

“Слушай, Миша,- говорил он,- ведь до этой твоей планеты восемнадцать тысяч световых лет или пять тысяч парсеков. Сколько же это надо продуктов, лекарств и всего прочего везти с собой. Это же тысячи тонн.”

“А для чего Эйнштейн? - отбивался Гузик, - Эйнштейн для чего? Об относительности времени ты забыл? Может быть у вас тут на Земле пройдет восемнадцать тысяч лет, а у астронавта в ракете – всего несколько часов. И ему не надо брать с собой тысячи тонн продуктов и прочего. Вполне достаточно будет захватить с собой несколько бутербродов и пару бутылок пива. Астронавт может успеть вернуться домой к ужину.”

“А как насчет невесомости?- спрашивал Эдик,- это же твоему Оргу надо находиться в состоянии невесомости целых восемнадцать тысяч световых лет. Представляешь в каком виде он прилетит на эту планету?”

“Ну, это не проблема,- чуть подумав, отвечал Миша Гузик,- можно взять с собой тренажер или сделать так, чтобы ракета кувыркалась в

космосе и создавала искусственную гравитацию.”

“А что, если на этой планете, куда прилетит астронавт, окажутся разбойники, которые нападут на твоего Барда чтобы убить его или захватить заложником?”- не унимался Эдик.

“В таком случае,- решительно заявил Миша,- можно взять с собой лазерную шпагу и несколько атомных гранат и легко отбиться от нападающих.”

Но вот однажды беспокойный Эдик задал такой вопрос, который поставил Мишу в тупик.

“А кому твой Бард Орг будет докладывать на Земле через тридцать шесть тысяч лет?- бросил вызов Эдик,- ведь за это время на Земле может произойти сто революций и тысяча мировых войн с применением атомного, химического и бактериологического оружия. И давно исчезнут с Земли люди, и будут там хозяйничать обезьяны или крокодилы.”

Миша задумался. Действительно, получается какая-то неувязка.

“Слушай, Эдик,- сказал он,- а что если у Эйнштейна есть маленькая недоработка? А что если при удалении от Земли со скоростью света время идет вперед, а когда к Земле приближаются со скоростью света то время идет назад? И мой астронавт вернется на Землю в тот же вечер или на следующий день. И невеста его не состарится на тридцать шесть тысяч лет, как ты говоришь, а будет такой же молодой.”

В другой раз, когда Гузик только уселся, чтобы продолжить свою научно-фантастическую повесть, примчался возбужденный Эдик и прямо с порога выпалил новое замечание.

“Знаешь, Миша,- сказал он,- мы упустили с тобой один момент. А что, если на этой планете люди дышат не кислородом, как мы, а например, сероводородом. Скажем, вдыхают сероводород, а выдыхают аммиак, или наоборот?”

“Ну, это совсем просто,- невозмутимо ответил Миша,- можно взять с собой кислородную маску и баллон кислорода.”

Таким образом, вместо того, чтобы помогать своему другу, Эдик мешал ему работать, а у Миши и без того был забот полон рот. Больше года тому назад от него ушла жена, и теперь он жил один. Брак их не был удачным. Сразу же после женитьбы стало ясно, что они не сошлись характерами, или как говорят научно: проявилась биологическая несовместимость. А поговорка: стерпится – слюбится оказалась непригодной в этом случае. Если бы у них были дети, это, возможно, снизило бы напряжение, но их единственный ребенок умер во время родов, а

других у них не было. В этом жена почему-то обвиняла Мишу. Она его вообще во всем обвиняла. Перегорит электрическая лампочка – он виноват, купил плохую лампочку. Потечет кран на кухне – он виноват, и так далее. Миша огрызался как мог. Несколько раз они прерывали дипломатические отношения, но разойтись не могли, потому что некуда было уйти в силу жилищной проблемы и прописки. В один из этих периодов Гузику стало известно, что его жена находится в интимных отношениях с их общим знакомым. Если бы это был какой-то неизвестный, то Мише, пожалуй, было бы безразлично, но то, что он знал это ничтожество, как-то задело его самолюбие. Однако он не стал ничего предпринимать. В этом не было смысла и кроме того, он не любил скандалов. Сам Гузик изменял жене лишь эпизодически, в основном во время редких командировок и когда их посылали на сельскохозяйственные работы в колхоз, иногда на несколько дней, а иногда даже на целый месяц. А так вообще он не был бабником. Изредка в их семье наступало затишье, и они начинали жить как все. Но что это была за жизнь! Как говорится, жили чтобы работать. А после работы и в выходные дни надо было стоять в очередях. И за чем только Мише не приходилось стоять: за молоком и хлебом, за цыплятами и овощами, за одеждой и обувью, и даже за туалетной бумагой, которая вполне могла сойти за наждачную. А какие жилищные условия были у них до того, как жена получила наконец однокомнатную квартиру с совмещенным санузлом! Переселение в новую квартиру послужило тому, что у Гузика с женой прекратились ссоры на некоторое время. Надо было сделать ремонт в квартире, доставать мебель, холодильник, посуду и так далее. Это отвлекало. И после каждой удачной покупки они радовались и снова становились мужем и женой. Однако, когда все было куплено и возбуждение улеглось, ссоры возобновились, но теперь уже им не надо было ложиться в одну кровать. Миша мог спать на раскладушке на кухне.

Но вот наступили новые времена. Волна эмиграции, хлынувшая на Запад, втянула в себя и Мишу с женой. Они очутились в сказочной стране Америке. И началась новая жизнь. Здесь было такое, что некогда было ссориться. Изобилие продовольственных и промышленных товаров. Никаких очередей. Никакой жилищной проблемы, никакой прописки. Живи где хочешь. Мише с женой здесь помогли снять квартиру, которая была значительно больше и лучше той, в которой они жили в России. Некоторое время они жили на пособии, и только и делали, что учили английский язык. Но вот жена после нескольких попыток

устроилась на работу, а за ней и Миша. Купили подержанную машину. Что это была за покупка! Миша по несколько раз в день мыл машину и проверял достаточно ли в ней бензина, антифриза, масла и тормозной жидкости. Ведь они никогда не представляли себе, что у них когда-нибудь будет собственная машина. А что творилось со сдачей на права! Оказалось что это не так сложно. И вот они едут на работу на своей машине. Сначала Миша отвозит жену, а потом едет в свою компанию. Поэтому приходится вставать довольно рано. Но какое это удовольствие сидеть за рулем собственного автомобиля!

Прошло несколько месяцев и супруги сняли трехкомнатную квартиру. Здесь были две спальни и одна лишняя комната под названием гостиная. Они ходили по пустой квартире, мысленно расставляли еще не купленную мебель и рисовали схемы расстановок, потом заглядывали в closet(ы) и удивлялись, зачем нужны такие большие шкафы для одежды. О каких ссорах могла быть речь в такой обстановке!

Компании, в которых работали Миша и жена, находились довольно далеко друг от друга. Поэтому спустя некоторое время пришлось купить другую машину, на этот раз новую. Что и говорить, это был настоящий праздник! Знакомые приходили смотреть, и все восхищались новой машиной. И не только это. На столе теперь у Миши с женой была красная икра и ананасы. Казалось бы, что еще человеку нужно? Но, видимо, ко всему можно привыкнуть, даже к изобилию. Все в их жизни изменилось, но ведь Гузик с женой остались теми же самими. И опять начались размолвки, а потом и скандалы. И все из-за пустяков. Например, Миша смотрит по телевизору интересную передачу, и именно в это время жена настаивает чтобы он поехал за покупками. Миша хочет почитать, а жена заставляет его пылесосить и так далее. Но хуже всего было то, что жена не разрешала ему курить в квартире и выгоняла на улицу даже в плохую погоду. Она вообще настаивала чтобы он бросил курить. Справедливости ради, надо сказать, что Гузик несколько раз пытался это сделать. Но без особого успеха. А обстановка в доме накалялась. И вот однажды во время очередной баталии супругов Миша впервые в жизни не выдержал агрессивного поведения жены, толкнул ее, она упала и ударилась головой об стенку. Несколько минут она лежала неподвижно. У Миши душа вошла в пятки. Но вот жена зашевелилась, и он облегченно вздохнул. Еще несколько минут спустя жена встала и, не глядя на Мишу, оделась и ушла. После этого она только один раз приезжала, когда Миши не было дома, забрала свои вещи и

Ф. Теперов

больше не появлялась. Гузик остался один в квартире. Раньше Миша верил, что он будет счастлив, когда такое случится. Но оказалось что это не совсем так. Конечно, теперь он мог курить в квартире и бросать окурки в любом месте, смотреть телевизор и читать, когда ему захочется, однако хорошего настроения почему-то не было. А все потому, что было задето его самолюбие. То, что не он бросил жену, а она его, казалось Мише унижительным, чем-то вроде оплеухи, и он знал, что об этом будут говорить знакомые.

Теперь никто не понукал, не орал на Гузика и не заставлял его делать то, что ему не нравится, и почти все свободное время он проводил в компании друзей. Играли в шахматы, где Миша часто выигрывал, потом играли в настольный теннис, где его почти все обыгрывали, но чаще всего играли в преферанс по маленькой, где было и то и другое. Однажды в их компании появился новый человек. Был он среднего роста, худощав, молчалив и носил очки, похожие на пенсне. Звали его Марк, и лет ему было около сорока. Спустя какое-то время стало ясно, что он не совсем вписывается в эту компанию. Когда его приглашали сыграть в шахматы, он отказывался, а когда его все же удавалось уговорить, он играл безразлично и вроде бы невнимательно. И тем не менее, выиграть у него было невозможно. Почти всех, в том числе и Мишу, он полностью разведывал уже к двадцатому ходу. Кроме того, когда в компании возникали споры, а возникали они по любому поводу, он не принимал в них участия. Только изредка, когда касались серьезных вопросов, он мог вставить несколько фраз, которые полностью обезоруживали спорящих. Узнав о том, что Миша сочиняет научно-фантастическую повесть, он спросил о чем она и немного разговорился.

“А как Вы думаете,- спросил он у Миши,- почему ученые так страстно желают найти жизнь за пределами Земли?”

“Понятия не имею”,- ответил Гузик.

“Это очень просто,- сказал Марк,- ученым кажется, что находка какого-нибудь окаменевшего одноклеточного организма на Марсе или вообще где-либо в космосе будет означать окончательную победу науки над религией. В этом плане они запускают пробные шарики, вроде предположения о том, что жизнь не возникла на Земле, а была привнесена сюда кометой или астероидом в виде одноклеточного организма, который в земных условиях спонтанно развился и образовал генетические коды слона и мухи, аиста и крокодила. И это, по их мнению, опровергает идею божественного происхождения жизни на Земле. А,

между тем, в астрономии и физике элементарных частиц ученые с разных сторон приближаются к Богу. Не к Богу вообще, а к Богу великого еврейского философа Баруха Спинозы. Идея singular или первичной энергии в Black Hole (черной дыре) и является таким приближением. Впрочем, Вас, Миша, это не касается. Научно-фантастическая повесть это не научный трактат”.

Никто не стал с Марком спорить, и все пошли к столу. В общем, в компании было не скучно.

Временами засиживались допоздна. Но вот когда Гузик возвращался домой, ему иногда хотелось, чтобы жена была рядом в постели. Поэтому его друг Эдик познакомил Мишу с одной незамужней дамой бальзаковского возраста или даже постарше. Мише дама не понравилась, ничего привлекательного в ней не было, но по настоянию Эдика он встретился с ней несколько раз. И, вероятно, потому, что она ему сильно не нравилась, у них сразу ничего не получилось. Миша позвонил ей для приличия после этого. Она не ответила, и он был этому рад. А еще раньше Эдик как-то затащил Гузика в бар, где были эти strip-tease girls. Миша почувствовал себя там неуютно, ему не понравилась обстановка, разгул, пьяные хулиганские физиономии и даже эти strip girls. Ноги костлявые, длинные и кривые, бедер никаких, груди как вымя у дойной коровы. Это все было не во вкусе Миши, и он поспешил уйти из бара сразу после одного коктейля и утащил с собой Эдика.

Вскоре после ухода жены Гузик убедился в справедливости поговорки: нет худа без добра и добра без худа. Теперь ему все надо было делать самому: готовить еду и мыть посуду, платить за квартиру и возиться с бумагами, ездить за покупками и прочее. Конечно, сделать себе яичницу или пожарить картофель, это он мог. Но дальше этого его познания в кулинарном искусстве не шли. А для обедов на стороне не хватало денег. Пришлось экономить. Пошли в ход консервы и полуфабрикаты. Все это было таким невкусным. Но это было еще не все. Вдруг на кухне появились тараканы. Раньше этого никогда не было. Бегают со скоростью звука. Миша пробовал избавиться от них с помощью патентованных средств. И каждый раз, когда Гузик прибегал к новому средству, тараканы на день или два исчезали, но потом опять появлялись в еще большем количестве. Миша даже испытал старинное средство и облил всю кухню керосином, который он с большим трудом достал. В результате, на кухню можно было зайти, только в противогазе или сильно зажав нос, а тараканов стало еще больше. Знакомые сове-

Ф. Теперов

товали Мише обратиться в компанию “Terminix”, но при его небольших доходах, он не мог позволить себе такую роскошь, и продолжал войну с тараканами с помощью рекламных средств. А спустя какое-то время возникла новая неприятность - что-то начало кусать Гузика по ночам, то ли клопы, то ли блохи. Миша просыпался, чесался, опять засыпал и это продолжалось всю ночь. Утром он был невыспавшийся и раздраженный. Тогда Гузик с помощью словаря нашел английское название этих мерзких насекомых и купил в магазине средство для борьбы с ними. Это помогло немного. А еще раньше Миша стал принимать снотворное. Теперь он спал лучше, но утром иногда оказывался слегка покусанным. Прием снотворного имел не только положительный, но и отрицательный эффект. Так однажды от действия снотворного он не услышал звон будильника, в результате чего опоздал на работу. Пришлось оправдываться, как принято, ссылкой на якобы дорожное происшествие. В другой раз он спал так крепко, что не успел пойти в туалет и оскандалился. Пришлось бросить простыни в стиральную машину, а матрас и одеяло вытащить на веранду. Хорошо что жены не было в постели. Это был бы такой скандал, что трудно себе представить. В детстве у Миши была подобная проблема, которая называлась недержанием, но это, слава Богу, прошло.

Как-то пришел Эдик и заметил, что в квартире очень грязно. Несмотря на возражения Миши, он пригласил к нему пожилую русскую домработницу, которая привела квартиру в порядок за очень скромную плату. После этого она стала регулярно приходить раз в месяц, и в квартире стало чище. Теперь не стыдно было приглашать друзей.

С тех пор, как Миша начал писать свою научно-фантастическую повесть, он воспрянул духом. Гузик настолько увлекся этим, что иногда работал допоздна, особенно в выходные дни. Потом, когда он ложился спать, Миша долго не мог уснуть. В голове его бродил сюжет повести, и разные варианты возникали даже во сне.

И вот однажды Гузик видит такой сон. Вроде бы он, Миша Гузик, а не Бард Орг, летит к далекой планете. Вдруг Миша замечает, что за ним гонится космическая полиция, которая останавливает и штрафует его за превышение скорости на один миллион долларов. Миша в ужасе пытается сообразить, где он может достать такую сумму. Потом он замечает, что с ракетой что-то не в порядке. Он залетает на космическую ремонтную станцию, где у него за ерундовую починку требуют еще один миллион долларов. Потом он влетает в зону Темной Материи

(Dark Matter) и “дворники” еле успевают очищать от грязи ветровое стекло. Одна неприятность за другой. В такой нервной обстановке проходит его полет. Но вот наконец Гузик достигает цели, опускается на планету и отправляется в поисках жизни. И что вы думаете? Планета оказывается заселенной, но не людьми или животными, а тараканами, клопами и блохами. И что удивительно: все они говорят по-английски и даже без акцента. Миша представился и рассказал им о своей миссии. Потом он сказал, что ему надо взять с собой несколько особей, чтобы доказать ученым на Земле о существовании жизни на этой планете. Однако ни клопы, ни блохи, ни тараканы не согласились лететь на Землю, как Миша их ни уговаривал. Их представитель заявил, что у них есть сведения о том, что Гузик травил их братьев там на Земле. Тогда Миша решил взять их силой. Это было не так просто. Они кусались и разбегались. Гузику еле удалось поймать несколько экземпляров и бросить их в стеклянную банку. Выполнив свою миссию, Миша сел в ракету и полетел домой.

На обратном пути Гузик вдруг обнаружил, что он в ракете не один, что вместе с ним летит его друг Эдик и даже его бывшая жена. Эдик все время дергает его и критикует за неумение управлять ракетой, как он это делал, когда учил Мишу вождению автомобиля перед сдачей на права. “Куда ты повернул? - кричал Эдик, - теперь нам придется пролететь лишних девятьсот световых лет”.

А жена требует, чтобы Миша вышел из ракеты покурить в космическое пространство. Гузик пытается возражать, говоря что это опасно, что с ним может случиться то, что случилось с одним русским космонавтом, костюм которого так раздуло в космосе, что он не мог залезть назад в ракету. А жена продолжает настаивать и выталкивает Мишу из ракеты. И вдруг Гузик почувствовал невесомость! Его друг Эдик рассказывал ему что, во избежание неприятностей, отправление естественных надобностей в состоянии невесомости происходит в вакуумных туалетах. Поэтому Миша поспешил в вакуумный туалет. По дороге он наткнулся на какие-то ящики, но успел добежать. И тут его что-то сильно укусило. Это обитатели далекой планеты вылезли из банки. От укуса Миша проснулся и почувствовал, что в действительности он не успел добежать. К счастью, это было воскресенье и не надо было спешить на работу. Он встал и чертыхаясь стащил простыни и бросил их в стиральную машину, а одеяло и матрас вынес на веранду. Потом Гузик принял душ и пошел готовить себе завтрак. Он сделал себе яич-

Ф. Теперов

ницу с жареной колбасой, выпил чашку крепкого кофе и съел булочку с маслом. Почему-то ему вдруг стало весело.

“Я же еще не старый,- подумал Миша,- у меня же еще все спереди, как говорит Эдик”. И он замурлыкал слова боевой песни “Тремя огнем, сверкая блеском стали,” затем закурил и пошел включать компьютер. Он решил перевести на него свою рукопись. Пора была дать название повести и придумать себе псевдоним. Миша решил дать повести стремительное, зовущее, оригинальное название. “К звездам!” - вот как он назовет свою повесть. А псевдоним ему хотелось сделать двойной, как Мамин-Сибиряк или Ляпис-Трубецкой, но обязательно похожим на иностранный. После того, как Миша отбросил несколько вариантов, он остановился на псевдониме Мир-Азаюров. Гузик был на подъеме. Жизнь была ключом.

ПОСЕЩЕНИЕ ИЗРАИЛЯ (Путевые заметки 2009)

Мы прилетели в Израиль на следующий день после того, как туда прибыл Римский Папа. Не знаю как мы, а Папа Бенедикт XVI произвел там неблагоприятное впечатление. Так в своей речи при посещении мемориального комплекса “Яд Вашем” он ни разу не произнес слов “нацисты” и “убийцы”. А еще до этого он потребовал, чтобы на сопровождавшей его машине “Скорой Помощи” не было израильских опознавательных знаков, то есть не было “Звезды Давида”. Но ладно, как говорится, Бог с ним.

В Израиле мы провели девять дней. Побывали в удивительном городке Сафад (Цфат), а именно в том живописном квартале старого города, который можно назвать “израильским Монмартром”, где живут и трудятся, а также куда наезжают десятки художников. Улица состоит из одних художественных галерей, где выставляются всевозможные произведения искусства израильских художников. В этом квартале кроме художественных галерей есть только старые синагоги: одна Ашкиназийская, а другая Сефардская. В этой синагоге высоко на полках лежат ветхие старые религиозные книги. Кажется, что если к ним дотронуться, то они превратятся в труху. Там же в горах недалеко от Сафада, в историческом Парке Ципори мы осмотрели руины древних поселений и замечательные мозаики разных эпох, среди которых особое впечатление оставила так называемая “Мона Лиза Галилеи”. Направляясь туда и обратно, проехали по Галилее, житнице Израиля. Здесь нет проблемы воды и поэтому нет ни одного клочка необработанной земли. Поля удивительно живописные, картинные, чрезвычайно ухоженные. А вообще в Израиле сейчас серьезная нехватка воды. Было мало дождей, уровень воды в Тивериадском озере сильно понизился, река Иордан почти обмелела и вода в Мертвом море отступила. В стране запрещено мыть автомобили и поливать лужайки. Режим экономии воды распространяется и на жилье вплоть до туалетов.

В один из дней жена поехала любоваться Голанскими высотами, а я с родственником пошел на рынок в Петах Тикве. Надо сказать, что фрукты и овощи здесь выглядят отборными и очень чистыми, несмотря на нехватку воды, и все это аккуратно разложено. Кроме того, на рынке

Ф. Теперов

много разной рыбы во льду. Глаз радуется. Все это выглядит намного лучше, чем у нас в супермаркетах, не говоря уже об овощных магазинах. Странно, но я не видел чтобы здесь кто-то торговался. Возле рынка можно купить разные хлебобулочные изделия. В Америке ничего подобного ни по вкусу, ни по ассортименту нет. И молочные продукты в Израиле очень вкусные. Должен сказать, что шум, крик и оживление на рынке поднимают настроение.

Возле рынка оказались сразу три магазина русской книги, в одном из которых я приобрел несколько томов Паустовского.

На обратном пути мы прошли через небольшой скверик, где я был представлен группе пожилых людей, сидящих на полукруглой скамейке в густой тени большого дерева и оживленно беседующих. В Израиле любое несовпадение мнений разрешается на самых высоких нотах и с применением энергичной жестикуляции. Говорили, конечно, о политике и в основном ругали Натаниягу. .

“А что у вас в Америке об этом думают?” - сразу же спросил меня один из пенсионеров.

“Думают по разному,- ответил я,- но вот моя персональная точка зрения. Бывают две ситуации. Например, горит дом. Тогда, конечно, сначала спасают людей, а потом пытаются спасти дом. А вот другая ситуация. В открытом океане страшный шторм грозит потопить корабль. Тогда надо спасать корабль, а не людей. Без корабля они наверняка погибнут. А если спасти корабль, то и люди будут спасены. Этим занимается Натаниягу. Он хочет спасти корабль – государство Израиль. Подумайте об этом.”

Только один из сидящих на скамейке со мной согласился. Он же сказал: “Ваш Обама это не Мессия, это нечто прямо противоположное”.

Я выразил свое полное согласие с ним, пожал ему руку, и мы ушли домой. По дороге я обратил внимание на рекламу. Она мне показалась многословной, но присмотревшись я убедился что это не так. Просто большинство рекламных объявлений написано на двух или трех языках: иврите, русском и английском, а иногда встречается даже арабская вязь. Есть, правда, и чисто русская реклама. Так, например, на уровне третьего этажа бросился в глаза большой щит, с изображением молодого симпатичного человека, прилично одетого, а ниже большими буквами надпись: “ГЕННАДИЙ БОРЩЕВСКИЙ. Больше дела, меньше слов”. Должно быть, реклама юридической конторы. В другом месте более скромная реклама: “ЗИНА. Гомеопатия. Лечение травами и раз-

ные медицинские услуги”. А на столбе я прочел бумажное объявление: “Сдается комната работающему мужчине без дурных привычек”. Одесские штучки.

Один из наших туров в Израиле оказался не совсем удачным. В бюро путешествий мы выбрали то, что называлось: “Эн Геди и Мертвое море”. Мы уже были в этих местах. Эн Геди это небольшой заповедник с уникальной флорой и фауной и с живописным водопадом, хоть и не обильным, но довольно высоким. А на Мертвое море мы каждый раз приезжали в одно и то же место, где были гостиницы, грязевые лечебницы и очень комфортабельный пляж. И вот рано утром мы выехали на большом туристском автобусе, похожем на огромного барана, к рогам которого прикреплены зеркала. По дороге с одной стороны были голые высоты, а с другой - безжизненная выгоревшая пустыня. И вот в этой безводной местности то и дело неожиданно открывался вид на большие геометрически правильные прямоугольные посадки финиковых пальм. Это, естественно, вызывало удивление и восторг. Пока мы ехали, настроение было хорошее. Но вот мы приехали, и оказалось, что нас привезли не туда, куда мы хотели, а в СПА, которое тоже почему-то называется “Эн Геди”, затасканное место с двумя мелкими бассейнами теплой воды, скромной лужайкой, покрытой выгоревшей травой, и очень скверным обедом.

Заповедник и водопад оказались в нескольких километрах от этого места, и туда шел другой тур, а к Мертвому морю здесь надо было добираться на челночном транспорте.

Мы пошли под палящим солнцем к остановке, куда минут через десять подошел грузовичок, к которому были прицеплены открытые вагончики. И нас привезли к почти дикому прибрежному участку Мертвого моря. Все дно здесь изрезано острой гребенкой окаменевшей соли. Без обуви шага нельзя ступить. Я вошел в воду и купался в своих туфлях, а потом несколько дней отмывал их от соли. Это все надо помнить, чтобы не повторить нашу ошибку.

В этом нашем туре мы проехали через живописный и благополучный на вид город Нетания, а также мимо Герцлии, пригорода Тель-Авива, где живут богатые израильтяне. Здесь почти сплошь роскошные виллы замечательной архитектуры.

Израиль – это смешение народов. Тут тебе и сухощавый смуглый иудей, и скуластый тамбовский парень с кипой на голове, и шоколадный эфиоп с кипой, и явный индус с кипой и так далее. А однажды я

Ф. Теперов

просто не поверил своим глазам. По телевизору шла передача на русском языке. Брели интервью у молодой очаровательной женщины несомненно славянского происхождения. Мне кажется, что внешностью она не уступила бы ни одной голливудской звезде. Настоящая красавица. По выговору это была либо москвичка, либо ленинградка. Я не ошибся – это оказалась бывшая ленинградка, которая, достигнув восемнадцатилетнего возраста, вышла замуж за израильского бизнесмена, перешла в иудаизм (прошла гиюр), нарожала восемь детей, а сейчас является членом израильского правительства (Кнессета) и выражает интересы женщин Израиля. Вот тебе образец израильтянки.

Главной целью нашего полета в Израиль было посещение родственников и друзей. Почти все они прибыли в Израиль в пожилом возрасте, не могли устроиться на работу по специальности, какое-то время подрабатывали, а сейчас живут на государственном пособии. И все они находятся в довольно бедственном положении, в основном из-за квартирной проблемы.

Трехкомнатная квартира может стоить больше тысячи долларов в месяц. А государственную квартиру им пока не удастся получить, хотя они давно уже стоят на очереди. Поэтому они живут в частных квартирах, хозяева которых почти каждый год поднимают рент. Государственной субсидии едва хватает, чтобы покрыть две трети стоимости. Остальное надо доплачивать из собственного кармана, то есть из социального пособия. А этого пособия явно недостаточно, и добиться большего трудно. Я смотрел по телевизору заседание бюджетной комиссии Кнессета. Вот где были разногласия. Эта комиссия заседала всю ночь. Министр финансов, которому Натаниягу очень доверяет, составил бюджет таким образом, что уменьшил расходы на оборону и на социальное обеспечение. Натаниягу пришлось вмешаться. Вместо уменьшения он увеличил расходы на оборону и, помня свой печальный опыт в бытность министром финансов, увеличил расходы на социальные нужды. Теперь надо было где-то урезать. Началась нервотрепка. Урезали в одном месте и добавляли в другое. Потом урезали там, где только что добавили, и латали где-то в третьем месте и так далее. Настоящий “тришкин кафтан”. Только к утру бюджет был кое-как согласован к всеобщему неудовольствию. В общем, похоже что пока государство не в состоянии обеспечить пенсионеров достаточным социальным пособием.

На следующий день после нашего прибытия в Израиль мы поехали в город Ашдод, где живет семья моей сестры, а также мой сводный брат.

Мне нравится Ашдод – красивый белокаменный приморский город. Хороший пляж, широкие прямые улицы, большие площади, стройные пальмовые аллеи. Главная часть города представляет собой ансамбль довольно высоких зданий замечательной архитектуры. Ничто не торчит и ничто не западает. Одно плохо - в Ашдоде летом очень жарко и что хуже всего – туда иногда залетают ракеты террористов.

Из Ашдода мы поехали на автобусе в небольшой городок Мевасерет-Цион, пригород Иерусалима, где живет мой закадычный давний друг. Надо сразу сказать, что мы выбрали не очень удачный день для приезда. Это была пятница. А мой друг, в отличие от меня, является глубоко верующим человеком и свято соблюдает субботу. Пришлось приспособливаться. После дружеской беседы и небольшой трапезы было решено оставить багаж у моего друга, так как в Иерусалиме мы не сможем передвигаться с нашими громоздкими вещами, а тем более, не сможем поехать к Стене Плача, куда мы собрались. А к определенному времени мой друг подвезет багаж к Центральной автобусной станции. Надо было не позже пяти часов вырваться из субботнего Иерусалима. Иначе можно там застрять до конца субботы. Транспорт не работает, все закрыто, гостиницы заполнены в связи с визитом Папы Бенедикта. Мой друг посадил нас на попутную машину, в которой сидело двое молодых веселых парней. Они ехали в Иерусалим и подвезли нас к Центральной автобусной станции. Здесь в Израиле за такую услугу ничего, кроме словесной благодарности, не полагается. Мы поблагодарили их и пошли искать автобус, который идет к Стене Плача. После мытарств, беготни и ошибок мы наконец сели в нужный автобус, и он нас повез через район, населенный хасидами. Улицы чрезвычайно узкие, тротуары не шире “табачной бандероли”, как говорили Ильф и Петров. И это пятница, и одетые во все черное разного возраста хасиды снуют как муравьи в самых разных направлениях, не обращая никакого внимания на транспорт. И лезут прямо под колеса. Мы ехали, если можно так выразиться, со скоростью не превышающей одной мили в час. Только вырвавшись из этого района мы поехали более или менее нормально. И вот мы на площади у Стены Плача. И вдруг перед нами появляется улыбающийся глубоко уважаемый мудрый Ребе Лейзеровский. Для меня это было сюрпризом, но как потом оказалось, это было подготовлено благодаря удачному стечению обстоятельств и отзывчивости доброго Ребе. Он поставил нас лицом к Стене Плача и прочитал благословения по своему молитвеннику. Это была очень трогательно.

Ф. Теперов

Затем после небольшой церемонии мы подошли к Стене Плача, положили ладони на святые камни и вознесли наши молитвы к Богу.

Когда мы вернулись к Центральной автобусной станции, меня ждал новый сюрприз. (Потом оказалось, что это тоже было предусмотрено). Там, куда мой друг подвез наш багаж, стояла машина Скорой помощи “Хацала”(Спасение), а возле нее - Эли Бир, Главный Координатор “Юнайтыд Хацалы”. В машине сидела вся его мишпуха: жена и куча детей, четыре девочки и один мальчик. По пятницам Эли не работает, он проводит время со своей семьей. Несколько лет тому назад в Филадельфии была организована группа волонтеров “Уру Ахим”, в состав которой входит Белла. Эта группа собрала пожертвования от доноров Филадельфии на нужды “Юнайтыд Хацалы”- израильской добровольной скорой помощи - на приобретение дефибрилляторов, пуленепробиваемых жилетов для парамедиков и даже на мотоцикл скорой помощи – эмбюсайкл. Между прочим, такой эмбюсайкл мы увидели в Цфате на улице. Там он, несомненно, более пригоден, чем машина Скорой помощи, так как улицы очень узкие, крутые и много ухабов.

Эли познакомился с моим другом, и оба были рады знакомству, потом мы шумно и весело поговорили, сделали несколько снимков и распрощались с моим другом. Пользуясь тем, что это служебная машина Скорой помощи, Эли завез нас прямо в автовокзал со стороны, где проводят проверку пассажиров. Мы очень сердечно распрощались с Эли и его семьей и пошли на один из последних автобусов, который шел в Петах Тиква, пригород Тель Авива. Когда едешь по дорогам Израиля, нельзя не обратить внимание на множество оливковых рощ. Но как-то между прочим один гид сказал, что семьдесят процентов оливковых деревьев в Израиле находятся под контролем арабов. Тогда я понял, почему в Америке нет израильского оливкового масла.

Теперь надо сказать несколько слов об одном отличии Тель-Авива от Иерусалима. Иерусалим религиозный город, а Тель Авив - космополитический. Здесь в субботу далеко не все закрыто, на дорогах довольно много машин и работают такси. И вот мы с нашими родственниками в субботу взяли большое такси и поехали в приморский пригород Тель Авива, Герцлию. Как я уже сказал, Герцлия – город, где живут богатые израильтяне. В заливе мы увидели множество больших и среднего размера яхт, целый лес мачт, а на побережье рестораны, кафе, магазины. Все открыто, кроме одного или двух ресторанов с надписью “кошер”. А людей видимо-невидимо: молодежь, семьи, старики. Все гуляют, или

сидят в кафе и ресторанах. Мы тоже погуляли немножко, а потом выбрали себе ресторан и попиروвали. Поводов для тостов у нас было предостаточно. Все было очень вкусно, а одним из официантов оказался симпатичный и очень доброжелательный парень из Баку, похожий на азербайджанца, только без усов.

В один из последних вечеров мы поехали в другой пригород Тель Авива, Бат Ям, чтобы вторично познакомиться с двумя бывшими студентами ДИСИ, которые учились там вместе со мной. С того момента, как мы виделись в последний раз, прошло более пятидесяти лет. В таких случаях вежливая фраза: вы мало изменились,- звучит иронически. Надо вторично знакомиться. В этом институте я руководил небольшим эстрадным оркестром, и одной из певиц там была Лариса, с которой я собрался вторично познакомиться. Это была очень хорошенькая девушка с замечательным голосом, а ее муж был рядовым слушателем. Нас приняли как родных. Это была незабываемая встреча. И эта встреча оказалась возможной лишь благодаря Интернету и активной деятельности еще одного бывшего студента ДИСИ, который живет в Филадельфии и который отыскал меня совершенно случайно.

Мы улетали из Израиля со смешанным чувством тревоги и надежды. Накануне в газетах и на телевидении мелькнуло сообщение о том, что в связи с мировым экономическим кризисом экспорт израильской продукции сократился на сорок шесть процентов. Это пугающая, кошмарная цифра. Кроме того, мы знали о росте безработицы в стране. Почти все, с кем мы разговаривали, выражали недовольство и обвиняли правительство. Почему в ВУЗ(ах) дают стипендии арабам, а не израильтянам? Почему дают пенсии семьям погибших арабских террористов на том основании, что эти семьи потеряли кормильцев, то есть тех, кто убивал израильтян? И так далее. Некоторые недовольные израильтяне покидают страну. Нашли лазейку в Канаду. Там принимают на поселение в болотистую, комариную, нездоровую местность. Кто проживет здесь пять лет, получает канадское гражданство. Но все это не имеет массового характера, и жизнь в Израиле идет своим чередом. Осложнение политической ситуации пока не вызывает у израильтян заметной тревоги. Но как и раньше, повсюду много молодежи в военной форме и с оружием в руках. Враги кругом. К тому же теперь нельзя рассчитывать на помощь Америки. Как ошиблись те друзья Израиля, которые голосовали за Хусейна Обаму!

Мы знаем, что Израиль всегда выходил из затруднительных поло-

Ф. Теперов

жений. Не сомневаемся, что он выйдет с честью и на этот раз.

Мы прибыли в Израиль через несколько дней после того, как там отпраздновали шестьдесят первую годовщину образования государства Израиль. И мы надеемся, что в свое время наши внуки и правнуки отпразднуют столетний юбилей десятиmillionного Израиля, независимого и твердо стоящего на своих ногах!

КОНЕЦ

Научно-фантастический рассказ.

Сотрудник Центральной Обсерватории и Летающих Телескопов (ЦОЛТ) Mr. SKI521GB38D45 по кличке “Скиф” проснулся от легкого щекотания пяток. Это включился прибор, который был запрограммирован на это время. Вместе с тем часы начали тихо наигрывать браваурный марш, похожий на музыку древнего композитора Дунаевского. Тут же начал подниматься подголовник, после чего Скиф оказался в сидячем положении. Он спустил ноги на пол, кровать сложилась сама собой и ушла в нишу.

Сразу же после этого открылась дверь, и из коридора в комнату въехал автоматический тренажер, Скиф стал на него, после чего оказался внутри устройства, с помощью которого начал проделывать всякие упражнения. Через пятнадцать минут тренажер выключился и освободил Скифа, затем сама собой открылась дверь, и тренажер выехал в коридор.

Внешность у Скифа была ничем не примечательной. Был он среднего роста, то есть около двух метров, пропорционально сложенный, нос прямой, глаза серого цвета, волосы на голове густые, коротко стриженные и такого цвета, который назывался когда-то шатен. Вообще в толпе Скифа трудно было бы выделить. Все люди были почти одинаковыми. Почему это было так, станет ясным из дальнейшего повествования.

Квартира, в которой жил Скиф, представляла собой два прямоугольных помещения без окон общей площадью около 25 квадратных метров. Окон в высотных домах на этажах выше третьего давно уже не было. Их не делали, потому что это было выгодно и удобно. Во-первых, окна не надо было изготавливать, а во-вторых, мытье окон представляло серьезные трудности. Что касается первых трех этажей, то там были гаражи прокатных автомобилей, затем ремонтные мастерские и еще выше помещения для стиральных и гладильных автоматов. А на этажах выше третьего вместо окон в квартирах внутри были вмонтированы в стены большие экраны, на которых все время показывали то, что можно было видеть из окон второго этажа.

Между тем, не успела закрыться дверь за тренажером, как в спальне у Скифа открылась другая ниша и зажурчала вода. Скиф зашел в нишу, и на него со всех сторон полетели струи воды. Это был душ, джакузи,

массаж и парная одновременно. Минут через пятнадцать вода выключилась, и Скифа начал обдуть сухой приятный воздух. Еще две-три минуты, и Скиф был как новенький. Тут открылись два проема в нише. В одной из них появилось свежее белье, чистая пижама и глаженая рубашка. В другую нишу Скиф бросил то, что он носил вчера.

Второе помещение в квартире Скифа считалось кухней, но было совершенно пустым, как и спальня Скифа днем. Поэтому убрать квартиру Скифа, как и остальные квартиры в этом доме, было чрезвычайно легко. Это делали уборочные автоматы, спрятанные в закрытых нишах. Скиф редко пользовался кухней, он предпочитал завтракать в кафе. Но, когда это было нужно, он нажимал на кухне кнопку, открывался клозет, в котором находились складные стол и стулья. В стенных шкафчиках была одноразового пользования посуда и салфетки, а в углублении стены была встроена плита.

Приняв душ, Скиф надел свежее белье и рубашку, затем выбрал из закрытого клозета костюм и обувь, оделся и вышел в коридор. Там он вошел в лифт и опустился на пятый этаж, где было кафе. У входа в кафе висел на стене компьютерный щит с множеством различного цвета кнопок. Скиф нажал кнопку с номером своего столика, а затем нажал другого цвета кнопку с номером заказа. Пока он входил в кафе, открылась щель в полу, через которую поднялся и раскрылся легкий складной пластмассовый столик с откидным сидением. Как только Скиф сел, к нему сразу же подъехал робот-официант и поставил на столик то, что было заказано, а также одноразового пользования пластмассовый сервиз и салфетки. Вместе с тем робот положил на приставку к столу свежую газету. Рядом со Скифом за соседним столиком уже сидел его приятель по кличке Брит, с которым Скиф поздоровался при входе. Брит жил этажом ниже Скифа в такой же точно квартире. За завтраком между приятелями завязалась обычная утренняя беседа. Жители двадцатого или двадцать первого века вряд ли поняли бы этот язык, на котором говорили приятели. Это был международный язык, сложившийся на базе английского языка с примесью разных других языков и с большой долей сленга.

- Ну, что нового? - спросил Скиф, видя что Брит уже откладывает газету.
- А, тот же креп,- ответил Брит, скорчив брезгливую физиономию.
- А как радиация? - озабоченно спросил Скиф.
- Представь себе, что повысилась, и неизвестно почему, - сказал нахмурясь Брит.

И дальше беседа продолжилась в том же духе. Приятели поговорили о спорте, о развлечениях, о политике, об искусстве, но избегали самой острой темы. Это было табу.

Скиф выпил стакан сока, а затем неторопясь съел омлет из яичного порошка и кукурузные хлопья с молоком, после чего выпил чашку крепкого кофе. Точно такая же еда была у Брита. После завтрака приятели сказали друг другу “Пока” и вышли из кафе. На выходе Скиф нажал кнопку на щите, и его столик сложился и нырнул под пол. А там автоматически остатки еды пошли по одному конвейеру, посуда – по другому, а газета – по третьему. После этого горячие сильные струи воды помыли столик, а турбулентный поток воздуха высушил его. Щель пола закрылась, и никаких следов от завтрака не осталось.

Скиф зашел в лифт и поднялся на крышу здания. Там стоял ряд дирижаблей, некоторые с электрическими моторами, другие с двигателями внутреннего сгорания. Здесь были дирижабли одноместные и многоместные. Возле одного из них теснилось несколько человек и среди них знакомый Скифа по кличке Гало, с которым Скиф часто играл в теннис.

- Что здесь происходит?- спросил он у Гало.

- Старая история,- ответил тот,- опять компьютер забарахлил. В прошлый раз, когда я летел на работу, он показывал, что запаса энергии хватит на сорок километров, а я не пролетел и двадцати, как двигатель перестал работать, дирижабль начал опускаться и зацепился за шпиль телевизионной башни. Обшивка лопнула, и я повис как лошадь Мюнхгаузена, пока спасательный вертолет не снял меня со шпиля. Эта авария обошлась страховой компании в несколько сот кредитов, да и с меня сняли с десятков, хотя никакой вины моей там не было. Такие дела. Вот сейчас механики меняют компьютер. Будем надеяться, что этот лучше.

Скиф понимал сетования Гало, он сам попадал в такие ситуации, и проблема была не столько с компьютером, сколько с горючим для двигателей. Надо сказать, что энергетическая проблема во всем мире была очень серьезной. Давно были исчерпаны запасы нефти, угля, сланцев и тому подобное, а атомную энергию здесь применить было невозможно. Горючее было синтетическим и очень плохого качества, так как на его изготовление шли всякие отходы. Кукуруза, которую использовали для этого в прошлом, теперь была, как говорится, на вес золота. Она стала основным продуктом питания, и ее нехватало. Старались получить энергию, где только можно. Все крыши домов были сделаны из солнечных батарей, и вся верхняя половина дирижабля представляла

собой сплошную солнечную батарею. Ветер и морской прибой были использованы почти до предела. И все равно энергии нехватало. Поэтому дирижабли часто недолетали до цели. А вообще это был самый удобный и безопасный вид транспорта. Дирижабли были наполнены гелием и вес их был практически равным нулю, так что нагрузка на крышу здания была ничтожной. Дирижабли удерживались на крыше с помощью магнитных анкеров.

Скиф сел в один из дирижаблей и полетел в ЦОЛТ. Он был озабочен. Накануне произошел серьезный разговор с его возлюбленной Арле. Скиф вспомнил как они познакомились. Это было ровно семь лет тому назад. Он зашел в спортивный зал, где проходили соревнования по художественной гимнастике. Хотя все гимнастки были почти одинаковыми, одна девушка привлекла его особое внимание. Она была грациозней других, хорошенькая, голубоглазая, светловолосая. После соревнований Скиф познакомился с ней, и они сразу же понравились друг другу. Она была среднего роста, то есть около 185 сантиметров, было ей восемнадцать лет, она была студенткой университета и у нее была очаровательная кличка Арле. Скифу в то время было двадцать шесть лет, и он готовил докторскую диссертацию. С тех пор он и Арле проводили все выходные дни и праздники вместе. Они полюбили друг друга. Если бы это было возможно, то они бы поженились, конечно. Но семья, как единица общества, была давным давно упразднена. Не было никаких мужей и жен, никаких отцов и детей, никаких братьев и сестер. Каждый был сам по себе. И не было никаких родильных домов. Деторождением и выращиванием нового поколения занимался Институт Демографии, весьма секретное заведение. Все мужчины и женщины в определенном возрасте должны были сдавать сюда наследственную жидкость, которая регистрировалась и подвергалась тщательному анализу. Компьютеры проверяли наличие наследственных дефектов вплоть до десятого поколения, а затем производили выбор что с чем комбинировать. После этого выращивали детей как цыплят в инкубаторах. Они росли под строгим надзором, вместе играли, гуляли, учились и занимались спортом. Мальчики отдельно от девочек. В результате, когда они вырастали, юноши все были почти одинаковыми и девушки тоже. Нечто подобное было в древности в фашистской Германии, но тогда это было в значительно меньшем масштабе, технический уровень был не тот, а кроме того, фашистская программа не была завершена, так как Германия проиграла войну, и на этом все закончилось. А теперь

все шло как по маслу. Еще до окончания школы у подростков брали наследственную жидкость, после чего обязательный прием противозачаточных средств входил в ежедневный рацион. После окончания учебы в школе всех выпускников распределяли в зависимости от их склонностей и талантов в высшие учебные заведения. Учеба здесь тоже была бесплатной. Кроме того, бесплатным было проживание в общежитиях и трехразовое питание в студенческих столовых. И вдобавок к этому студенты получали несколько кредитов в неделю на развлечения. Теперь они были относительно свободными, могли заниматься спортом, посещать клубы для молодежи и развлекаться в меру дозволенного.

Здесь надо сказать о том, что в стране да и почти во всем остальном мире не было денег. Их изъяли из циркуляции много лет тому назад. Вместо денег была введена международная система кредитных единиц. С достижением совершеннолетия каждый житель страны получал секретный кредитный номер, который вводился в центральный компьютер, а тот фиксировал все приходы и расходы. Все, кто уже работал и получал достаточное количество кредитов, могли позволить себе все возможные развлечения, за исключением любовных встреч и бронирования номеров в гостиницах. В рабочие дни гостиницы были открыты только для туристов и тех, кто приезжал в командировки. А в выходные дни и праздники гостиничные номера поступали в распоряжение влюбленных и преимущественно жителей города. Так что, свидания с Арле у Скифа проходили только в выходные дни и праздники. Оба с нетерпением ожидали конца рабочей недели и предвкушали удовольствие от общения друг с другом. В прежние времена, когда была семья, муж с женой ложились в постель каждый день, и ничего особенного в этом не было, это было рутинной. А теперь это было праздником и каждый раз это было новым. После работы в пятницу Скиф брал напрокат автомобиль и ехал за Арле. Она бросалась ему на шею, они целовали друг друга и не могли насладиться встречей. Потом они ехали в гостиницу, где Скиф всегда бронировал один из лучших номеров. Его кредитный баланс позволял это делать, так как он был не простым служащим. В гостинице они приводили себя в порядок, переодевались и спускались в ресторан. Там у Скифа и Арле был свой уютно расположенный столик в углу. Скиф заказывал самые дорогие блюда, включая редкие деликатесы, а также лучшее вино. После ужина они пили Шампанское и отправлялись в номер. А там это было настоящее блаженство, эйфория.

И вот в прошлый раз когда они, насытившись друг другом, лежали

Ф. Теперов

в истоме, Арле вдруг спросила:

Милый, скажи мне, сколько нам еще осталось таких счастливых дней?

Арле, дорогая, я же просил тебя не касаться этой темы,- ответил Скиф,- Я не могу тебе ничего сказать. Я под клятвой дал подписку о неразглашении. Все мы знаем, что у стен есть уши. Если я хоть слово скажу об этом, то ни меня, ни того, кому я скажу, ничего хорошего не ждет. У нас был один такой случай. Поэтому не спрашивай меня больше об этом.

Арле уткнулась в подушку и заплакала. Скиф пытался ласками ее успокоить. Через несколько минут она вытерла слезы, прижалась к нему и затихла. Потом все вошло в норму. Ночь прошла в упоении. Как у Беранже: “Сколько раз мы принимались отпылавши вновь пылать”. Они были счастливы. Утром встали, приняли душ, оделись и спустились в ресторан, где с аппетитом позавтракали. Ели овощи, рыбное филе и фрукты. А потом был настоящий кофе. После завтрака Скиф и Арле играли в теннис, плавали в бассейне, упражнялись в гимнастическом зале. Потом был вкусный ленч, после которого Скиф взял напрокат машину, и они поехали на озеро. Там они катались на яхте, бродили по парку, отдыхали на шезлонгах и беседовали. Здесь Арле рассказала Скифу любопытную историю.

У нее есть подруга, с которой они вместе выросли и которая работает в Институте Демографии. Та ей под большим секретом поведала, что у них появились два сросшихся эмбриона. Это вызвало переполох. Начали искать виновного. Сначала предположили что в систему попала отбракованная наследственная жидкость, потом то, что забарахлил компьютер. После долгих расследований пришли к заключению, что наследственный дефект не проявлялся у последних десяти поколений и что компьютер не виноват. Этот дефектный эмбрион немедленно отправили в дезинтегратор, как это делали и в предыдущих подобных случаях. А вообще, если у эмбриона замечали какой-либо незначительный дефект, то его не отправляли в дезинтегратор, а посылали во Второй Центр Института Демографии, который находился в закрытой промышленной зоне. Там тоже были детские заведения и школы, но только один университет. Потому что здесь готовили главным образом рабочих разных специальностей, в том числе и сельскохозяйственных. Условия жизни здесь значительно хуже чем в другой части страны. Хуже питание и медицинское обслуживание и значительно короче продолжительность жизни. В этой зоне наряду с нормальными людьми

встречаются низкорослые, хилые и даже умственно неполноценные. В Древней Спарте детей, которые рождались с пороками, бросали в пропасть, а здесь таких детей, когда они вырастают, заставляют работать на разных предприятиях, в том числе, на цементных и других заводах по изготовлению строительных материалов. Иногда у некоторых из них проявляются выдающиеся умственные или какие-то другие способности. Такие индивидуумы получают возможность стать учеными или мастерами искусств. Ученым предоставлены лаборатории и все необходимое для научной деятельности, но выйти из зоны они не могут. Все контакты с другими учеными в их области осуществляются по Интернету. Мастера искусств могут выйти из зоны на короткое время чтобы продемонстрировать свои картины или скульптуры, а музыканты и певцы могут выступить на концерте, но сразу же после этого должны вернуться в зону, которая, между прочим, имеет повышенную радиацию.

Рассказ Арле не произвел на Скифа ожидаемого впечатления. Он уже знал об этом. К вечеру они вернулись в гостиницу и все повторилось как накануне. Но на следующее утро уже не было предвкушения счастья. После полудня они должны были освободить гостиницу и расстаться. Поэтому оба погрузстнели. Хотя до следующего свидания было всего пять дней, расставались они как навсегда.

Несмотря на то, что Арле больше не касалась запретной темы, горький осадок остался. Скифа тревожило то, о чем спрашивала Арле. Вообще этой теме запрещено было касаться уже много лет, чтобы не создавать паники и истерики у населения. Ни в газетах, ни на телевидении, ни по радио об этом ничего не сообщалось. И такая ситуация была не только у них, но и у двух других сверхдержав, которые образовались в результате глобальных мировых войн. Первая глобальная война, которая получила название “Религиозной”, была затеяна мусульманскими странами против цивилизованных и унесла сотни миллионов человеческих жизней. Вторая война, которая получила название “Полярной”, разразилась за обладание Северным и Южным полюсами, где еще сохранились природные богатства. Войны шли с применением всех видов оружия массового истребления. Во многих странах “Религиозная” война сопровождалась еще и гражданскими войнами, которые инициировались мусульманским населением. С громадными потерями в результате все же победила цивилизация. “Полярная” война втянула в себя все большие страны и сократила численность населения Земли еще на несколько сот миллионов человек. Но это все было еще полбеда. Хуже

всего было то, что многие густо заселенные до войны области земли стали непригодными для жилья по причине чрезвычайно высокой радиации. Весь Ближний Восток от Турции до Пакистана и Северной части Индии, а также вся северная часть Африки стали необитаемыми. То же самое случилось с Западной Европой и частью Восточной. Пригодными для жилья остались только Скандинавские страны, Исландия и Гренландия, а также Сибирь. В Америке только Средний Запад не оказался в зоне поражения. Посевные площади сократились настолько, что это вызвало голод. Массовое переселение людей с Запада и Востока в Центральную часть Америки явилось причиной того, что здесь начали плотно строить только сверхвысокие небоскребы с тем, чтобы оставить место для посевных площадей. После этих войн человечество несколько образумилось, и все виды оружия массового поражения больше не применялись, хотя изготовление их продолжалось из-за недоверия между ведущими странами. Таким образом, во всех остальных войнах, которые шли в основном за захват пригодных для жилья площадей, такое оружие не применялось.

Результатом этих войн явилось то, что изменилась политическая структура мира. Образовались три сверхгосударства: ОСС, ОКС и ОРС, то есть Объединение социалистических стран, Объединение коммунистических стран и Объединение развивающихся стран. Скиф жил в ОСС в Центральной части бывшей Америки. Он был одним из немногих специалистов, хорошо осведомленных о том, что происходит во вселенной и что может принести мировую катастрофу. Еще два года тому назад он обменивался по интернету информацией об этом со своим коллегой из ОКС по имени Чен Ли Ляхов. Но с тех пор все каналы были закрыты и все, что касается этого вопроса, стало табу. А суть возможной грядущей катастрофы заключалась в следующем.

Еще несколько столетий тому назад астрофизики заметили, что период обращения планеты Меркурий увеличился с восьмидесяти восьми почти до девяноста дней. Аналогичное явление было обнаружено у планеты Венеры и даже на Земле - високосным стал не каждый четвертый, а каждый третий год. Объяснялось это тем, что масса Солнца, которое непрерывно излучает в мировое пространство огромное количество энергии, уменьшается. Широко известная формула Эйнштейна: $E = Mc^2$ из его Теории Относительности отражает эту зависимость. А по Ньютонскому Закону Всемирного Тяготения с уменьшением массы тел уменьшается гравитация, в том числе притяжение планет к Солнцу.

В результате, орбиты планет и период их обращения вокруг Солнца увеличивается. При этом следует иметь в виду, что скорость движения планет не изменяется. И может наступить такой момент, когда гравитация не удержит больше планету на орбите, и та унесется в космическое пространство. Такой момент по расчету астрофизиков приближался. Планета Меркурий вот-вот должна сойти с орбиты. А это грозит катастрофой космического масштаба. Хотя по размеру Меркурий в три раза меньше Земли и его масса не превышает 6% земной массы, его столкновение с любой из трех близлежащих планет будет означать конец их существованию. Скорость движения Меркурия почти 48 км в секунду. В сочетании с массой это кошмарная энергия. Кроме того, Меркурий состоит из железа и никеля, и это еще больше осложняет проблему, потому что в атмосфере Земли и даже Венеры он не разлетится и не сгорит.

Скиф участвовал на узких закрытых собраниях, где пытались решить вопрос о том, можно ли что-либо предпринять для спасения. Уже много лет тому назад были запущены искусственные спутники Солнца, которые с тех пор позволяют непрерывно следить за поведением Меркурия. Самые сложные компьютеры работают почти непрерывно и дают множество различных ответов в зависимости от момента и точки схода Меркурия с орбиты и от расположения планет в этот момент. Статистически почему-то получается, что вероятность столкновения с Венерой равна приблизительно 20%. Та же самая вероятность столкновения с Марсом и Юпитером, а вот с Землей – целых 30%. Трудно себе представить что творилось бы, если бы такая ситуация сложилась в древних, так называемых, демократических странах. Какая нервная говорильня со вспышками драк возникала бы в конгрессах и парламентах и какую непрерывную истерику закатила бы пресса. Ведь вопрос был бы не в том, где взять деньги и кому дать деньги, а о выборе нескольких человек из сотен миллионов, которые будут спасены, в то время как все остальные погибнут. К счастью, теперь, когда страной правила кучка партийных руководителей, все было шито-крыто. На совещания этих вождей привлекались только узкие специалисты, которые обязаны были под страшной угрозой хранить в тайне все, что они знают. А представители прессы вообще не допускались на эти совещания и не получали о них никакой информации. Что и говорить, тут было о чем подумать. Ведь изготовлено было всего несколько ракет более или менее пригодных для того, чтобы доставить на планету Марс

Ф. Теперов

не более ста человек. Значит, прежде всего надо было решить вопрос о том, как предотвратить восстание, бунт, революцию, если это станет известно широким массам. Тогда никто не сможет улететь и все погибнут. Это делало необходимым включение в число спасаемых министра вооруженных сил и министра внутренних дел, а также их ближайших помощников. Разумеется, в таком случае придется включить в этот список и их подружек. И самые главные спасаемые, конечно, должны быть члены хунты, правящие страной, их любовницы и любовники и, хотя бы один врач с ассистентом в каждой ракете, а также необходимый технический персонал – ведь лететь придется несколько месяцев. Кроме того, вожди партии понимали, что для сохранения жизни во вселенной необходимо взять с собой несколько здоровых молодых людей, преимущественно женщин, которые на Марсе создадут подобие древних семей и будут делать все для прироста численности населения. Все это далеко выходило за пределы возможного количества спасаемых. Положение осложнялось еще тем, что одну готовую ракету надо было использовать для непилотируемой доставки на Марс двух-трех самоходных тележек, а также оборудования для добычи воды и другого необходимого оборудования для устройства жилья. Это была головоломка.

Тем временем к двум последним совещаниям был подключен по закрытому каналу Интернета выдающийся ученый по кличке Идоф, проживающий в закрытой зоне. Вот как он ответил на вопрос присутствующих на митинге членов правительства и ученых.

Чп. Какова Ваша позиция по этому вопросу?

Ид. Рассматривать надо два возможных варианта: прямой удар по Земле и удар по любой другой планете. В случае гибели Земли, единственное спасение для немногих это колонизация Марса. Известно, что до сих пор попытки такой колонизации оказались не очень успешными. Но другого выхода нет. Надо надеяться, что на Марсе еще сохранились те сооружения, которые были там установлены. На Марсе можно добыть воду, которая также может служить источником для получения энергии и кислорода. Обосноваться там будет очень нелегко, но это возможно. Что касается удара по Венере или Марсу, то осколки могут попасть в зону притяжения Земли и причинить громадные разрушения, но это не уничтожит жизни на Земле.

И далее обсуждались различные варианты, в том числе и известная в науке концепция Идофа о поисках нового Солнца. Идоф считал, что Солнце разбухает от потери массы и не так уж далек тот день, когда

оно взорвется, и это будет концом всей солнечной системы и концом жизни. Чтобы спастись надо собрать все существующее ядерное оружие и произвести последовательно серию направленных взрывов с тем, чтобы сорвать Землю с орбиты и направить ее в сторону ближайшей звезды, каковой является Альфа Кентавра. Расстояние до этой звезды четыре с половиной световых года. Если удастся разогнать Землю до одной тысячной доли скорости света, то есть до 300 км /сек, то лететь туда придется почти 5,000 лет. Такой длительный полет является вполне возможным, так как гравитация удержит атмосферу и будет чем дышать, кроме того, не будет проблемы с водой. А защитить себя от очень низкой температуры космического пространства можно, если построить закрытые подземные города с парками и бассейнами, и при этом энергию для обогрева и освещения получать от атомных электростанций. Так что, жизнь на Земле в это время будет почти нормальной и человечество будет спасено.

Известно, что ранее эта идея обсуждалась, но к сожалению, была отвергнута по причине того, что ни ОСС, ни ОКС не хотели отдавать на этот проект все свое атомное оружие, боясь что другая сторона воспользуется этим и захватит их территорию.

Скиф приходил с этих совещаний домой в подавленном состоянии. Он понимал, что в худшем варианте на спасение рассчитывать нечего, но думать об этом не следует. Ведь не думаем же мы все время о смерти, хотя знаем что когда-нибудь это случится. Поэтому после работы, отдохнув немного, он принимал душ, переодевался и спускался на сорок второй этаж, где был клуб. Там он встречался и беседовал со своими приятелями, пил коктейли и слушал музыку, играл на бильярде и в покер, а иногда играл в шахматы. Время летело быстро.

Его подруга Арле была врачом. Теперь это была больше техническая специальность чем эскулапская. Все делали компьютеры. У Арле была обязанность дважды принять в течение года полторы тысячи женщин. Прием заключался в следующем. Каждая пациентка после регистрации заходила в блок, в котором автоматически производились разного рода медицинские обследования. Здесь древний MRI выглядел бы динозавром. Результаты обследования молниеносно попадали в главный компьютер, который делал заключение и выдавал полную информацию врачу. А врач поступал в полном соответствии с рекомендациями компьютера. В случае, если произошла где-то ошибка, то пациент не мог жаловаться на врача, и адвокату здесь нечего было делать. Ведь с

Ф. Теперов

компьютера ничего не получишь. Поэтому профессия адвоката практически исчезла, а к тому же ошибки здесь случались чрезвычайно редко.

Арле жила в другой части города в такой же квартире как и ее возлюбленный Скиф. Но в отличие от Скифа Арле всегда завтракала и часто ужинала у себя в квартире. Она любила готовить, особенно летом, когда были свежие овощи и фрукты. После работы она с удовольствием возилась возле своей электрической плиты. Кухонные автоматы помогали приготовить еду очень быстро. Когда Арле с аппетитом ужинала, она часто думала, как здорово было бы, если Скиф мог попробовать ее еду. Но это было исключено. Вход мужчин в женские корпуса и наоборот был строго запрещен. С одной стороны считалось, что для высокой производительности труда нужен полный отдых, а с другой стороны - воздержание считалось полезным для здоровья.

В рабочие дни по вечерам Арле ходила в женский клуб, где был рояль и можно было поиграть. Вообще, в соседних домах было несколько разных клубов, в том числе студенческий клуб, где был большой танцевальный зал и где молодежь могла под современную музыку попрыгать и подергаться. Кроме того, здесь был недорогой бар с легкой пластмассовой посудой и небольшими пластмассовыми бутылками. Так что, когда возникали драки, а возникали они часто, то никакого серьезного членовредительства не было. Ведь не только огнестрельного, но и холодного оружия, сюда пронести нельзя было. В этом же клубе были задние комнаты, куда влюбленные, и не только влюбленные, могли пойти на часок за определенное количество кредитов. Для работающих такие комнаты были открыты только в выходные дни и на праздники. В каждом небоскребе был также клуб для пожилых людей, где можно было поиграть в карты, побеседовать или посидеть у огромного экрана телевизора.

Что касается пенсионеров и инвалидов, которые нуждались в постоянной помощи, то их отправляли в закрытую зону, где они жили в отдельных крохотных комнатах и где им оказывали минимальную необходимую помощь. В общем, все было продумано.

Так шло время. Смертельная угроза, о которой народ ничего не знал, становилась все более реальной. Правительства ОСС и ОКС лихорадочно и тайно готовились к спасению, а в ОРС ничего об этом не знали и заботились только о получении помощи от ОСС, так как от ОКС ничего кроме оружия получить не удавалось.

И вдруг поползли слухи. Источником их, кажется, была подружка

одного второстепенного члена правительства, которого не включили в основную группу спасаемых и который должен был лететь на пока еще не изготовленной ракете. Этот член правительства от расстройства чувств поведал об этом своей подружке, а та не умела держать язык за зубами, и пошло. Сказанное распространялось как цепная реакция с поразительной скоростью и при этом изменялось до неузнаваемости. В одном месте говорили об ожидаемом страшном землетрясении и цунами, от которого пойдут волны высотой в один километр и затопят все, и что правительство прячется высоко в горах. В другом месте говорили, что к Земле приближается комета или огромный астероид, которые разнесут все в щепки, и что правительство прячется под землей в специальном бункере. В третьем месте говорили, что на Землю нападают какие-то пришельцы из далеких миров, вооруженные небывалым страшным оружием, и что члены правительства собираются улететь на ракетах. Надо сказать, что как только слухи начали распространяться, незадачливый член правительства, нарушивший обет молчания, и его подружка были арестованы и исчезли. Чтобы погасить расплзающиеся слухи, правительство вынуждено было опубликовать коммюнике якобы на запрос какого-то журналиста. В коммюнике говорилось о том, что эти ложные слухи являются происками враждебных сил, которые пытаются внести сумятицу в нашу мирную жизнь и ослабить обороноспособность нашей страны. Ничего подобного нам не угрожает. Так что не надо поддаваться этим провокациям и продолжать трудиться на благо родины.

В один из дней после того, как слухи распространились по всей стране, Скиф встретился в кафе со своим приятелем Бритом, и тот после обычных приветствий, показывая на газету, сказал:

“Я понимаю твое положение, и я сам вел бы себя точно таким же образом. Ты ничего не должен говорить, ты только моргни, если это серьезно”.

Скиф на мгновение замялся, но потом пересилил себя и моргнул.

“Я так и думал,- сказал Брит,- дыма без огня не бывает”. И он замолк.

Скиф понимал, что при встрече с Арле нужно будет говорить, а не моргать. Так и случилось. Их встреча как всегда была радостной, но на этот раз Арле не скрывала своей тревоги. Когда они ехали в машине, она еще сдерживалась, но как только они прибыли в гостиницу, Арле сказала:

“Ну, теперь, любимый, ты можешь ответить на мой вопрос?”

Ф. Теперов

Перед тем, как встретиться с Арле, Скиф продумал, что ему следует сказать, и он ответил:

“Арле, дорогая, мы знаем, что все в этом мире имеет определенную степень надежности. Когда мы отправляемся куда-нибудь на самолете, вертолете или автомобиле, то по статистике есть шанс, что мы попадем в аварию. Может быть, небольшой, но такой шанс есть. Когда мы утоляем голод или жажду, есть шанс, что мы отравимся. На войне вероятность того, что солдат погибнет, чрезвычайно высокая. Тем не менее, многие возвращаются с войны невредимыми. И я надеюсь, что страшная угроза, о которой ты спрашиваешь, не станет реальностью. Поверь мне, она не превышает тридцати процентов. Короче говоря, есть более семидесяти процентов шансов, что все будет нормально и мы доживем с тобой в любви и согласии до глубокой старости. Так что, моя милая, не надо тревожиться. Я верю, что все будет хорошо”.

Арле с восхищением посмотрела на своего возлюбленного, успокоилась и улыбнулась.

Здесь надо сказать, что как только в ОСС поползли слухи о грядущей катастрофе, правительство ОКС немедленно прервало все коммуникации с ОСС. Спутники связи были нейтрализованы, радио волны встречали преграды в виде мощных глушителей и телефонные переговоры были совершенно исключены. А в ОСС “джина выпустили из бутылки”. Волнения начались в закрытой зоне, где тысячи рабочих были заняты в производстве и монтаже ракет. Было очевидно, что здесь происходит что-то странное. Обычно к запуску готовили только одну ракету, а теперь было похоже, что собираются запустить сразу чуть ли не дюжину. И как только начались волнения в закрытой зоне, никакой информации о том, что там происходит, невозможно было получить. А там появился лидер, который организовал что-то вроде забастовки. Сразу же после этого в зону были введены специальные войска, которые арестовали бастующих рабочих, и роботы были поставлены для охраны всех готовых и строившихся ракет. Сведения об этих событиях каким-то образом просочились за пределы закрытой зоны, и возникла угроза что тайное может стать явным, и тогда наверняка произойдет бунт или даже революция, и члены правительства, задумавшие спастись, погибнут еще раньше чем все остальные. Поэтому было опубликовано новое коммюнике, в котором говорилось о том, что уже давно в стране и во всем мире ощущается острый недостаток редкоземельных металлов, которые необходимы при изготовлении компьютеров, телеви-

зоров и другого электронного оборудования. Такие металлы в изобилии были обнаружены на Марсе еще в прошлом веке. В настоящее время готовится большая научно-техническая экспедиция с целью организации добычи и доставки с Марса на Землю этих жизненно необходимых для страны редкоземельных металлов. Между тем, в последнее время вокруг этого предпринимательства враждебные силы начали строить и нагромождать целые горы лжи. Наши недруги пытаются вызвать беспорядки в нашей стране и тем самым ослабить нашу обороноспособность, создают лживые легенды и распускают панические слухи в расчете на наивных и доверчивых людей. Коммюнике заканчивалось призывом разоблачать паникеров и с еще большим энтузиазмом трудиться на благо родины.

Трудно предсказать, как события развернулись бы дальше, если бы не информация, которая вдруг стала поступать от одного из спутников, следящих за движением Меркурия. Было похоже, что планета Меркурий сошла с орбиты. Компьютеры сразу же стали показывать вероятную траекторию движения планеты. Венера была вне опасности, так как Меркурий удалялся от нее, а вот к Земле он приближался, но по показаниям компьютеров не настолько, чтобы врезаться в нее, а только чтобы пролететь достаточно близко, так что гравитация Земли как праща бросит Меркурий прямо на столкновение с Марсом. Однако как говорится: “На Бога надейся, а сам не плошай”. Все выдающиеся математики Вычислительного центра вручную проверяли показания компьютеров. Получалось то же самое. Земля была спасена. Теперь все телескопы были направлены на приближающийся Меркурий, который по расчетам через два с половиной месяца должен столкнуться с Марсом, и обе планеты перестанут существовать.

Теперь Скиф мог позволить себе некоторые вольности. Когда он в очередной раз встретился на теннисном корте с Гало, который имел крупную информацию о происходящем, и тот, как обычно, спросил, есть ли хорошие новости, Скиф в отличие от предыдущих встреч кивнул положительно, а не отрицательно. Гало раскрыл широко глаза и развесялился. А встреча с Арле была просто неопикуемой. Скиф сразу же сказал после первых объятий, что теперь все будет хорошо и что у них есть повод по-настоящему отпраздновать сегодня свое будущее. Арле рванулась, обхватила Скифа за шею и от радости начала плакать. Их встреча прошла как в сказке. А еще раньше в кафе при встрече с Крисом, когда Скиф в ответ на его традиционный вопрос не моргнул, а

Ф. Теперов

улыбнулся, тот прямо засиял от счастья.

Теперь правительство, во избежание неприятностей, решило опередить события и от имени ЦОЛТ опубликовало сообщение о том, что в ближайшие два месяца мимо Земли пролетит большое небесное тело, которое станет видимым невооруженным глазом. Сначала оно появится в виде движущейся точки, потом вырастет чуть ли не до размеров Луны, а потом станет уменьшаться и исчезнет. Желающие наблюдать это феноменальное явление в телескопы могут прислать свои заявки в ЦОЛТ, и первые приславшие по мере возможностей будут допущены в наблюдательный центр. В обстановке растущего недоверия к правительству это сообщение вместо любопытства вызвало тревогу.

Прошла всего одна неделя, и на небесном своде появилась новая звезда, которая росла в размере и стала видна просто невооруженным глазом. А через некоторое время, когда на небе появилась вторая луна, в народе начались волнения. Дошло до того, что в закрытой зоне какие-то отсталые элементы, глядя на две луны, интуитивно производили какое-то подобие крестных знамений.

А вообще, никаких религий ни в ОСС, ни в ОКС давно не было. Что касается ОРС, то там творилось нечто-то невообразимое. Глобальные войны и развитие наук привели к тому, что первым исчезло с исторической арены мусульманство, проигравшее религиозную войну, и так как залежи нефти на Ближнем Востоке были исчерпаны. За ним исчезли буддизм и христианство вначале католичество, а за ним и протестанство. Последним исчез иудаизм, который частично растворился в науке. Никакие синагоги, мечети, соборы и церкви не функционировали. А в тех сохранившихся зданиях, где когда-то молились, теперь были музеи, библиотеки и даже театры.

Прошло не более недели, после появления “второй луны” как она стала уменьшаться в размере пока не превратилась в звездочку, а потом и вообще перестала быть видимой невооруженным глазом. Народ успокоился, а в ЦОЛТ возбуждение нарастало. В древности астрономы наблюдали как астероид Шумейкера врезался в Юпитер, и это вызвало сенсацию во всем мире. А теперь должно было произойти нечто глобальное и значительно более серьезное. И не удивительно, что в ЦОЛТ все были прикованы к телескопам. Прошло около трех недель, и наступил день, когда это произошло. На глазах наблюдавших два почти одинакового размера небесных тела столкнулись, произошел чудовищный взрыв, и обе планеты рассыпались в космическом пространстве.

Наблюдавшие этот феномен пришли в сильное возбуждение, а у правительства появилась возможность без потерь выйти из затруднительного положения. Было опубликовано сообщение о том, что пролетевшее мимо Земли огромное небесное тело вчера столкнулось с планетой Марс и практически уничтожило ее. Поэтому планируемые полеты на Марс с целью добычи и доставки на Землю редкоземельных металлов полностью потеряли смысл. Однако готовые ракеты могут быть использованы для полетов на Луну, где также были обнаружены нужные стране редкоземельные металлы. И труд наших строителей ракет как всегда будет полезным и нужным для страны.

Сообщение правительства заканчивалось предупреждением о том, что осколки от столкновения небесных тел примерно через два месяца могут попасть в зону притяжения Земли и что нужно будет принять меры предосторожности, о чем в свое время будет дано сообщение.

Ученые не ошиблись. Прошло около двух месяцев как на Землю начал падать “метеоритный дождь”. Большинство метеоритов сгорало в атмосфере, но самые большие осколки то ли Марса, то ли Меркурия падали на Землю раскаленными глыбами и причинили немало вреда. Конечно, были приняты все меры предосторожности, но один большой осколок упал на авианосец и того не стало. Другой огромный метеорит упал на большой промышленный город на Урале и стер его в порошок. Но в основном метеориты, к счастью, падали либо в океан, либо на безлюдные участки земли. Человеческих жертв было не так уж много. В общем, можно считать, что все закончилось более или менее благополучно. Однако оставались другие не менее серьезные угрозы, и бежать теперь было некуда. Надо было серьезно заняться предложением ученого Идофа и сделать все возможное чтобы вывести Землю из пределов солнечной системы, а затем попытаться сделать Землю спутником другой звезды, каким она была у Солнца.

А король то голый!

Г. Х. Андерсен

КОЧКА ЗРЕНИЯ

Если бы мне нужно было изобразить науку в геометрической форме, то я, пожалуй, предложил бы бесконечную коническую спираль. Наука всегда развивалась по Гегелевскому диалектическому принципу: тезис-антитезис-синтез. Она обращена вовне. И как познание вечной и бесконечной природы, наука тоже, разумеется, бесконечна.

Что же касается искусства, то здесь, по-видимому, больше всего подошла бы замкнутая волнистая кривая. Искусство обращено внутрь, и, как дело рук человеческих, имеет свои пределы и время от времени возвращается на круги своя.

Взять, к примеру, живопись. Один из ведущих художников двадцатого века Пикассо после всех этих периодов, когда он рисовал все одной краской, Пикассо обратился к примитивной живописи африканских племен. А его нашумевшая “Герника”, если отбросить политическую подоплеку, напоминает пещерные рисунки первобытного человека и по мастерству нисколько не превосходит их.

Что касается скульптуры, то и здесь наблюдается подобное явление. Самый известный ваятель двадцатого века Роден во многих своих творениях (например, скульптура Бальзака) стоит ближе к примитивным каменным идолам на острове Пасха, чем к “Давиду” или “Моисею” великого Микеланджело.

Исторически большое искусство всегда было делом избранных для избранных. В период Ренессанса, например, художник или скульптор, получив заказ от Папы Римского или от какого-нибудь Медичи, создавал свои творения для украшения Ватикана или хоромов Лоренцо Великолепного. При этом он был практически свободен в своем творчестве.

И свободными были, конечно, материально независимые художники, которые творили для себя.

Однако, начиная с девятнадцатого века, в искусство хлынула масса разночинцев. Эти, как правило, не получали заказов и не были материально независимыми. Они не могли себе, например, позволить как Леонардо да Винчи, получившего заказ от Джокондо на портрет его жены

Моны Лизы, писать его целых четыре года и оставить незаконченным, или как русский художник Иванов, который рисовал свое гигантское полотно “Явление Мессии народу” целых двадцать два года. Теперь производительность труда в живописи и скульптуре стала важным фактором, а произведения искусства стали товаром. Появился рынок сбыта и покупатели. Это были, в общем, богатые люди и далеко не все из них подлинные ценители искусства. Они стали украшать свои дома картинами, скульптурами и даже заводить частные собрания. Поскольку художников было много, а покупателей мало, то естественно возникла конкуренция. И это обусловило появление новой техники. Чтобы ускорить процесс написания картины или изготовления скульптуры отказались от изображения деталей. Постепенно образы все меньше и меньше стали походить на натуру.

Начало этому положили импрессионисты, искусство которых безапелляционно принято считать развитием живописи, а между тем, это движение было скорее вниз чем вверх, и, в конечном счете, привело к инфантилизму, примитиву, абстракции и прикреплению лыж или соломы к полотну.

Стремление быть не конформным в искусстве явление нормальное, однако не надо забывать, что только талантливый художник может быть новым, не будучи странным.

Музыка, в известной мере, является абстрактным искусством, поэтому то, что произошло здесь, выглядит несколько иначе. Стремление быть оригинальным и завоевать себе почитателей пошло по разным путям. Одни композиторы начали прибегать к своего рода новинкам: атональности, нагромождению диссонансов, абсурдным композициям. Вначале этих атоналистов забрасывали тухлыми яйцами, но потом они вошли в моду и стали до известной меры популярными. Другие композиторы, так же как Пикассо, обратились к искусству примитивных африканских племен, что выразилось в интенсивном использовании ударных инструментов и в джазовых приемах. Третьи – вроде бы оставались в рамках традиционной музыки, но при этом не хотели или не умели вложить в нее душу – мелодию и увлеклись чистой техникой.

Все это, хотя и сделало кое-кого из этих композиторов знаменитыми, не дало ожидаемого эффекта. Только те из старых любителей музыки, кто старался идти в ногу со временем, стали увлекаться этими новинками. Если создатели современной музыки ожидали, что массы молодых людей хлынут в концертные залы, филармонии и оперные театры, то

Ф. Теперов

они ошиблись. “Гора не пошла к Магомету”. Впрочем, одиночки все же клюнули на эту наживку. Это из категории тех ценителей искусства, которые могут долго рассматривать с показным интересом какую-нибудь бессмысленную абстрактную картину.

Не так давно в беседе с одним замечательным композитором я чистосердечно признался, что считаю оперы Шостаковича бредом сивой кобылы. На что мой собеседник ответил, что раньше он тоже так считал, но теперь изменил свое мнение.

“В свете того, что сейчас сочиняют, - сказал он, - эти оперы выглядят не так уж плохо”.

Ему, конечно, виднее.

И тут вдруг произошла революция. Не сверху, а снизу. Четыре молодых человека, кажется, парикмахеры, из которых трое брэнчали на гитарах, а четвертый бил по барабану, подстриглись под лохматых, приобрели хорошие усилители, и стали выступать на сцене, громко напевая в микрофоны примитивные песенки и раскачиваясь при этом. И что вы думаете?! “Гора пошла к Магомету”. Полчища молодых людей ринулись на эти концерты как сумасшедшие. Там они приводили себя в состояние ажиотажа, прыгая, беснуясь и рыдая. Была преодолена пропасть между исполнителями и посетителями. Искусство было опущено до уровня неискушенного молодого обывателя. Контакт с массой был полный или, как говорят в Америке, “в залах происходила химическая реакция”.

Я раньше считал эту самодеятельность ерундой, но теперь изменил свое мнение. В свете того, что сейчас происходит, “битлы” выглядели не так уж плохо. Они были в костюмчиках, вели себя прилично и песенки их не были пошлыми.

А теперь на рок-концертах эти “артисты”, нанюхавшись кокаина, носятся по сцене в рваных джинсах или полуголые, дергаются как эпилептики, кувыркаются и орут зверскими голосами в микрофоны с тысячекратным усилением всякую пошлятину. Мадонна (ныне ставшая на путь целомудрия) и покойный Майкл Джексон хватили себя за промежности и катались по полу, изображая половой акт. Можно предположить, что нечто подобное и похожая музыка были у неандертальцев в каменном веке. Однако тогда это происходило без микрофонов и гитар и только в дыму, а сейчас еще и с иллюминацией.

И все же это, как говорится, только “цветочки” по сравнению с теми “ягодками”, которые называются “рэп”. Тут уж ниже идти некуда.

В балет тоже проникли новые веяния. Великие балетмейстеры Пе-

типа и Фокин решительно высказывались против поперечного движения ног у балерины, считая это вульгарным и не эстетичным. А сейчас только этим и занимаются, поскольку иммитация совокупления стала основным элементом в балете. Несколько лет тому назад я был в Парижской опере на представлении современного французского балета. От этого зрелища у меня осталось тягостное впечатление. Группы участников, то ли мужчин, то ли женщин, в нарядах узников концентрационных лагерей вываливались из-за кулис, толкали друг друга, совершали конвульсивные движения и катались по полу. Все это под аккомпанемент очень напоминающий одновременную разминку музыкантов в оркестре перед началом репетиции, когда каждый играет что-то свое. Мне кажется, что и здесь ниже идти некуда.

Конечно, можно называть скульптурой приваренные друг к другу куски швеллеров или нагромождение бетонных блоков перед общественными зданиями. Можно называть живописью висящие в некоторых музеях огромные куски холста, натянутые на рамы и замазанные одной краской с небольшим пятном другого цвета в углу. Можно называть музыкой любой набор звуков, любую какофонию. Можно называть хореографией комплекс непристойных движений и катание по полу на сцене.

Но, как говорил Цицерон: “O Tempora, o Mores!”

Наивно полагать, что когда-нибудь наступит другой Ренессанс, и большое и сложное искусство прошлого вернется на круги своя. Опуститься легче, чем подниматься..

Ф. Теперов

ПЪЕСА

MAGIC LAMP

(Волшебная лампа)

Одноактная пьеса

Действующие лица:

Давид и Майкл - (мальчики - 10 - 12 лет)

Мотл (Матвей) - 40 лет - Отец Майкла

Арон - 65 лет - Дед Давида

Хаим - 85 лет - Прадед Майкла

Ирвин - 40 лет - Отец Давида

Комната в доме Давида.

Входят возбужденные Давид и Майкл, продолжая разговор:

МАЙКЛ: What secret were you talking about?

ДАВИД: It's a great secret

МАЙКЛ: So tell me

ДАВИД: Swear you won't say a word about it to anybody.

МАЙКЛ: I swear on my baseball hat

ДАВИД: OK. You know I am not allowed to go in the basement. It's always locked. But yesterday my dad has forgotten to lock it. So I decided to take a look and find out what is there. My God, it's a wonderful place, a magic kingdom. So many broken pieces of furniture, a rusty broken bicycle, smashed dishes, old broken chandeliers, dusty, broken pictures and many other wonderful things. Then I noticed in the pile of rusty, broken things a very, very old lamp covered with a thick layer of dust. So I pulled it out and the whole pile fell on the floor. I'll tell you, the old lamp looks like a jinni is inside of it. So I wiped a little bit the dust from the lamp and decided to investigate whether the lamp was magic or not. Then I rubbed the lamp slightly then closed my eyes and made a wish. What I wanted was a bar of chocolate. Then I opened my eyes and what do you think?

МАЙКЛ: (испугано): What?

ДАВИД: (таинственно): I was holding in my hand a bar of chocolate. This lamp was magic. I was almost astonished. I took a bite. The chocolate was delicious. I quickly finished the bar and was going to make another attempt. First, I wanted to have a second bar of chocolate, and then I changed my mind. I decided to try something else. So I rubbed the lamp again, closed my eyes and made a wish. I wished to have a new baseball bat. Then I opened my eyes and you wouldn't believe it? I was holding a new bat. Look at it.

МАЙКЛ: (возбужденно): Could I try to make a wish?

ДАВИД: No. You can't. I found the lamp and the jinni inside works only for me.

МАЙКЛ: Really? OK. So could you try to bring the Eiffel tower here?

ДАВИД: No. It's too big and tall. It will break the house.

МАЙКЛ: Then ask the jinn to bring the New York Yankees here.

ДАВИД: The whole team? No. The room is too small

МАЙКЛ: May be the jinn could bring here my great-grand father? I have never seen him.

ДАВИД: We can try. What's his name?

МАЙКЛ: I don't know

ДАВИД: Where does he live?

МАЙКЛ: I don't know, maybe in Russia or in Israel.

ДАВИД: It's OK. The lamp might know. Hold on, I'll bring the lamp (уходит и возвращается с лампой) Here it is. Look at it. Let's try. And since he lives so far, it might need more time to bring him here. Therefore keep your eyes closed for two hours.

МАЙКЛ: Do we need to keep them closed so long? I think two minutes are enough.

ДАВИД: Fine. Let's go.

(Они закрывают глаза, Давид трет лампу и говорит): We wish Michael's great-grandpa would come here.

(Пока они сидят с закрытыми глазами, прадед Майкла Хаим хромя заходит в комнату и садится у стола. Мальчики открывают глаза, и вот он здесь).

МАЙКЛ: Excuse me sir, are you really my great-grandpa? What's your name and where do you live?

ХАИМ (на идиш): Вус зугт ер? Вус фригт ер? Их фарштей гурништ. Вер зайнен ди киндер? Местаме гоим фром Москвы. (по

Ф. Теперов

русски): Дети, что вы спрашиваете?

МАЙКЛ: I don't understand a single word he said.

ДАВИД: I don't either. It might be Russian or Israeli or may be Turkish. If I had listen to my parents and learn Russian I might be able to understand what he said

ХАИМ: Они и по-русски не понимают. Что они сказали? Что это за язык? Наверное, они из Литвы или Румынии. И что они здесь делают?

ДАВИД: Listen, we could try to bring my grandpa here. He has been in many countries and might know many languages. I believe he could understand what the old man is talking about.

МАЙКЛ: Sure. A great idea. Ask the lamp to bring your grandpa here.

(Дети повторяют процедуру. Пока они сидят с закрытыми глазами, в комнату входит дед Давида, Арон, оглядывается по сторонам и садится за стол).

ХАИМ: А гит моргн.

АРОН: Шолом.

ХАИМ: Ви гейтс ир?

АРОН: Маниш ма?

ХАИМ: Ир фарштейт идиш?

АРОН: (отрицательно качает головой):

ХАИМ: Местаме руссиш, русский?

АРОН: Да, по-русски я понимаю.

ХАИМ: Что Вы делаете здесь?

АРОН: Я не знаю.

ХАИМ (удивленно): Вы не знаете, что Вы здесь делаете?

АРОН: Понятия не имею.

ХАИМ: Может быть, Вы забыли что-то?

АРОН: Может быть, но я ничего не понимаю. А что Вы здесь делаете?

ХАИМ: Я не знаю.

АРОН: А почему Вы пришли в этот дом? У Вас случайно нет этой болезни Умзаймер?

ХАИМ: Я не знаю. У нас в Жмеринке такой болезни нет.

АРОН: Какая Жмеринка? Это же Тель-Авив

ХАИМ: Какой Тель Авив? Тель-Авив в Израйле. Это у Вас, может быть, эта болезнь Алтзайнмир.

АРОН: Как Вы думаете, где мы сейчас находимся, в Жмеринке или Тель-Авиве?

ХАИМ: Конечно, в Жмеринке. Пять минут тому назад я сидел в доме на улице Чапаева.

АРОН: Посмотрите в окно. У Вас в Жмеринке есть такие высокие дома?

ХАИМ: Ой! Что это значит? Откуда взялись эти дома?

АРОН (в сторону): Это что-то не похоже на Тель-Авив тоже. Слишком много высоких домов. (обращается к детям): Ма нишма? Дети, как называется город, где мы находимся?

МАЙКЛ: Your grandpa is asking something.

ДАВИД: Yes, he looks like my grandpa on the picture, but he is much older

АРОН: Этот мальчик слева очень похож на моего внука на фотографии, только он немного старше

ХАИМ: Это тупик. Похоже, что они не понимают ни иврита, ни русского, ни идыш.

АРОН: Да, это какое-то сумашествие.

ХАИМ: А как Вы попали в этот дом?

АРОН: Не понимаю. Я собрался пойти по делам на Аленби, а почему-то оказался здесь. А Вы?

ХАИМ: Я сидел и ел борщ, который приготовила соседка Песя, и вдруг я оказался в этом доме.

Ф. Теперов

АРОН: Да, это какая-то чертовщина.

ХАИМ: Давайте познакомимся. Меня зовут Хаим.

АРОН: А меня Арон. Расскажите о себе.

ХАИМ: Ну, что рассказывать? Когда у меня были силы, я работал. Был кровельщиком, блехером. Работал в артели. Мы крыли крыши жостью. Целыми днями я сидел на крыше и стучал молотком. Загорел как негр. Но вообще работы было мало, и моя семья еле сводила концы с концами. Правда, я иногда уносил со стройки куски оцинкованной жести и по ночам тайно делал дома тазики и корыта, а потом жена продавала их на базаре. Это помогло нам не умереть с голода. А Вы чем занимались?

АРОН: Я занимаюсь красками. Это перешло ко мне от отца. Он был нэпманом и чудом уцелел. У меня в Тель-Авиве есть маленькая фабрика по изготовлению красок. Иногда бывает немного лучше, иногда хуже, но в общем, бизнес идет неплохо. Я хотел чтобы сын занялся тем же, но у него были другие идеи. Сначала он женился и убежал в Америку, а там получил образование и стал юристом. А Ваш сын чем занимается?

ХАИМ: Он сначала бежал в Израиль, там женился, а потом перебрался в Америку. Занимался разными делами: работал в магазине, и на такси, и где Вы хотите. Но вот внуку дал образование, и тот учит детей в школе...

(Пока старики разговаривают, дети обмениваются взглядами).

МАЙКЛ: It's dead end. Make a wish to the lamp so it will bring your father here. He is a lawyer and he is supposed to know many languages.

ДАВИД: No way. He might be very busy now. And if my dad shows up here and sees you and two strangers in our house, but I am supposed to be doing my homework, I will be punished severely. No ice cream and no new baseball cards. No, let's bring your father here. He is a teacher and he surely knows many languages. And you could say that you came here for

help with your homework.

МАЙКЛ: ОК. Ask the jinn to bring my dad.

(Дети повторяют процедуру. Пока они сидят с закрытыми глазами, в комнату входит отец Майкла Матвей и удивленно оглядывается по сторонам)

МАТВЕЙ (обращаясь к старикам): Hello! How are you? (Видит что они не понимают и говорит): Здравствуйте

АРОН и ХАИМ: Здравствуйте.

МАТВЕЙ (обращаясь к сыну Майклу): What are you doing here?

МАЙКЛ: I need some help with my homework. So I have come to David.

МАТВЕЙ: You wanted to do your homework with your baseball bat and balls? And who are the old men?

МАЙКЛ: The old man on the left is your grandpa.

МАТВЕЙ: How do you know? You have never seen him. But wait a minute. He really looks like my grandfather. (Обращается к Хаиму): Прошу прощения, как Вас зовут? Вы очень похожи на моего дедушку Хаима.

ХАИМ: Что Вы знаете! Мой внучек Мотл объявился. А где же твой дорогой папочка Соломон, который убежал в Америку и с тех пор не показывается в Жмеринке? Один Бог знает, как мы бедствовали, а он нам даже копейки не прислал. Он даже на похороны мамы не прилетел. Он был очень занят. Он еле выкроил время чтобы прислать нам твою фотокарточку, когда у тебя была бармицва.

МАТВЕЙ: У папы тоже были свои трудности. Его увольняли с работы, потом надо было дать нам образование, потом дела шли плохо

ХАИМ: Да, конечно. На то, чтобы устроить бармицву на сто человек, у него были деньги, а на то, чтобы прислать самую жалкую посылочку своим бедным родителям, у него не было.

МАТВЕЙ: Зейде, а кто Вас привез сюда?

Ф. Теперов

ХАИМ: Никто меня не привозил. Я сам пришел. То есть, что значит: пришел. Я уже давно еле двигаюсь и почти не выхожу из дома. А что я делал? Я просто ел борщ, что соседка Песя приготовила, и насколько я помню, я его недоел. Вот еще ложка у меня в руках. И вдруг я оказался здесь, где очень высокие дома и совсем не похоже на Жмеринку. Вот ты мне объясни, где я нахожусь и что ты здесь делаешь?

МАТВЕЙ: Это, конечно, Америка, Нью-Йорк, но как я оказался в доме у Ирвина, это загадка. Это какая-то чертовщина. Я ведь провожу урок у себя в классе и вдруг в самой середине урока я вдруг оказываюсь здесь в доме у Ирвина.

АРОН: Вы говорите, что мы находимся в Нью-Йорке, а не в Тель Авиве? То-то здесь так много высоких домов. А как я перенесся сюда? Я ведь собирался пойти на улицу Аленби по делам, и вдруг я здесь у черта на куличках. Что это значит?

(Хаим, Арон и Матвей начинают громко спорить)

(Слышен звук тормозов, потом открывается дверь и входит Ирвин)

ИРВИН: Hi! What's going on? Motl, what you are doing here? Our neighbor called me and said that some strangers are occupying my house. I'm scheduled to meet a client in ten minutes. So I called and postponed the appointment. Who is the old man? (Узнает своего отца) Папа, когда ты прилетел? И почему ты не дал нам знать? Мы бы тебя встретили. А мама тоже прилетела? И кто это с тобой?

АРОН: Во-первых, я к тебе не прилетел, и я не знаю, как я здесь оказался. Во-вторых, я не собирался к тебе в гости. Вот уже несколько лет, как ты обещаешь прилететь к нам в гости. Твоя мама ждет – не дождется увидеть внука. Но все время тебе что-то мешает. То ты отправляешься на круиз по морю, то летишь в Швейцарию чтобы покататься там на лыжах, то еще что-то. Я понимаю – вам надо отдохнуть, но отдохнуть хорошо можно и в Израиле. И после этого ты думаешь, что я прилетел к тебе в гости?

ИРВИН: Так что же ты здесь делаешь в Америке?

АРОН: Это хороший вопрос. Я прекрасно помню, что мне надо было по делам пойти на улицу Аленби. Я оделся и, кажется, вышел. Но вот я совершенно не помню, закрыл я двери или нет. Ну, допустим, что у меня с памятью что-то стало, и я вместо того, чтобы пойти в Тель-Авиве по очень важным делам, взял такси и поехал в аэропорт. А платил я чем? У меня ведь нет в кармане кошелька. И вообще, я не имею привычки таскать его с собой.

ИРВИН: А что это за старик, который прилетел с тобой?

АРОН: Он не прилетел со мной. И я сам не прилетел. Он уже был в этом доме, когда я здесь оказался. Насколько я понял, это дедушка вот этого Матвея.

ИРВИН (обращаясь к Матвею): Каким образом твой дед оказался у меня в доме?

МАТВЕЙ: Спроси у него. Это совершенно полная бессмыслица.

ИРВИН (обращаясь к Хаиму): Еще раз здравствуйте. Скажите, пожалуйста, каким образом Вы оказались у меня в доме?

ХАИМ: Понятия не имею. Я сидел дома на улице Чапаева в Жмеринке и ел борщ, который приготовила соседка Песя. Я недоел борщ. Вот еще ложка у меня в руках. И вдруг я оказался здесь. Может быть, у меня эта болезнь, которую товарищ Арон называет Алтзайнмир или Зайнмиралт, то есть Мыстарики?

ИРВИН: Да, загадка. (Обращается к Матвею): И ты говоришь, что тоже не понимаешь, как ты оказался здесь, что ты у себя в классе сейчас проводишь урок? С ума можно сойти.

МАТВЕЙ (обращается к Ирвину): А ты заметил, что дети ничему не удивляются и никак не реагируют на происходящее? Конечно, они ни слова не понимают по-русски, но мне кажется, что тут что-то есть.

ИРВИН: Да, действительно странное поведение.

МАТВЕЙ (обращается к сыну): Mikael, do you know who the old men are?

Ф. Теперов

МАЙКЛ: I told you, the very old man is your grandfather and the other one is David's grandfather.

МАТВЕЙ (удивленно): How do you know? You didn't understand a single word we were speaking

МАЙКЛ: It is a secret.

МАТВЕЙ: What secret? What do you mean? If you know something, tell me.

МАЙКЛ: I can't. I swore I wouldn't tell anybody.

МАТВЕЙ: Swore to whom? (обращается к Ирвину): Ты слышал такое? Какие-то секреты, какие-то клятвы. Что это значит?

ИРВИН: Я сразу заметил, что тут что-то нечисто. (обращается к Давиду): Do you know why the old men are in our house?

ДАВИД: I won't say a word about it. It's a great secret.

ИРВИН: What great secret?! And you expect me to buy you a new pack of baseball cards?

МАТВЕЙ (к Майклу): You keep your secret, but don't expect me to buy you a new baseball uniform?

МАЙКЛ (умоляюще): Dad, let me talk for a minute with David in confidence.

МАТВЕЙ (к Ирвину): I cannot believe it. What do you think?

ИРВИН: Let them talk.

МАТВЕЙ (к детям): OK. Go and talk, but not more than one minute.

(Давид и Майкл выходят из комнаты на авансцену. Занавес или щиты закрывают комнату)

ДАВИД: What a mess! You moron. It was your stupid idea to bring here your great grandpa and all others. Instead the lamp could bring Babe Ruth here and everything would be fine.

МАЙКЛ (виноватым тоном): Babe Ruth is dead.

ДАВИД: So what! The lamp could make him alive. But now what to do? We have a problem. Think.

- МАЙКЛ: Maybe tell them the secret about the magic lamp?
- ДАВИД: Ye?! So my dad would learn that I have been in the basement without his permission? Then surely I would be punished and no new baseball cards for me. No. Thank you.
- МАЙКЛ: May be the jinn in the lamp could make them all believe they have come to a wedding.
- ДАВИД: What wedding?
- МАЙКЛ: To your sister's wedding..
- ДАВИД: But she is only three years older than I and has no boyfriend.
- МАЙКЛ: So what? The jinni in lamp will make it happen.
- ДАВИД: What a stupid idea. No. I think there is a better way out. We can make a wish, that the lamp will bring everybody in this house back to where they were before and make them and the neighbor who called my father completely forget what happened.
- МАЙКЛ: Brilliant! Great idea. Let's do it.

(Давид достает из сумки лампу, трет ее и выражает свое пожелание. Дети закрывают глаза и незаметно скрываются за кулисами)

(Занавес поднимается или щиты убираются. Комната пуста)

(Входят возбужденные Давид и Майкл, продолжая разговор):

- МАЙКЛ: What secret you were talking about?
- ДАВИД: It's a great secret
- МАЙКЛ: So tell me
- ДАВИД: Swear you won't say a word about it to anybody?
- МАЙКЛ: I swear on my baseball hat
- ДАВИД: OK. You know we were at the shore last weekend. It was a nice day and not too many people were there. My parents were seated under an umbrella and I was walking on the beach looking for shells for my collection. I found a couple of re-

ally fancy ones. Then I noticed in the sand something which looked like a piece of pipe. So I decided to investigate what it was. I needed a tool. So I looked around and found a handle from a broken umbrella. Then I started digging with this handle. What I dug out was a very, very old lamp covered with a thick layer of dirt. I pulled it out and cleaned it a little bit. I'll tell you, the old lamp looked like a jinni was inside of it. Then I washed the dirt from the lamp and decided to investigate whether the lamp was magic or not. I was afraid my parents would notice the lamp and make me throw it away.

Therefore, I put it in my bag and walked behind a big rock. I rubbed the lamp slightly then closed my eyes and made a wish. What I wanted was ice cream. Then I opened my eyes and what do you think?

МАЙКЛ: (испугано): What?

ДАВИД: (таинственно): I was holding in my hand a big ice cream Sunday. This lamp was magic. I was almost astonished. I took a bite. The ice cream was delicious. I quickly finished it and was going to make another attempt. First I wanted to have a second ice cream, then I changed my mind. I decided to try something else. So I rubbed the lamp again, closed my eyes and made a wish. I wished to have a new pack of baseball cards. Then I opened my eyes and you wouldn't believe it – I was holding a new set of baseball cards. Look at it.

МАЙКЛ (разочарованно): But this is your old set

ДАВИД: Is it? I might have made a mistake and put the new one somewhere else

МАЙКЛ: (возбужденно): Could I try to make a wish?

ДАВИД: No. You can't. I found the lamp and the jinn inside works only for me.

МАЙКЛ: Really? OK. So could you try to bring the Niagara Falls here?

ДАВИД: Are you crazy? It would wash all of New York down Hudson river.

МАЙКЛ: Then ask the jinn to bring the Dead Sea Scrolls here

ДАВИД: No. They're too fragile. They will be shattered to pieces.

МАЙКЛ: Maybe the jinni can do my homework?

ДАВИД: OK. Let's try it. Just wait a second. I'll go and get the magic lamp. You know I'm hiding it from my parents. (Начинает рыскать по комнате) Where is it? I put the lamp behind the chest in this corner. I clearly remember. The cleaning lady might have found it and put it in the trash. Don't worry. I'll find it. But meanwhile I'm afraid you have to do the homework yourself.

МАЙКЛ (вздыхает): Yeah. I'll be going.

ДАВИД: Bye! See you later.

(Майкл уходит. Давид открывает сумку и садится за стол).

Занавес.

КОНЕЦ.

ДОПОЛНЕНИЯ

Ф. Теперов

ВОСПОМИНАНИЕ О ВОЙНЕ

Не так давно жена сказала мне, что уважаемая Инна Швец открывает в своей газете “Еврейская жизнь” новую рубрику под названием “Дети войны” и предлагает мне написать что-нибудь в этом плане из моего личного опыта.

Конечно, это дела давно минувших дней. Ведь с тех пор прошло семьдесят с лишним лет. Память сохраняет лишь какие-то отдельные эпизоды, а к тому же она на склоне лет слабеет. Однако у тех детей, кто был очевидцем ужасов войны, память о ней сохраняется на всю жизнь.

Надо сразу сказать, что я узнал о начале войны еще до выступления Молотова. В этот день я был у деда. После гибели отца я часто бывал у него. Утром мы проснулись от необычайного грохота и шума. Я выскочил во двор и увидел в небе очень много самолетов. Когда я сказал об этом деду, он спросил: “А что на них нарисовано?” Я сказал, что вроде бы крестики. “Это война”, - сказал мой дед. На следующий день бомбили наш городок, железнодорожную станцию и какой-то завод, огороженный со всех сторон колючей проволокой и с охранником у ворот. А еще через день или два возле нашей улицы в спешке прорыли узкую траншею метров десять длиной и глубиной мне по грудь. Теперь, как только раздавалась сирена тревоги, все жители ближайших домов и мы, в том числе, бежали к этой траншее. Больше укрыться было негде. Не могу вспомнить, было ли мне страшно. Наверное, было, но сильнее страха было любопытство. Мать тянула меня ко дну траншеи, а я вырывался, чтобы посчитать количество немецких самолетов, посмотреть, есть ли среди них “рамы”, наблюдать как пикируют самолеты и как падают бомбы, которые летели со страшным воем.

Железнодорожная станция была довольно далеко, а вот завод был намного ближе, так что шальные бомбы залетали в наш район. Одна из них упала совсем рядом, метрах в ста от нашего дома, завалила две хаты и повышибала вокруг стекла из окон. Я со своим приятелем пошел туда после того, как самолеты улетели. Кажется, там кто-то погиб, мы видели раненых, а в воронке и поблизости мы находили еще горячие осколки бомбы, тяжелые с острыми рваными зубчатыми краями и блестящие с одной стороны. Вскоре возле завода появились две

Ф. Теперов

замаскированные зенитки, которые открывали огонь по налетавшим немецким самолетам. И каждый раз после выстрела раздавался хлопок, и в небе появлялся облачный шарик. За все время, что они стреляли, я ни разу не видел, чтобы они попали в самолет.

Однажды через день после сильной бомбежки, верховодивший нами мальчик лет пятнадцати повел нас, чтобы показать что-то очень страшное. Мы подошли к заводу, и то, что я увидел, произвело на меня жуткое впечатление. На проводах висела оторванная женская голова. Меня стошнило, и я убежал от этого места, а потом целый день не мог есть.

Когда стали проникать сведения о быстром отступлении советских войск, дед начал готовиться к эвакуации. Приобрел двух лошадей и телегу, собрал своих овдовевших дочерей с внуками, нагрузил телегу самым необходимым, запер дверь, и мы отправились на восток. По дороге образовалось нечто вроде обоза, который состоял из нескольких груженных телег, которые тянули тощие клячи. Наша телега была первой, и дед считался ведущим. По дороге нас не бомбили, но несколько раз обстреливали из пролетающих над нами немецких самолетов. Самолеты летели низко, и от рева моторов лошади шарахались и опрокидывали телеги, а мы бросались в придорожные канавы. Это помогало, но не очень. Убили старика, который ехал за нами, ранили женщину и ребенка, убили лошадь. Немцы наверняка видели, что это не военный обоз. Нас предупреждали на эвакуационных пунктах, чтобы мы не ехали кучно, потому что немцы могут с воздуха принять нас за военный обоз и бросить на нас бомбы, а если мы растянемся по дороге, то это будут отдельные телеги, которые не являются военным объектом и которые не трогают по законам войны. А нас трогали, хотя мы ехали очень растянувшись. Немцы, видимо, просто потешались. А потом надо было поднимать телеги, собирать и укладывать барахло, распрячь убитую лошадь и оттащить ее с дороги. И не было здесь взрослых сильных мужчин, а только дети, женщины и немощные старики. На одной из телег ехала то ли санитарка, то ли врач, у которой были бинты, йод и какие-то лекарства. Она делала что могла. Ведь были еще и больные среди ехавших. А в ближайшем населенном пункте мы пытались найти больницу или какой-нибудь полевой госпиталь, чтобы раненым и больным оказали помощь. Морока была с убитым стариком. Подъехали к первому попавшемуся кладбищу. Никого там в это время не было. Начали спрашивать у людей вокруг. Двое парней из близлежащих домов за какую-то плату выкопали неглубокую яму, а потом за дополнительную плату из досок сколотили что-то вроде короба, положили в него

убитого старика, закрыли крышкой и закопали. Загнали в землю обломки шеста и прикрепили к нему дощечку, на которой дочь нацарапала имя погибшего. Потом она плакала и внуки плакали вместе с ней. И мы поехали дальше. Когда мы останавливались на ночлег в каком-нибудь населенном пункте, моей обязанностью было поить лошадей. Дед научил меня ездить верхом, и я отправлялся к ручью или озеру, держа другую лошадь на поводу. Седла, конечно, не было, была попона. Но ведь у американских индейцев, которые были великолепными наездниками, тоже не было седел. В Волуйках нас посадили в проходящий последний поезд, потому что немцы быстро приближались.

Здесь я должен остановиться и поклониться светлой памяти моего деда Авраама Моисея. Если бы не он, вся наша семья наверняка вошла бы в число шести миллионов жертв Холокоста.

Когда наш поезд подошел к станции Лиски, я пережил последнюю и самую страшную бомбежку. Была жуткая паника и неразбериха. От взрывной волны я упал и потерял сознание, а очнулся в санитарном вагоне воинского эшелона, который вез оружие и боеприпасы защитникам Москвы.

После этого я только один раз оказался в районе, где взорвалась бомба. Это было, кажется, в 1943-м году. Я и еще несколько человек выходили из метро на площади Маяковского. Вдруг на противоположной стороне площади взорвалась бомба, которая угодила в здание бывшего Кукольного театра. Бомба, должно быть, была не очень большой мощности, так как стены выдержали, а нас мгновенно загнали обратно в метро. Надо полагать, что отдельные немецкие самолеты прорывались к Москве и после этого, так как мы наблюдали из Томилино как мощные прожекторы шарили по небу над Москвой.

Вспоминая войну, я прежде всего помню постоянный голод, который мы испытывали в школе, и не могу забыть тот праздничный день, когда у нас было лакомство – запеканка из крапивы.

ЗАПОЛНЕНИЕ ПРОБЕЛОВ В КНИГЕ

Академик Покровский сказал, что история это политика, опрокинутая в прошлое. По аналогии мне кажется, что поздние воспоминания это личная история, опрокинутая в настоящее. Надо полагать, что не все было точно так, как мне помнится, но здесь уж ничего не поделаешь.

Вот мне годика три-четыре, и приехавший в отпуск курсант ленинградского артиллерийского училища (было такое) забавляется со мной и нечаянно роняет меня, в результате чего я ударяюсь головой о набалдашник металлической кровати. Льется кровь, но я не теряю сознания. В квартире страшный переполох, мама в истерике. Отец и приезжий курсант Иосиф быстро хватают меня на руки, закутывают в одеяло и бегут в больницу. Кажется, что больница была довольно далеко и что время было вечернее. Что было потом я не помню.

А вот другой эпизод. Мне лет пять-шесть, когда мы чуть не угорели. Моя мама (алевай шолом) тогда еще очень молодая хозяйка (ей было не более 25-ти лет) закрыла заслонку в печи, когда дрова еще не совсем сгорели, и квартира наполнилась угарным газом. Возможно, что дрова были сырыми. Мы все спали. Это мог быть и мой конец и конец всей нашей семьи. Всех спас светлой памяти отец. Он во сне почувствовал что-то неладное и, преодолевая слабость (а он был физически очень сильным человеком), встал и понял что произошло. Тогда он вынес меня и маму на веранду и закутал во что попало. Потом открыл окно и двери в квартире, а также заслонку в печи. Все это я узнал от родителей. Я же помню только то, что очнулся от холода (был довольно сильный мороз) и удивился, что лежу не в своей кроватке, а на веранде. Это врезалось в память.

Несколько слов о моих родителях. Мать получила только начальное образование в еврейской школе, но была хорошей хозяйкой, очень энергичной и деловой. Она очень любила театр, и сама участвовала в любительских еврейских спектаклях. У мамы был хороший голос и слух и она любила петь. Отец был довольно грамотным, хотя окончил только семилетку. Он работал на железной дороге экспедитором. Я не знал, что это такое, но очень гордился профессией отца. Он не был из-

возчиком как Радзинский, не был портным как Гафт и не был парикмахером как Пейся Ротман. А то, что мой отец был экспедитором, еще больше возвышало его в моих глазах. Отец любил музыку, сам играл на геликоне в любительском оркестре и мог часами сидеть у патефона и слушать песни и арии из опер. А еще он любил шутку и анекдоты, включая политические, что и явилось причиной его гибели.

И несколько слов о быте. В те времена почти все были бедными, одни немного больше, другие немного меньше. Мы были, пожалуй, в числе более успешных. Еды было достаточно, одевались мы не хуже других, а мебель и посуда у нас были довольно приличными. Кроме того, из всего населения нашей улицы только у нас был велосипед и патефон, и только у меня был настоящий футбольный мяч. Впрочем, это был мяч всеобщего пользования для всех детей, живущих с нами по соседству.

Следующий эпизод. Мне семь лет и я готовлюсь в школу. Возбуждение сверх меры. Все вызывает восторг: и букварь, и арифметика, и сумка, и пенал, и чернильница, и ручка с пером номер 86, и тетрадь в косую для каллиграфии. И все остается в памяти. Даже имя моей первой учительницы: Полина Кондратьевна. Взрослые говорили, что она из оседлых цыган. Сейчас по памяти я бы мог восстановить всю обстановку в классе.

Другое из ряда выходящее событие. Мои родители уезжают в Киев на свадьбу младшего брата матери. Я оставлен на попечении незамужней сестры отца и бабушки Рахиль. Вот когда я вкусил прелесть свободы.

Но вот наступили трудные времена. Я спал, когда арестовали отца. Утром я заметил в квартире беспорядок и то, что мама была в слезах, но не придавал этому большого значения. Ведь мне было неполных девять лет. К тому же мать с отцом иногда ссорились, и я видел ее тогда плачущей..

Я был очень привязан к отцу и всегда с нетерпением ждал, когда он придет с работы. Но вот он не явился, и на мой вопрос мама сказала, что он уехал в командировку. Он действительно иногда уезжал, и я мучился, когда его не было дома, особенно в выходные дни. О том, что отца арестовали, я узнал лишь через несколько дней. Соседский мальчик, с которым я дружил, сказал мне, что ему запретили играть со мной, потому что арестовали моего отца. Когда я сообщил об этом маме, она сказала, что это болтовня, что они ничего не знают и чтобы я не обращал внимания на эти слухи. Я уже знал тогда, что слово “арестовали” означает что-то очень плохое. У моего приятеля Ревунчика арестовали

отца, и у Липы с Амой арестовали отца, и у них горе, и с ними никто не общается. И в нашем доме было горе. Мать куда-то бегала и всегда приходила домой в слезах. Потом начала продавать все из дому. Сначала ушли патефон с велосипедом, потом посуда, потом одежда. В это время я часто слышал в доме фразу: “Мы даф ратевен”, то есть: “Надо спасать”. Мы совершенно обнищали. Время шло. И следующий момент я очень ясно помню. Был светлый майский солнечный день. Я пришел со школы и застал мать рыдающей. Она держала какую-то бумагу в руках. Когда она увидела меня, она подняла руки к небу и сквозь рыдания воскликнула: “О горе, горе! Бедный мой сынок, нет у тебя больше папы!” Я испугался, но не заплакал. Я еще не понимал, что произошло. Вскоре приехал дед, отец матери, и забрал нас к себе. Он жил в небольшом городке Полтавской области. Надо полагать, что дед имел какие-то привилегии как бывший солдат царской армии и участник русско-японской войны. Он пристроил мать на работу в организацию, которая занималась производством безалкогольных напитков. Вот когда я до отвращения напивался морсом, ситро и крем-содой.

Потом началась война. Дед (мир праху его) был убежденным сторонником эвакуации. Он собрал своих трех овдовевших к тому времени дочерей с внуками, потом обменял у отступавших кавалеристов захромавшую лошадь на пачку табака. Они все равно собирались ее бросить или пристрелить. Так что эта пачка табака была просто подарком от старого воина нынешним бойцам. Дед подлечил эту лошадь, и она стала работоспособной. После этого дед купил у одного извозчика старую клячу вместе с телегой, на которую уложил все самое необходимое. Потом взял в райкоме или еще где-то какую-то справку, запряг лошадей и двинулся со своей семьей на Восток. По дороге в городах мы заезжали в так называемые эвакуопункты, где дед получал продукты и даже кой-какую одежду. Если была необходимость, то работники эвакуопунктов нас устраивали на ночлег. Меня как самого старшего внука дед научил ездить верхом на кавалерийской лошади, и моей обязанностью было поить лошадей, для чего часто надо было ехать к реке. Я ехал верхом без седла на попоне и тащил на поводу клячу. Лошади были, в общем, смиренные, но один раз они рванули, когда проехал редкий автомобиль, и я слетел с попоны. Я не ударился, но тут была проблема – как опять влезть на лошадь. Меня всегда сажал на нее дед, а слезал я сам. Некоторое время я пытался влезть на лошадь, это увидел проходивший военный и легко подбросил меня на попону. Я был спасен.

Надо сразу сказать, что наша эвакуация не была прогулкой. На нас падали бомбы и нас обстреливали из самолетов. Мы прятались в канавах, ямах, щелях и где придется. Несколько раз бомбы падали совсем близко, мы глохли от взрывов и от воя падающих бомб. И были жертвы. А потом, когда немецкие самолеты улетали, я находил поблизости еще горячие осколки бомб.

На одном из эвакуопунктов, кажется, это были Валуйки или Волчанск, деду сказали, что немцы приближаются, и предложили пересечь в один из последних проходящих поездов, в котором едут эвакуированные. Дед согласился, и вот мы подъехали к вокзалу и стали ждать поезда. Он долго не приходил, а между тем деду сказали, что все наше имущество мы не сможем погрузить в вагон, что там уже едут люди и свободного места очень мало. Наконец подошел поезд, и нам показали один из “телячьих вагонов”, в который надо было погрузиться. И началась свистопляска. Дед с бабушкой отчаянно ругались из-за каждой вещи, брать ее или оставить. Люди, которые ехали в этом вагоне, кричали что им самим нет места и ругались с тем человеком, который усаживал нас в вагон. Эти люди встречали дикими воплями каждую вещь, которую мы пытались втащить в вагон. Что и говорить, это была нервная обстановка и пришлось бросить многое из того, что было совершенно необходимо.

Для описания поездки в этом вагоне нужна целая книга. Когда мы влезали в вагон, там уже ехало три семьи. Какие были скандалы и склоки! А как спали, а что ели, а как отправляли естественные надобности! Хорошо было маленьким детям - для них были ночные горшки. А всем остальным приходилось ужасно мучиться. Поезд останавливался нерегулярно, и когда останавливался даже на несколько минут, все срывались и бежали в кусты, за деревья, за любые укрытия. Потом поезд трогался, и поднимался ужасный крик, и все бежали к вагону.

Почти на всех станциях были бойлерные установки, где можно было набрать в чайник или другую посуду кипятка. Чай был единственным горячим блюдом.

В нашем вагоне ехал довольно крупный мальчик года на два старше меня. Вот с ним дед и разрешал мне бегать за кипятком на станциях. Этот мальчик, которого звали Толик, должен был меня опекать. Так мы доехали до узловой станции Лиски возле Воронежа. Здесь я с Толиком и еще несколько человек побежали за кипятком. Как и на предыдущих станциях взрослые оттеснили нас, так что мы набирали кипятка по-

Ф. Теперов

следними. Толик наполнил свой чайник и ждал, пока я наберу. И вдруг над нами появились немецкие пикирующие бомбардировщики, и началась бомбежка. Толик дернул меня, и я с неполным чайником побежал за ним. Тут что-то рвануло, меня оглушило, я упал и потерял сознание.

Очнулся я в вагоне, но это был не наш вагон и не было ни мамы, ни деда и вообще никого из нашего вагона. Здесь были какие-то военные и другие в белых халатах. Один из них стоял возле меня. Он погладил меня по голове и сказал: “Очнулся? Молодец!” Потом стал показывать мне пальцы и спрашивать сколько их, потом спросил как меня зовут и как зовут родителей, и откуда я еду, и много других вопросов. Когда он остановился, я спросил его, где моя мама и дед с бабушкой. Он сказал, чтобы я не беспокоился, что они едут в другом поезде, и что мы их найдем.

Через короткое время я уже мог ходить по вагону и знал почти всех его обитателей. Это был санитарный вагон, довольно просторный и с туалетом. Ко мне все относились ласково и, кроме того, меня сытно кормили такой едой, какую я давно не ел. На одной из остановок я вышел из вагона и подошел к паровозу. Меня увидел машинист и воскликнул: “О! С воскресением тебя!” Я не понял, что он имел в виду, потому что это, кажется, была среда. Машинист спустился с паровоза и похлопал меня по плечу.

“Можешь считать, что я твой крестный отец, - сказал он, - понимаешь, я под бомбежкой только тронулся, смотрю, а ты лежишь на рельсах. Ну, не перерезать же тебя. Пришлось остановиться, чтобы оттащить тебя в сторону, думал что мертвый, а ты оказался живой, только контуженный. Тогда я и втащил тебя в санитарный вагон. Так что, когда вырастешь, с тебя причитается ведро самогона, потому что я дал тебе вторую жизнь”

Я молчал, так как не совсем понимал то, о чем говорил машинист. А он еще раз похлопал меня по плечу и поднялся на паровоз. Мы попрощались. Потом я его еще несколько раз видел, и он каждый раз махал мне издали рукой.

О том, что моя мама и ее сестры, а также бабушка и все дети живы, я узнал через пять лет. И о том, что дорогой дедушка Аврум-Мойше умер в 1942 году от голода, так как отдавал последние крохи внукам, я узнал в то же время. Мама считала меня погибшим. Когда мы встретились с ней, мне было уже семнадцать лет, у мамы был другой муж и ребенок от этого мужа. Мы очень изменились, и между нами пролегла полоса отчуждения.

А поезд, в котором меня везли, шел к Москве. Это я понял позже. Он вез военное снаряжение для защитников Москвы, а я был, как оказалось, обузой. Поэтому надо было от меня как можно скорее избавиться. Один из военных, кажется, капитан, начал возить меня по Москве, пытаясь куда-нибудь пристроить, но детские дома и ремесленные училища уже были эвакуированы. Наконец он завез меня в военно-музыкальную школу, которая оставалась еще в Москве. Там капитану сказали, что могут принять меня, только если у меня есть музыкальные способности.

“Вот и проверьте, - сказал капитан, - а я здесь подожду”

И меня стали проверять. Какой-то военный подвел меня к роялю (я впервые в жизни видел этот инструмент) и сказал, чтобы я отвернулся. После этого он нажал один клавиш и спросил, могу ли я показать этот клавиш. Я немного порыскал, а потом нашел. Потом проверяющий нажал другой клавиш. На этот раз я очень быстро нашел. Тогда этот военный нажал сразу два клавиша. Это было намного труднее, но я и с этим как-то справился. Проверка закончилась вопросом, могу ли я спеть что-нибудь. Я знал несколько песен, главным образом те, что мы учили в школе, вроде: “Раз, два, три, пионеры мы, мы фашистов не боимся, пойдем (с ударением на о) на штыки!” Но была одна песня, которая стояла особо. Эта песня завораживала меня, уносила в какие-то неведомые сказочные дали. Это была песня: “Далеко, далеко за морем...” из радио-постановки “Золотой ключик или приключения Буратино”. Я сначала хотел спеть эту песню, но потом почему-то выбрал совсем не детскую песню из кинофильма “Семеро смелых”:

Лейся песня на просторе,
 Не грусти, не плачь, жена.
 Штурмовать в далеком море
 Посылает нас страна.

Наверное, эта песня в моих устах звучала очень смешно, но проверяющий военный сказал: “Хорошо”. После этого он сказал кому-то: “Передайте капитану, что мы принимаем этого мальчика, что капитан может ехать по своим делам”. Тот, кто должен был передать, вскоре вернулся и сказал, что капитан сразу уехал. “Ну, ладно,- сказал тот, который меня проверял,- этого следовало ожидать”

Так я стал воспитанником Первой Московской школы военно-музыкантских воспитанников Советской Армии, которая через несколько дней эвакуировалась в Среднюю Азию и в которой я проучился три с половиной года. Об этой школе и ее обитателях написана глава: “Очер-

Ф. Теперов

ки музыкальной бursy”.

В апреле 1945-го года состоялся заключительный концерт выпускников школы. На этот концерт прибыли дирижеры многих военных оркестров, в том числе Главный Дирижер Советской Армии генерал С. А. Чернецкий, который одновременно являлся художественным руководителем Отдельного Образцово-Показательного оркестра Министерства Вооруженных Сил. Вместе с ним прибыл главный дирижер этого оркестра подполковник Б. Г. Миллер. На этом концерте я исполнил “Этюд” композитора Гедике, произведение технически довольно сложное. Сыграл, вроде бы, неплохо, и был отобран в числе еще нескольких выпускников школы в оркестр, которым руководили С. А. Чернецкий и Б. Г. Миллер. О деятельности этого оркестра и его музыкантах написана глава “Наблюдения из ямы”.

Часть воспитанников, принятых в оркестр, получила семилетнее образование, другая часть – восьмилетнее. Некоторые из выпускников Первой Московской школы военно-музыкантских воспитанников выразили желание продолжить свое образование в вечерней школе или в музыкальном училище. Начальство в оркестре не возражало. Но если занятия в музыкальном училище поощрялись, то к занятиям в школе относились с предубеждением и никак не способствовали этому порыву. Так, например, если какое-либо мероприятие в оркестре совпадало с занятиями в музыкальном училище, то отдавали предпочтение последнему, а если любое мероприятие в оркестре совпадало с занятиями в школе, то эти занятия приходилось пропускать. Даже на экзамены отпускали с трудом, и готовиться к ним приходилось ночью, глотая таблетки кофеина. Несмотря на это, некоторые воспитанники (в том числе и я) не сдавались, и нам удалось получить аттестаты зрелости и дипломы об окончании музыкального училища. Два воспитанника, окончившие музыкальное училище, с благословения начальства поступили в консерваторию. Но это было время ждановской “культурной революции”, и перспектива стать профессиональным музыкантом казалась довольно мрачной. Поэтому четыре воспитанника, получившие аттестаты зрелости, стали добиваться у руководства разрешения на сдачу экзаменов в ВУЗ(ы). Это была очень трудная задача. Однако после довольно упорной борьбы такое разрешение было получено, и я поступил в МАИ, а мои ближайшие друзья – один в МГУ, а другой в МЭИ. Четвертый воспитанник (не еврей) был принят в Институт Международных Отношений.

После этого я, успешно проучившись год с небольшим в МАИ, был вышвырнут оттуда за недостойный советского студента образ мышления и антисоветскую болтовню, и был отправлен на Дальний Восток на строительство военных аэродромов в так называемый АСП. О том, что там происходило и о моих сослуживцах, рассказано в главе “Дальневосточные зарисовки”.

В октябре 1952 года я был освобожден от своих обязанностей строить военные аэродромы и оказался в Москве на распутьи. Прописки нет, учеба во всех ВУЗ(ах) давно началась, а искать работу после Дальнего Востока мне не хотелось. И тут оказалось, что Бог не совсем забыл меня. Я узнал, что принимаются заявления абитуриентов на конкурсные экзамены в Московский университет на новый факультет, физико-технический, и что экзамены начнутся через неделю. Не знаю, правда или нет, но говорили, что предпочтение отдается тем, кто был демобилизован из Армии после начала занятий в ВУЗ(ах). Как бы там ни было, но я попадал в эту категорию. Мое заявление приняли, и я набрал на экзаменах все 25 возможных балла, в результате чего был принят в МГУ (кстати, при поступлении в МАИ я набрал 39 из 40 возможных – это было труднее). Казалось бы что теперь все будет нормально, но тут возникла новая проблема. Дело в том, что набор студентов был сделан из расчета на новое здание МГУ, которое строилось на Ленинских (Воробьевых) горах. Но строители, как всегда, не укладывались в положенные сроки, и строительство не было завершено, а старое здание МГУ (Казаковское) на Манежной площади и так было переполнено. После короткого периода сумятицы был найден выход из положения. Нам предложили выбор между физико-техническими факультетами Свердловского и Днепропетровского университетов с возможным возвращением в Москву, когда закончится строительство нового здания. Я выбрал Днепропетровск, так как у меня не было теплой одежды.

Учиться здесь мне пришлось не более двух месяцев. Это был факультет ядерной физики. Роскошная стипендия 400 или даже 420 рублей, конспекты пронумерованы и прошнурованы. Ничего выносить нельзя. Все надо делать под наблюдением. Но вот вызвал меня к себе в кабинет сам ректор Университета и предложил перейти на механико-математический факультет (мехмат). Я, естественно, спросил почему, - ведь я был одним из самых успевающих студентов. Ректор сказал, что есть две причины: одна – это то, что набрали слишком много студентов на факультет, а другая – это то, что я скрыл в анкете, что мой отец был

репрессирован и то, что я учился в МАИ и был исключен по известной мне причине. Я сник и сказал ректору, что на мехмате стипендия всего 220 рублей и что я, не имея никакой помощи со стороны, с такой стипендией не смогу сводить концы с концами. Ректор был добрым человеком, и он сказал, что попробует мне помочь. Через день или два он снова вызвал меня к себе и сказал, что в инженерно-строительном институте недобор на механический факультет, что они согласны меня принять и что у них стипендия 320 рублей. Это было далеко не то, к чему я стремился, но деваться мне было некуда, и я согласился. На факультете был еще один студент иудейского происхождения. Он не очень нуждался в стипендии и согласился перейти на мехмат.

Так я стал студентом ДИСИ. Об интересных событиях, имевших место в этом институте, и о нескольких забавных наставниках повествуется в главе “Высшее образование”.

После окончания института я был направлен на работу в город Орджоникидзе, Северная Осетия трест “Кавказсвинецстрой”. Там меня приняли и переправили в Садонское рудоуправление, где я получил работу механика на рудниках цветных металлов (медь, цинк, олово, свинец и вкрапления урана). Работа эта считалась вредной для здоровья, день засчитывался за два и зарплата была довольно высокой. Незадолго до истечения требуемого трехлетнего срока отработки после института (а здесь полуторагодового), приехала медицинская комиссия и забраковала меня по состоянию здоровья. Переводить меня в управление на полтора месяца не было смысла, и меня после недолгих размышлений и по согласованию с какой-то другой организацией перевели в Среднюю Азию, где я должен был отработать оставшиеся три месяца механиком на завершении строительства административного здания. Здесь я даже не успел разобраться что к чему и оказался на свободе. В это время в Ташкенте выступал эстрадный оркестр Узбекистана. Я пошел на концерт и после концерта познакомился с дирижером. Мы разговорились, и он, узнав о моем музыкальном прошлом, сказал, что у них серьезно заболел саксафонист, и было бы здорово, если бы я мог заменить его на время предстоящих гастролей по республике. Я выразил сомнение, что могу быть полезным. Тогда дирижер сказал: “Давайте попробуем”, и принес саксофон с новым мундштуком и какие-то ноты. Я немного повозился. А потом, к моему удивлению, начал играть по нотам. Дирижер тоже был немало удивлен, а вместе с тем и обрадован. Он сказал, что я справлюсь и что у меня есть целая неделя для подготовки к гастролям.

Несколько секунд я колебался, а потом согласился. Перспектива была заманчивой.

После гастролей, в которых я довольно успешно выполнил свою задачу, выяснилось, что заболевший саксафонист обречен и что он, конечно, не вернется в оркестр. Тогда дирижер предложил мне постоянную работу в оркестре. Я вежливо поблагодарил его, но отказался. Не для того я так упорно и долго учился, чтобы закончить свою карьеру в заштатном эстрадном оркестре. Я сердечно распрощался с дирижером и музыкантами и укатил. Теперь у меня были деньги, и я мог позволить себе роскошь поколесить по стране. Так я докатился до Киева и там застрял, потому что женился и нашел инженерную работу. Потом стал инженером в другой организации, и там проработал до самой эмиграции в США.

О тех организациях, где я работал, а также о забавных эпизодах и некоторых колоритных сотрудниках написана глава “От трудов праведных”..

О нашей адаптации в Америке написана глава: “Первое знакомство”
Что касается повести “Не убий!”, то она документальна.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕСНИ

СТАРЫЙ СОЛДАТ	4
ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ	6
ТРАДИЦИОННЫЙ СБОР	8
ПИОНЕРСКАЯ ПОХОДНАЯ	10
ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ.....	12
ТЕНИ	14
ГОРИТ ЗВЕЗДА.....	16
СТАРИННЫЙ РОМАНС	18
НОСТАЛЬГИЯ	20
ПИСЬМО	22
ЖАЛОБЫ СТАРОГО ЭМИГРАНТА	24
ВЕЧНЫЙ ЖИД.....	26
ДЕТСТВО.....	28
ПЕСЕНКА ЭМИГРАНТА.....	30
НОВЫЕ РУССКИЕ	32
НОВЫЙ РУССКИЙ В ПАРИЖЕ	34
РАЗМЫШЛЕНИЯ	36
В ЦЕРКВИ.....	38
ОДИНОЧЕСТВО	40
НАШЕ ВРЕМЯ.....	42
ВЕСНА	44
НОВЫЙ ФАУСТ.....	46
ПЕСЕНКА О ТРУДЕ	48
ДЕДУШКА	50
В ПАРКЕ.....	52
ПЕСНЯ О МИРЕ	54
ИЗГНАНИЕ.....	56

СТИХИ

НЕПОВТОРИМОСТЬ БЫТИЯ	61
НОВОГОДНЕЕ.....	62
РАБСТВО	63
ИСХОД.....	65
ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ.....	67
ИСПОВЕДЬ.....	69
МОЙ СВЕРСТНИК	70
КИНО	72
ОДИНОКИЙ СТАРИК.....	73
НОВОГОДНЕЕ.....	74
КОМПЬЮТЕРНЫЕ СТРАДАНИЯ.....	75
ЙОМ КИПУР	77
НОВЫЙ ГОД.....	77
ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА	78
ДОЧЕРИ 2 ГОДА	79
ДОЧЕРИ 10 ЛЕТ	80
ДОЧЕРИ 13 ЛЕТ	82
СЫНУ 15 ЛЕТ.....	83
СЫНУ	84
ЖЕНЕ 40 ЛЕТ	86
ЖЕНЕ 55 ЛЕТ	86
НОВОБРАЧНЫМ	87
ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ГЕНСЕКЕ	88
РУССКИЙ РЕСТОРАН	91
ПАМЯТИ ИОСИФА БРОДСКОГО	92
ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ГАЛИЧА.....	93
ПАМЯТИ ВАСИЛИЯ ГРОССМАНА ..	94
ПРОЩАНИЕ С 2014 ГОДОМ	95
ПОЭЗИЯ	96
РЕКВИЕМ.....	97

ПРОЗА

ЗАТОПТАННЫЙ РОСТОК	101
ПОСЛЕ ДНЯ ПОБЕДЫ.....	113
МСТИТЕЛЬ	117
ПЛОЩАДЬ КОММУНЫ.....	123
МОИ СОСЛУЖИВЦЫ (СССР).....	128
ГИП ЛЕВА	131
МОИ СОСЛУЖИВЦЫ (США).....	135
ВОРОВСТВО	143
СЛУЧАЙ.....	145
И МЕХ, И ГРЕХ.....	147
КАРТОФЕЛЬНЫЙ БИЗНЕС	149
ПРИЛОЖЕНИЕ	152
ИСТОРИЯ МОНУМЕНТА	155
РАЗРЫВ.....	158
ЦЕЛИТЕЛИ И ШАРЛАТАНЫ	165
В ПОИСКАХ ЖИЗНИ	171
ПОСЕЩЕНИЕ ИЗРАИЛЯ.....	183
КОНЕЦ.....	191
КОЧКА ЗРЕНИЯ	208

ПЬЕСА

MAGIC LAMP	215
------------------	-----

ДОПОЛНЕНИЯ

ВОСПОМИНАНИЕ О ВОЙНЕ.....	231
ЗАПОЛНЕНИЕ ПРОБЕЛОВ В КНИГЕ.....	234